

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»»

ОКТЯБРЬ

2001

ТИШРЕЙ

5762

№ 10 (114)

РАДОСТЬ – СЛУЖЕНИЕ Б-ГУ

Первая половина месяца Тишрей – время Суда. Это кульминация раскаяния, очень напряженные дни. Вторая половина месяца – время радости, самой большой радости, аккумулируя которую в дни праздника Суккос, мы как бы запасаемся ею на весь предстоящий год. Пик радости – Симхас Тойра, день, когда со свитками Торы мы танцуем вокруг бимы, возвышения, на котором читается свиток Торы, и, закончив читать последнюю главу великой Книги, дарованной нам Б-гом, мы тут же приступаем к чтению первой. Так наша жизнь начинает новый ее виток, направленный навстречу Творцу.

«Трубите в шофар в Новомесячье, в назначенное время, — для праздничного дня нашего, ибо закон это для Израиля, установление от Б-га Яакова», – сказано в Теилим (81:4,5). Мы живем преимущественно по лунному календарю, где каждый месяц начинается с Рош-Ходеш (новолуния). Как и Луна, которая в начале каждого своего нового цикла скрыта от наших глаз и, постепенно проявляясь все больше, в полнолуние предстает, наконец, во всей своей сияющей полноте, так и еврейские праздники: радость одних скрыта, других — явна. Рош а-Шона – первый день месяца, когда Луна скрыта, а Суккос начинается 15 Тишрея, когда Луна в апогее своего величия. Это определяет серьезность, строгость Рош а-Шона и Йом Кипура, в которых радость присутствует скрыто, она заключена в их сущности, в итоге тшувы, когда, раскаявшись, человек возвращается к Б-гу, и это приносит ему радость.

По своей натуре человек в немалой степени пессимист. Он всегда чего-то боится, переживает. Боясь плохого, он начинает фантазировать, преувеличивая возможную опасность. Однажды ко мне пришла очень расстроенная женщина: став религиозным, ее сын, всегда звонивший каждый день, перестал звонить по Субботам. Мать одолевала тревога, каждый раз в этот день ей казалось, что с ним что-то произошло, и она хотела одного: чтоб все было, как прежде... Цемах Цедек, третий Любавичский Ребе, сказал такие слова: «Слава Б-гу, что переживания не дают никакого результата». Они никогда не помогают в решении вопросов. Но почему он сказал «Слава Б-гу, что переживания не дают никакого результата»? А что бы было с людьми, если б вдруг переживания хоть кому-нибудь помогли? Они переживали бы постоянно!

Человек скорее склонен ожидать плохие новости, нежели хорошие. К сожалению, иногда люди испытывают удовлетворение, когда дурные вести приходят к другим, считают, что, если несчастье пришло не к ним, это уже хорошо. Но ведь все мы братья, все – одна семья, и горе другого человека – это и наше горе. Мы накрепко привязаны один к другому – у евреев это так, как ни у одного другого народа.

Человек живет в плену страхов, от которых, к сожалению, не существует лекарства. Но тот, кто верит в Б-га, все переживает намного легче. Он знает: если он сделал все, что в его силах, с Б-жьей помощью будет хорошо, и все эти страхи и переживания он воспринимает совсем по-другому, ведь у него есть опора — Б-г. Б-г – наш Отец, который всегда рядом и делает для нас только хорошее. Об этом говорят наши пророки и мудрецы.

В Талмуде есть истории о Нохуме по прозвищу Иш Гам Зу и о рабби Акиве. Первый, что бы ни случилось, всегда говорил: «И это к лучшему», за что удостоился помощи самого пророка Элиягу, явившегося в этот мир, чтобы в трудную минуту его поддержать. Второй, рабби Акива, когда другие мудрецы оплакивали судьбу Израиля,

сумел увидеть дальше, чем они, и радовался, будучи уверенным в милосердии Всевышнего. Не случайно народная мудрость гласит: «Что Б-г ни делает – все к лучшему». Эта истина выражена на многих языках.

Нужно понимать, что ограничения, которые Б-г ставит для людей, – к лучшему. Кто лучше, чем Тот, Кто сотворил все, весь мир, может знать, как надо и как не надо жить? Запреты и предписания Торы, все заповеди – только для того, чтобы наша жизнь была полноценной и радостной. Согласитесь: у водителя, который знает и строго придерживается правил дорожного движения, меньше шансов попасть в аварию, чем у начинающего или лихача. Тем более это касается человека, который придерживается заповедей Б-га. Кроме того, знающий что делать и охотно делающий именно то, что надо, получает от жизни больше радости, чем другой.

У верующего человека по сути есть два уровня понимания. Один – «И это тоже хорошо» и «Что Б-г ни делает – все к лучшему». Другой уровень понимания – «Все, что Б-г делает, все хорошо» – более высокий. Когда мы говорим: «Гам зу летова» – «Это тоже хорошо», то имеем в виду, что с одной стороны все же не хорошо, но мы надеемся на хорошее. А когда человек говорит: «Все, что Б-г делает, – хорошо», значит, он признает – если даже мне не виден свет, он есть. Условно говоря, в одном случае мир разделен на добро и зло, белое и черное, в другом – мир целостный, он белый, а в этом цвете, как известно, заключена вся цветовая гамма, все краски мира.

Конечно, человеку трудно воспринять перемены с позитивной стороны, поскольку перед ним нет полной картины, он видит только фрагмент, связанный с ним одним. Если бы мы могли видеть на 10, 100, 1000 лет вперед, то, возможно, пришли бы к выводу, что случившееся сейчас, ужасное в наших глазах – самое лучшее из всего возможного. Когда пожар уничтожил старую синагогу в Марьиной роще, люди думали, что общине конец. Но привезли фургончик, и молитвы продолжались, не останавливаясь ни на день, и сегодня – слава Б-гу! – на том месте стоит дворец. Нам не дано постичь пути Б-га, мы можем только верить: «Все, что Б-г делает, – хорошо».

Многие считают, что соблюдать заповеди тяжело, они ограничивают человека. Но посмотрите на ребенка, которого воспитывают в семье, и на другого, бездомного сироту. Второй – свободнее: он может идти туда, куда нельзя другому, у него нет обязанностей перед членами семьи, но кто хочет иметь такие свободу и счастье? Люди без Б-га, как сироты. А заповеди Б-г дал для того, чтобы обезопасить настоящие ценности. Соблюдающий их человек, конечно, не может всегда радоваться и веселиться, но он знает истинную радость.

Оказавшись перед лицом больших проблем, каждый нуждается в поддержке, помощи. Неверующий ищет их у таких же, как он. Ко мне приходила женщина с тяжелой депрессией из-за семейных проблем. Она рассказала, что ходила к известному психологу, заплатила большие деньги, а результата никакого. Ко мне она пришла в полном отчаянии, как в последнюю инстанцию. К сожалению, полностью решить ее вопрос я не мог, но уходила она уже с иным настроением. Во-первых, я расспросил ее о психологе, к которому она обращалась: женат он или нет, какие у него отношения с детьми... Она сказала, что сейчас он не женат, но скоро женится в третий раз, что от детей у него одни неприятности... У этого психолога оказались точно такие же проблемы, как у нее самой, и он не мог ей помочь. Не верящий в Б-га не может помочь нуждающемуся в вере. А этой женщине нужна была вера. В нашей традиции есть значительно больше того, что может дать самый лучший психолог, все психологи вместе. Женщина должна была понять: ее миссия – стараться жить в гармонии с мужем. Мы создаем семьи не для того, чтобы

получать удовольствие друг от друга. Будущее человека – в семье, в детях. Цель нашей жизни в воспитании детей. Мы многое делаем ради них, они будут делать для своих детей то же и так далее.

Надо находить радость в том, что имеешь. И трудные ситуации могут многому научить, если не замыкаться в обидах. Трудно обрести радость тому, кто постоянно сомневается, его мучают тревоги: так поступить или эдак, что будет завтра?.. Если сегодня все идет так, как ему хочется, он доволен, но вдруг что-то меняется – и начинаются страдания. Что дает основание человеку считать, что его логика совершенна, а спокойная, беспроблемная жизнь ему на пользу? Все может быть к лучшему, если, не впадая в панику, мы делаем то, что хочет от нас Б-г. Традиция учит: нет ничего случайного, потому что Б-г никогда не перестает направлять нашу жизнь. С верой в Б-га в сердце еврея укореняется радость.

Самая нормальная и радостная жизнь – это когда человек понимает ценности жизни, других людей, помогает им, находится с ними в хороших отношениях. Помогать людям, быть полезным им – радость не на минуту, это самая большая, вечная радость. А когда жизнь человека сконцентрирована на собственном «я», эгоистична, он радуется только тогда, когда у него есть то, что он желает. В противном случае – раздражение, печаль. Наши мудрецы говорили, что унывать – это самый большой грех.

Праздник Суккос – праздник нашей радости, главная его идея – веселье. В Торе говорится о многих неприятностях, которые могут происходить с еврейским народом, если он служит Б-гу равнодушно, без радости. Многих это удивляет. Но в радости человека суть отношения к Б-гу, суть отношений с людьми. Можно судить о человеке по тому, как он умеет радоваться.

В Торе есть немало запретов, но нигде нет запрета веселиться. Суккос – это кульминация служения. Если ты понимаешь, что есть Б-г, понимаешь свою цель в жизни, то можешь радоваться и тому, что у тебя есть этот день, за который каждое утро ты благодаришь Всевышнего. Музыка, танцы, песни – все это те пути, посредством которых человек выпускает свою радость наружу, и те каналы, через которые радость входит в него.

Радуйтесь большому и малому. Пойте, танцуйте, веселитесь! Хорошего и сладкого всем года!

Āĕāāī ūé ðāāĕī Dīŕĕĕ Āādĕ Ēāçāð

УРОКИ ТОРЫ КИ ТЕЦЕ

В этой главе подробно изложены многие законы, причем один из разделов целиком посвящен разводу. В беседе разбирается само понятие развода, идет ли речь об отношениях между мужем и женой, или между человеком и Б-гом. Рассматриваются некоторые парадоксы из соответствующего трактата Талмуда. Анализируемые парадоксы косвенно дают нам понять, что если внешне развод и выглядит как разделение, суть его совершенно в ином.

РАЗВОДНОЕ ПИСЬМО

В этой главе затрагивается тема развода (Дворим, 24:1 и далее) и здесь же упоминается «свиток с разводным письмом» – сейфер крисус – документ, с которым развод вступает в силу. Само это название соединяет два противоположных понятия. «Развод» указывает на отделение, раздел. С правовой точки зрения предполагается (Гитин, 84б), что этот документ с безусловной ясностью разрывают любые узы, связывающие мужа и жену. Но при этом термин «свиток» указывает, что данный документ должен соответствовать положениям, данным в Свитке Закона – в Сейфер Тора: так, «свиток с разводным письмом» должен быть написан правильными строками, а длина его должна быть больше ширины (Тур, Шулхан Орух, Эвен а-Эзер, гл. 125). Однако Сейфер Тора – символ единства. Как сказал Рамбам, «Тора дана была, чтобы установить мир в мироздании» (Кон. Законов Хануки). Заметим: разводное письмо должно быть написано на одном листе, а это ведь тоже символизирует единство (Гитин, 20б).

То же самое противоречие просматривается и в правиле писать разводное письмо длиной именно в 12 строк, «соответствующих 12 строкам, которые отделяют первые четыре книги Торы от последней» (Тойсфойс, нач. Гитин) в Сейфер Тора. И в этом правиле опять просматривается идея разделения.

БРАК И РАЗВОД

Этот парадокс, заложенный в практике развода, объясняется тесной взаимосвязью между разводом и браком в Законе.

Брак выражает идею единства и совместности: «Поэтому оставляет человек отца своего и мать свою и прилепляется к жене своей, и они становятся одной плотью» (Брейшис, 2:24). И все же еврейский брачный закон – описание трех способов, которыми может быть заключен брак – выводится из того самого фрагмента анализируемой нами главы, где говорится о разводе (Ср. Кидушин, 2а, 4б, 5а). С другой стороны, трактат Талмуда, посвященный разводу (Гитин), оканчивается замечанием, предостерегающим от него: «Школа Шама утверждает, что не должен муж разводиться с женой, если только не доказано, что на ней лежит вина в том, что она не соблюла чистоту» (Мишна, Гитин, 1:1). И даже школа Гилеля, предоставляя мужу значительно бо́льшую свободу действий, допускает развод только в случае второго брака. В Талмуде трактат о разводе завершается следующим утверждением: «Если же мужчина разводится с первой женой, жертвенник и тот источает слезы» (Гитин, 90б).

Сходное отношение к разводу косвенно выражено и в разделе, открывающем трактат Гитин: «Податель свитка с разводным письмом, что написано (мужем, пребывающим) в чужой стране (то есть – за пределами страны Израиля) должен объявить: “В моем присутствии был он написан, и в моем присутствии поставлена под ним подпись”» (Мишна, Гитин, 1:1).

Это очень необычное начало. Казалось бы, трактат должен начинаться основными положениями – когда допустим развод (а мы видели, что именно этим перечислением трактат заканчивается), как он происходит, как о нем объявляется и т.д. Но вместо этого он начинается, казалось бы, частным случаем применения закона, а не общим правилом. Более того, речь идет о чем-то косвенном: не о разводе, но о правиле, определяющем порядок вручения посланцем разводного письма. И к тому же рассматривается исключительный случай, когда разводное письмо прислано от мужа, находящегося в другой стране.

Дело в том, что, составляя Мишну, рабби Иеуда а-Носи выбрал для начала раздела именно этот фрагмент, чтобы подчеркнуть саму природу развода. Формула «податель свитка с разводным письмом, написанном в чужой стране...» говорит нам, что сам развод берет свое происхождение в «чужой стране» духа. И этим начальным предложением рабби Иеуда а-Носи дает понять, что развод противоречит природе вещей. А изложив все подробности законов о разводе, он вновь напоминает нам в последнем абзаце (Мишна, Гитин): «Не должен муж разводиться с женой, если только...»

ИЗРАИЛЬ И Б-Г

У всего этого есть и более глубокие духовные уровни. Брак мужчины и женщины – метафора отношений Б-га и Израиля (фактически вся книга Шир а-Ширим основана на этом представлении). Союз Б-га и Израиля был установлен на горе Синай. И мы используем один и тот же глагол, когда говорим о Б-жественных заповедях или приносим брачную клятву, – в первом случае сказано «Тот, кто посвятил нас в заповеди Его», а во втором «Ты посвящена мне этим кольцом, по закону Моше и Израиля» (Тания, ч. 1, гл. 46, с.65б).

В свою очередь, находясь в рассеянии, Израиль испытал на себе, что значит быть в разводе с Б-гом. В Талмуде (Сангедрин, 105а) рассказывается о том, как пророки призывали общество Израиля покаяться и вернуться к Б-гу, а в ответ слышали: «Если муж развелся с женой, может ли он предъявлять претензии бывшей супруге?» Тем самым подразумевалось, если Б-г развелся с Израилем, отправив его в рассеяние, то Он не может требовать, чтобы Израиль хранил Ему верность. В Талмуде ответ этот назван «сокрушительным возражением».

Почему? Ведь Талмуд приходит к совершенно иному. Там дана цитата из пророка Иешаяу: «Так сказал Г-сподь: где то письмо развода матери вашей, которым Я прогнал ее?». (Иешаяу, 50:1). И действительно, как может развестись Израиль с Б-гом? Закон учит, что развод считается совершенным и вступает в силу только тогда, когда разводное письмо передано из рук в руки, – перестав принадлежать мужу, оно перешло в собственность жены. Но разве может что-нибудь перестать принадлежать Б-гу? Ведь Ему принадлежит все мироздание.

Ответ на это в начале трактата – он заключен в словах о том, что истоки развода «в чужой стране» духа. Ибо Б-г пребывает в «чужой стране», в том царстве, что лежит выше нашего понимания. А потому порой нам кажется, что Он удален от нас. А значит,

сама возможность развода есть не что иное, как порождение нашего сознания, будь то развод между Б-гом и человеком или между мужем и женой.

Однако в действительности все иначе. Ибо когда Б-г говорит «Я совершенно сокрою лик Мой» (Дворим, 31:18), Он тем самым дает знать, что, даже если лик Его сокрыт, мы все же можем открыть Его сущность. Развод между Б-гом и Израилем только видимость. На самом деле их связывают нерушимые узы.

В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

Кажущееся удаление Б-га в «чужую страну» есть следствие удаления самого Израиля. Ибо все, происходящее в царстве духа, является следствием наших деяний в этом мире.

«Чужая страна» в контексте Талмуда означает удаленное от земли Израиля место – то, откуда нелегко попасть в страну Израиля, ибо для этого надо перейти море или совершить нечто подобное (сам термин, который используется в иврите, «мединас а-ём», означает «страна за морем»).

Переводя вышесказанное на язык духовной реальности, страна Израиля, страна Б-жественной милости, олицетворяет желание и волю Б-га (Ср. Малахи, 3:12; Брейшис Раба, 5:8). Когда же человек удаляется от этой воли, когда между ним и волей Б-га возникают препятствия (когда разум и сердце человеческие не могут пересечь море, отделяющее от Б-га), тогда человек оказывается в «чужой стране». Он оказывается там, где в свою очередь Б-г удаляется от него. Ибо, когда человек удаляется от Б-га, удаляется и Б-г от человека.

ВЕСТНИК

Предположим, мы представили, что Б-г может сокрыть Свой лик и удалиться в «чужую страну», которой не достичь человеку, – что Б-г может отринуть народ Свой, разведясь с ним окончательно и бесповоротно, так что проляжет между Б-гом и Израилем запрет.

Но на это Мишна говорит нам: «Податель свитка с разводным письмом, что написан в чужой стране, должен объявить: “В моем присутствии был он написан и в моем присутствии поставлена под ним подпись”». Иными словами, податель разводного письма должен подтвердить, что он – не муж, а только вестник, им посланный.

Это означает, что те силы, которые сокрушили Израиль и отправили его в рассеяние, сами глубоко сознавали: они лишь посланники Его воли, и не им дано истинное владычество над Израилем. Израиль же есть и всегда будет народом Б-га. А значит, разводное письмо никогда не покидало рук «мужа», и развод не имеет силы.

СВЯЩЕННЫЙ БРАК

Мы раскрыли два факта, касающиеся связи между Б-гом и Израилем: внешне Израиль пребывает в разводе с Б-гом, а внутренне узы, связующие их, все столь же нерушимы. Чтобы понять это, мы должны коснуться самой природы данного брака.

Еврейский брак характеризуется тем, что, хотя муж посвящает себе жену, а не наоборот (Кидушин, 5б), это посвящение может произойти только тогда, когда женщина

знает о том и согласна (там же, 2б). На горе Синай в момент священного бракосочетания Б-га и народа Израиля Б-г открыл Израилю Свою любовь, чтобы вызвать встречную любовь в Израиле (Тора Ор, 98д), которая нашла свое выражение в известной формуле «сделаем и услышим». И хотя любовь эта была вызвана самим Б-гом, она пустила корни в душах народа Израиля, так что стала самой основой его существования. Настолько, что, как пишет (в Законах Герушин, кон. гл. 2) Рамбам, еврей «желает исполнять все заповеди и воздерживаться от их нарушения», а потому грешит лишь тогда, когда это сущностное желание заслонено или замутнено неким неодолимым соблазном. Любовь еврея к Б-гу есть некая константа. Порой что-то может затмить эту любовь, как при затмении тень закрывает Солнце, но не погасить ее.

Рассеяние не есть развод. Оно есть сокрытие любви. Вот почему, когда рассеяние придет к концу и любовь вновь обнаружит себя, Б-гу и Израилю не нужен будет новый Синай, новое бракосочетание. Ибо первый брак никогда не кончался.

ЛЮБОВЬ ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ

Есть еще один момент, значительно более существенный. Дело не только в том, что отторжение Израиля от Б-га – лишь видимость, а не реальность. Дело и в том, что это отторжение, это рассеяние раскрывает более глубокую любовь, связывающую их. Предположив возможность реального отторжения, мы могли бы тогда предположить и то, что любовь Б-га обусловлена чем-то внешним, зависящим от покорности Израиля Его воле. Но и в рассеянии мы убеждаемся в скорби Б-га («Если же мужчина разводится с первой женой, жертвенник и тот источает слезы»), в которой выражается любовь вне всяких условий, любовь, присущая Б-гу и евреям в самой их сущности.

Вот почему трактат Гитин оканчивается словами «Она есть спутница твоя и любовь завета твоего»: эти слова должны показать, что кажущийся развод Израиля с Б-гом служит тому, чтобы явственней обнаружилось: Израиль является и неизменно пребудет «женою Его завета».

СМЫСЛ РАССЕЯНИЯ

Теперь мы понимаем значение того, что, хотя Сейфер Тора может быть написана на нескольких листах пергамента, склеенных вместе, разводное письмо пишется только на одном листе.

Что касается рассеяния и изгнания – этого кажущегося развода, то существует лишь подтверждение единения Б-га и человека, подтверждение более великое, чем само Дарование Торы.

Синай стал свидетелем явленной любви. Но Откровение подвержено воздействию времени. В рассеянии же то, что теплится в сердце, и есть сама сущность любви, которая порой может быть сокрытой, однако живет всегда.

Вот почему фрагмент главы Ки Теце, посвященный разводу, читается в течение семи недель утешения после 9 Ава. Это должно показать, что на самом деле Б-г не покинул Израиль. Наоборот, состояние кажущейся покинутости дано нам, чтобы мы пришли к значительно более глубокому и вечно существующему завету любви. И как в Талмуде за трактатом о разводе (Гитин) следует трактат о бракосочетании (Кидушин), так в нашей духовной жизни за состоянием покинутости и изгнания следует откровение глубочайшей любви между Израилем и Б-гом.

КИ ТАВО

Эта глава посвящена законам принесения в Храм первых плодов урожая, собранных в земле Израиля. В беседе рассматривается молитва, которую читает каждый участник церемонии принесения плодов. В ней восславляется два чуда: избавление Яакова от Лавана и Исход из Египта. Почему же упомянуты именно эти два чуда и только они? Как выясняется, обряд принесения первых плодов особым образом связан именно с этими чудесами. Он имеет глубокий смысл, связанный с нашей жизнью.

ДВА ЧУДА

Глава этой недели начинается описанием двух обрядов, связанных с принесением в Храм первых плодов земли, символизирующих благодарность Б-гу. «А ты возгласи и скажи перед Б-гом, Всесильным твоим: “Арамеец сотворил зло отцу моему, и сошел он в Египет и жил там с немногими людьми... И вывел нас Б-г из Египта рукою сильной... И привел Он нас на это место и дал нам страну эту, страну, текущую молоком и медом. А теперь вот принес я начатки плодов земли, которую дал Ты мне, Б-г!”» (Дворим, 26:5,6, 8 – 10).

Стих «арамеец сотворил зло отцу моему» согласно Раши и другим комментариям относится к Лавану, замышлявшему убить Яакова, что привело бы к истреблению всего еврейского народа. Поэтому, принося на алтарь первые плоды земли, евреи благодарили Б-га за избавление и спасение нашего народа от истребления, которое грозило нам сперва от руки Лавана, а потом от египтян, однако милостью Б-га евреи были приведены в страну, «текущую молоком и медом».

Но если молитва эта призвана напоминать нам о милости Б-га, почему же в ней упомянуты лишь два эти события? Ведь Израиль знает многие иные чудеса избавления: таковы расступившиеся во время Исхода воды Красного моря, победа в битвах с амалекетянами, ниспослание мана и появление воды в пустыне, победа над Сихоном и Огом и т.д.

И египтяне, и Лаван действительно грозили Израилю полным истреблением, а потому избавление от угрозы, исходившей от них, существеннее, чем всякое иное спасение, обретенное посредством чуда. Но, продолжая это размышление, мы видим, что обойдено молчанием другое важное событие: спасение Яакова с его детьми от брата Эйсав. Ибо поступи Эйсав так, как боялся того Яаков («Ибо я боюсь его: как бы не нагрязнул он и не поразил у меня мать с детьми» – Брейшис, 32:12), не осталось бы народа Израиля.

Может показаться также удивительным, что Раши не касается этого вопроса. То, что он обходит этот эпизод молчанием, ставит нас в затруднительное положение: должны ли мы понимать данный стих буквально? Ведь комментарий Раши призван прояснить именно темные места. Но как раз потому, что Раши ничего не говорит о данном эпизоде, мы должны сделать вывод, что по сути никакой проблемы здесь нет. Собственными силами или опираясь на предыдущие замечания Раши, мы можем понять, почему в молитве, которая читается над плодами, принесенными в Храм, нет необходимости упоминать об избавлении Яакова от Эйсав.

УГРОЗА РЕАЛЬНАЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ

Возможное объяснение кроется в том, что угроза, исходящая от Эйсав, вовсе не была реальной. Встретив Яакова после многих лет отчуждения, Эйсав не причинил брату вреда. Угроза, связанная с ним, существовала только в сознании Яакова и была порождением его тревог и опасений.

Но верно и то, что и Лаван не причинил вреда Яакову. Однако намерение Лавана было вменено ему Б-гом в вину, как если бы он и впрямь совершил задуманное. Раши, объясняя, почему в Торе сказано о Лаване: «арамеец сотворил зло отцу моему», вместо «арамеец искал зла отцу моему», поясняет: «ибо это входило в намерение Лавана, и

Г-сподь вменил это ему в вину, как если бы в действительности он совершил зло, ибо когда идет речь о народах мира, Святой, да будет Он благословен, судит намерения как деяния». Здесь же кроется объяснение, почему в данном стихе Лаван назван арамейцем. С другой стороны, Эйсав был евреем, пусть и евреем-отступником (Кидушин, 18а), поэтому его намерение причинить зло Яакову рассматривалось скорее как возможная, чем реальная угроза, и избавление Яакова в данном случае не стоит упоминания в благодарственной молитве.

И все же мы стоим перед дилеммой. Потому что, если мы должны упоминать в молитве лишь об избавлении от реальной угрозы, такой угрозой было только египетское рабство (именно в Египте еврейский народ познал угнетение, именно в Египте он был притесняем). Наше рассуждение показало: Лаван не причинил Яакову реального вреда. И если Г-сподь вменил ему в вину намерение как реально совершенный проступок, то это распространяется только на наказание, которое выпало Лавану, и не имеет отношения к Яакову. В противном случае мы должны упоминать в молитве все милости, которых удостоились от Б-га, даже если то было милостивое избавление от угрозы не реальной, а потенциальной, и тогда мы должны упомянуть эпизод с Эйсавом.

Следовательно, мы должны признать: только эти два чудесных избавления – от Лавана и от египтян – связаны с заповедью приношения первых плодов земли Израиля.

ЗЕМЛЯ, ДАННАЯ В УДЕЛ

Приносить плоды в Храм стало обязательным лишь после того, как израильтяне вошли в Землю Обетованную, завоевали ее и заселили (Раши, Дворим, 26:1).

Мы видим, что в заповеди, повелевающей приносить первые плоды Б-гу, речь идет не просто о том, чтобы выразить благодарность Ему за дар земли Израиля, но прежде всего за то, что отныне Израиль получил постоянное место обитания. Только поселившись в своей земле, евреи могли возрадоваться с легким сердцем, только тогда могли они принести первые плоды этой земли в дар Б-гу.

Принесение плодов выражает благодарность за страну, что «течет молоком и медом», за возможность жить в этой стране во веки веков, «вкушать от ее плодов и насытиться от благ ее».

И чтобы подчеркнуть это, выбраны именно два наших примера. Именно чудо избавления от Лавана и чудо избавления от египетского рабства важны, когда речь идет о том, что предки наши получили место, в котором суждено им жить всегда. Эти же два

примера указывают, что враги замыслили сокрушить Израиль, но потерпели от Б-га поражение, а потому земля эта будет безопасна. Только эти два события в истории Израиля четко указывают на то, что в дар еврейскому народу дана земля, на которой ему суждено жить всегда («и привел нас на это место»), земля, где суждено обрести благо и достаток.

Именно два этих примера – с Лаваном и Египтом – связаны с чудесами, свершившимися, когда наши предки жили оседло. В Сирии Яков пробыл 20 лет, и 210 лет прожил в Египте народ Израиль. Слова молитвы «Арамеец сотворил зло отцу моему, и сошел он в Египет» изначально указывают на то, что сама угроза связана была с местом поселения еврейского народа. С другой стороны, Эйсав противостоял Якову, когда тот находился в пути. То же самое верно и относительно иных чудес, ниспосланных Израилю, когда вышел он из Египта и странствовал в пустыне. Эти чудеса никак не связаны с той благодарностью, которую выражает Израиль, поселившись в земле, полной благ, данной ему в удел.

ПРИНОШЕНИЕ И МОЛИТВА

Как же представляет обряд приношения плодов хасидизм? В Ор а-Тора (Ки Таво, с. 1040 и сл.) содержится разъяснение, что древесный плод подобен душе, облеченной в тело, а потому приношение первых плодов – это акт, призванный обозначить связь воплощенной души с ее истоком в Б-ге. У пророка Ошеа сказано: «как первый плод смоковницы в начале созревания ее, увидел Я отцов ваших» (Ошеа, 9:10). И «отец» души – ее небесный источник, подобен первому плоду. Прикрепление души к Истоку состоит из двух частей: возвышения земного (приношение плодов) и привлечения небесного, нисходящего при том (сопроводительная молитва).

Так в молитве содержится мысль, что святость должна излиться с небес на землю. Путь Якова к Лавану был путем нисхождения (от духовности Беер-Шевы к развращенности Харана) и нисхождением было переселение Израиль в Египет. Два этих нисхождения повлекли за собой два великих акта милосердия Б-га и чудесного избавления, когда народ Израиль был спасен от уничтожения.

Важно распространить этот принцип на жизнь каждого еврея. Еврею недостаточно успокоиться на своем духовном восхождении, воспарении души, ищущей близости Б-га. Он должен стремиться еще к тому, чтобы духовность снизошла в мир, наполнив каждую область жизни, с которой еврей соприкасается. Духовность должна проникнуть в мир его трудов, его социального общения, чтобы внешняя жизнь не только не препятствовала его стремлению к Б-гу, но сама стала бы составной частью этих духовных исканий. Вот те первые плоды, которые еврей приносит Б-гу, и, посвящая их Святости, он достигает изначальную цель человека – сделать весь мир обителью Б-га.

НИЦАВИМ

Ницавим неизменно читают перед Рош а-Шона. Это третья глава с обращением Моше к еврейскому народу: «Вы стоите сегодня все пред Б-гом, Всесильным вашим...». Свою речь Моше адресует всем евреям вместе взятым и отдельным группам — от «глав колен ваших» до «черпающих воду для тебя», которые также объединены воедино словами «вы все».

Данная беседа состоит из двух посланий Ребе к Рош а-Шона. В начале рассматриваются отношения индивида и сообщества и вопрос, требует ли Тора во имя

единства еврейского народа пожертвовать индивидуальностью. Затем акцентируется внимание на положении евреев, которые по сей день в разных точках планеты сталкиваются с политическим угнетением, не имеют возможности свободно исповедовать свою веру. Чему нас учит их пример?

ИНДИВИДУУМ И ОБЩНОСТЬ

Тора обращается к каждому еврею со следующими словами: «Вы стоите сегодня все пред Б-гом, Всесильным вашим: главы колен ваших, старейшины ваши и надсмотрщики ваши, каждый человек в Израиле... от дровосека твоего до черпающего воду для тебя».

В самом этом высказывании уже содержится противоречие. Стих начинается обращением к Израилю как к общности всех евреев: «Вы стоите сегодня все...» – без приведения каких-либо различий между ними. Но следом подробно перечисляются все группы евреев сообразно их положению. Зачем это нужно, если слова «вы... все» уже включают всех и каждого?

Сказано это затем, чтобы донести крайне важную суть (Ликутей Тора, нач. Ницавим): с одной стороны, между евреями должно быть единство, но в то же время каждый вносит в это единство собственный вклад, у каждого – своя миссия.

Но, если должно существовать между евреями различие, причем столь значительное, что на одном полюсе оказываются «главы колен ваших», а на другом – «черпающие для вас воду», как между ними может быть истинное единство?

Сам стих предлагает ответ на это: «Вы стоите сегодня все пред Б-гом, Всесильным вашим». То есть евреи стоят перед Б-гом, полностью осознавая, что от Него их способности (Ср. Тур и Шулхан Орух, Орех Хаим, гл. 5), Он – основа их существования, и все евреи суть одно.

Это можно понять на простом примере. Когда люди образуют внутри сообщества группу, объединенную какими-то интересами – экономическими, интеллектуальными, какими-либо другими, они сообща пользуются деньгами и идеями друг друга, сообща трудятся ради достижения какой-то цели, отводя для этого определенное время. Вне рамок данного сообщества они полностью сохраняют свою индивидуальность, собственный неповторимый мир.

Общность Израиля – иного рода. Ибо это общность «пред Б-гом, Всесильным вашим», и ее цель «вступить тебе в союз с Б-гом, Всесильным твоим, и принять строгое заветное Его» (29:11). Этот союз охватывает всего человека целиком («вы все» в значении «всей вашей сущности», то есть всем вашим бытием), не только его труды или мысли, но всего его полностью – со всем, что он есть и что может дать. И это сообщество – сообщество в вечности, вечное, как Тора. Именно в этом истинное единение.

Более того, только усилиями каждого отдельного еврея, направленными на то, чтобы внести свою особенную лепту в этот союз завета, живет вся община. Единство Израиля создается не тем, что каждый еврей уподобляется другому, но тем, что он следует исполнению велений «Б-га, Всесильного вашего». Израиль перед Б-гом единое целое тогда и только тогда, когда каждый еврей выполняет миссию, порученную лишь ему одному.

ОБЕЩАНИЕ ИЛИ ФАКТ?

В словах, открывающих главу Ницавим, заключено совершенно ясное послание. А в наши дни здесь особо следует остановиться на том, что касается «глав колен ваших» – духовных лидеров евреев, начиная с глав общин и кончая главами семей.

На возражение относительно того, что в наши дни, в нынешних обстоятельствах еврею весьма нелегко сохранить строгую верность иудаизму, не поддаться компромиссу, изо дня в день соблюдая Завет, Тора дает ответ: «Вы стоите сегодня». Слова эти – не повеление, не предсказание и не обещание. Это – факт. Он заключается в том, что каждый еврей стоит перед Б-гом, Г-сподь — крепость его и его жизнь. И долг каждого – дать этому факту раскрыться во всей полноте, перевести его из потенциального в актуальное бытие.

Слова, открывающие главу, выражают абсолютную уверенность в том, что каждый еврей, весь еврейский народ придет на коронацию Б-га, как и прежде в день Рош а-Шона, придет к тому, что примет Его владычество и провозгласит, что Он есть Властелин Израиля и всего мира.

ЭТОТ ЧАС И ЕГО ЗАДАЧА

Первейший долг «глав общин», особенно в период Десяти дней трепета, нести свет Торы и заповедей ее всем, кто рядом. Они должны сделать так, чтоб их воодушевление ощущалось в каждодневной жизни во всем, в поступках. И на них лежит особый долг перед теми, кто сейчас далек от соприкосновения с иудаизмом: они должны пробудить в этих евреях чувство, которое бы подтолкнуло их вернуться к корням, восстановить свою еврейскую идентичность, начать полноценную еврейскую жизнь, полноценное исповедание иудаизма на протяжении всего года.

Увы, часто мы упускаем эту лучшую из возможностей, выпадающих нам в течение года: вместо того чтобы вернуться к истоку, мы заполняем этот день обсуждением мировых проблем, которые, как бы ни были важны, неподвластны говорящему и слушающим, им их не решить. И крайне грустно, что вместо того, чтобы использовать эти дни для духовного пробуждения, чтобы вовлекать в еврейское общество в его всеобъемлющем и вечном завете с Б-гом новые силы и укреплять каждого еврея в том, чтобы он исполнял свою личную миссию, данную Б-гом, мы впустую тратим время и силы на обсуждение мировых проблем и прочие занятия, которые в сущности так далеки от того, что требуют от нас Дни трепета.

СТОПЫ, НАПРАВЛЯЮЩИЕ ГЛАВУ

В стихе «Вы стоите сегодня...» заложен еще один смысл. Здесь перечислены различные группы евреев, от «главы» до «стоп» общинного тела, но следует помнить, как указывает Алтер Ребе (Ликутей Тора, нач. Ницавим), что порой «стопы» берут на себя роль «главы». Или, разворачивая эту метафору, при том, что именно голова – вместилище разума, управляет всем телом, именно стопы наше тело несут (включая и голову). А потому, когда речь идет о духовности, «черпающие воду» могут порой служить образцом для «глав колен ваших».

Голова есть вместилище разума, интеллекта. Стопы же повинуются указаниям разума; они должны повиноваться, их сущность – немедленное исполнение велений разума. Но как же тогда «черпающий воду» – простой еврей с его простым исполнением

заповедей, его нерассуждающей верой может быть образцом для интеллектуальных вождей общины? Не наделенный особыми способностями в изучении Торы, не имеющий благоприятных возможностей ее изучать, жертва противоречий, заложенных в самой его природе, жертва жизненных обстоятельств, – чем же обладает он, чтобы служить примером для тех, чье положение намного лучше?

Тут возникает еще один вопрос. Сам Б-г указывает и повелевает каждому из евреев, как следует вести жизнь, изо дня в день. Почему же тогда получается, что некоторые не имеют возможности жить так, как этого хочет Г-сподь? Ведь Он есть Хозяин мира. И все же есть ситуации, когда евреи – вопреки их стремлению, невзирая на всю их готовность к самопожертвованию – оказываются лишенными возможности вести еврейскую жизнь во всей ее полноте. Можно принести себя в жертву, спрыгнув с крыши на землю. Но нельзя с земли прыгнуть на крышу. И подняться из глубин, в которые ввергнут еврей против своей воли, может быть превыше его сил. Как же терпит Г-сподь подобное угнетение?

ПОСТУПОК И ЖЕЛАНИЕ

Ответ тут коротко таков. Верно, что деяние важнее помысла. Намерение неполно без поступка. И все же помыслы и намерения немаловажны. И когда еврей не может действовать, как он того желает, даже ценою величайшего самопожертвования, он испытывает глубочайшую скорбь и чувство утраты. И чувство это столь глубоко, что затрагивает самую сущность души. А это приводит еврея к переживанию величайшей преданности Б-гу, Его Торе и заповедям, ибо не будь этой скорби, иудаизм никогда бы не значил для него так много. В подобном положении он не только неповинен, что не смог исполнить волю Б-га, но он вознагражден за свои стремления, хоть и не смог их осуществить. И что еще важнее, его духовная жизнь достигает таких глубин совершенства, которых, будь обстоятельства благоприятнее, он не смог бы достичь. Когда же милостью Б-га такой еврей получает возможность свободно исполнять все религиозные установления, он исполняет заповеди с небывалой ревностью и тщанием.

Именно так «черпающий воду» становится образцом для «главы», для всех евреев, и те, кто избежал «железного горнила» горя, может извлечь из такого примера урок и вдохновение.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛЬНАЯ И МНИМАЯ

Здесь важно внести ясность в одном вопросе. Порой искушения, которые перед нами предстанут, не столь очевидны и трудноразличимы. Самые сильные из них – самообман и самовлюбленность. Их воздействие на нас до банальности сходно: мы пытаемся убедить себя, что исполнить заповеди не в наших силах. Мы бы и хотели, говорим мы себе, но против нас обстоятельства. Так мы снимаем с себя ответственность и списываем все на факторы, нам не подвластные.

«Человек себе близок», а потому каждому из нас трудно увидеть себя объективно. А значит, не следует забывать: когда нечто представляется нам невозможным, в этом куда больше нашего желания таким образом это представлять, нежели реального положения вещей. Чтобы понять истинную природу сложившейся ситуации, следует обратиться к кому-то еще – кто выше самообмана и не поддастся искушению дать именно тот ответ, который вопрошающему желанней, к тому, кто выше всяких обстоятельств, и взгляд его будет взглядом Торы, ибо она есть «Торас эмес», истинная Тора, а истина не терпит компромиссов. Лишь он может помочь вопрошающему

отделить реально существующие препятствия от тех, что он воздвигает перед собой сам, лишь бы избежать ответственности.

Десять дней трепета, или Десять дней тшувы (раскаяния, возвращения к Б-гу), – то время в году, когда еврей возвращается к своему сущностному «я» (Ср. Рамбам, Законы Герушин, кон. гл. 2), когда маски самообмана сорваны. И это сущностное «я» – суть истинная часть Б-га Всевышнего (Тания, ч. 1, гл. 2) – обретает выражение во всевозможных мелочах его жизни, в мыслях и деяниях.

ВАЕЛЕХ

Глава Ваелех обычно читается в Субботу после Рош а-Шона. В беседе Ребе прослеживается связь этой главы с ее местом в календаре. В главе рассказывается, как Моше, завершив письменную Тору, передал ее левитам, чтобы она хранилась в Ковчеге Завета, в Святая Святых. В определенном смысле Рош а-Шона и Йом Кипур — Святая Святых еврейского года. Каково же значение Святая Святых и как оно воздействует на внешний мир?

КОВЧЕГ, СКРИЖАЛИ И ТОРА

В этой главе Моше обращается к левитам со следующими словами: «Возьмите эту книгу учения и положите ее у стенки ковчега союза Б-га, Всесильного вашего...» (Дворим, 31:26).

В Талмуде (Бава Басра, 14 а. Цит. Раши, Дворим, там же) есть две различных интерпретации фразы «у стенки ковчега». Согласно одной свиток Торы был положен внутрь ковчега вместе со скрижалями, на которых были начертаны десять заповедей. Согласно другой — Тора была положена снаружи ковчега, на выступе, находящемся с одной стороны ковчега. Обе интерпретации согласны в том, что Тора хранилась в Святая Святых. Тем самым и Тора, написанная рукой человека, и скрижали, начертанные рукой Б-га, находились в Святая Святых.

Понятно, почему в Святая Святых были помещены скрижали, которые чудесным образом пребывали в пространстве этого мира и одновременно вне его. Ковчег имел физические измерения: два с половиной локтя в длину, полтора в ширину и полтора в высоту. При этом он не занимал места в пространстве, ибо сказано, что Храм был 20 локтей в ширину, а по каждую сторону ковчега было свободное пространство в десять локтей. Талмуд (Йома, 21а) разрешает это противоречие следующим образом: «Традиция утверждает, что место ковчега... находится вне пространственных измерений».

Точно так же буквы, нанесенные на скрижали, которые можно было прочесть и измерить, не имели никакой субстанции, кроме субстанции самого камня. При этом центральные части букв конечного «мем» (мем-софит) и «самех» держались на своем месте только благодаря чуду (Шабос, 104а; Мегила, 2б): «мем» и «самех» – «закрытые» буквы, и камень в их центре ни к чему не был прикреплен, но удерживался на месте самим Б-гом. Иными словами, буквы пребывали в пространстве, не принадлежа ему.

Однако какое отношение к Святая Святых имеет свиток Торы? Ведь ее буквы были написаны. То были чернила, нанесенные на пергамент. Чернила, в которых не было ничего чудесного.

СВЯТАЯ СВЯТЫХ И МИР

В пространстве и времени Святая Святых удерживало нечто, принадлежащее иному порядку, более высокому. Основная задача Святая Святых заключалась в том, чтобы чудесным образом распространять свой свет вовне, озаряя двор коэнов (священников), двор Израиля, двор женщин, Храмовую гору и далее весь мир, сияя всем народам, дабы они знали: бесконечность может быть обретена в конечном, и Б-г обитает в мире.

Следовательно, свиток Торы был помещен в Святая Святых как предмет-посредник между внутренним священным пространством и окружающим миром. А ковчег и скрижали олицетворяли собой полное отсутствие всего в присутствии Б-га. Они не занимали пространства – они были чем-то, превратившимся в ничто. Но буквы Торы, написанные чернилами на пергаменте, были реально ощутимы. Таким образом, именно рукописная Тора была тем элементом, посредством которого сияние Б-га проникало в мир, живущий во времени и пространстве.

РОШ А-ШОНА И ГОД

Согласно хасидизму, Рош а-Шона обладает особыми духовными характеристиками. Весь остальной год мы служим Б-гу в пределах нашего рассудка, который ограничен, и, даже когда мы поступаемся собой, то исходим из нашего понимания нужд данного момента. Но в Рош а-Шона мы достигаем того состояния самозабвения, упразднения самости, которое совершенно превышает рассудок. Не преследуя какой бы то ни было рациональной цели, мы просто отзываемся на Откровение, исходящее от источника, который превыше нашего понимания.

И это состояние, связанное с Рош а-Шона, не сводимо к одному только этому празднику. Через весь остальной год, живя и действуя в рамках рассудка, мы должны пронести то вдохновение, исходящее от чего-то высшего, что не в состоянии постичь наш разум. Здесь можно провести аналогию со Святая Святых и буквами, начертанными на скрижалях: при том, что они локализованы в пространстве, все же они дают свет всему миру. И хотя Рош а-Шона локализован во времени, он освещает собой весь год.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К РОШ А-ШОНА

Однако чтобы это произошло, следует совершить ряд приготовлений. Намек на это содержится в главе Ницавим, которую мы читаем перед Рош а-Шона: «Вы стоите сегодня все пред Б-гом, Всесильным вашим: главы колен ваших, старейшины ваши и надсмотрщики ваши... от дровосека твоего до черпающего воду для тебя». Каждый еврей должен слиться с этой общностью воедино. И «главы колен» не должны стоять поодаль от «черпающих для тебя воду». Единство евреев требует не меньшего, чем единение «всех из вас».

Еврей, преодолевающий социальные разграничения во имя того, чтобы слиться со всем сообществом, преодолевает тем самым и границы времени. Он вносит дух Рош а-Шона во все остальные дни, распространяя благословение этого дня на целый год.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ТШУВЫ

Эта беседа посвящена трудностям перевода. Перевод исходит из того, что для всякого слова одного языка может быть найден эквивалент в другом языке. Но это не совсем так, особенно когда мы обращаемся к понятиям, составляющим само сущностное ядро иудаизма. И, приравнивая какое-либо из понятий иудаизма понятию другой культуры, отличной от нашей, а порой даже ей противостоящей, мы можем впасть в ошибку. Это верно и в отношении понятий, связанных с Десятью днями трепета. В русском они выражаются как «покаяние», «молитва» и «милосердие». Сколь далеки они от еврейских тшува, тфила и цдока, и поясняет Ребе.

СЛУЖЕНИЕ ДЕСЯТИ ДНЕЙ

В день Рош а-Шона мы уповаем на то, что Г-сподь благословит нас «добрым и плодородным годом», годом, в который родятся дети, будет здоровье и достаток.

Но нет предела добру и благословию. А потому, покуда длятся Десять дней тшувы, нам раскрывается возможность через служение обрести и более великие дары Б-га, ниспосылаемые Его «открытой рукой, насыщающей все живое по благоволению».

Что же это за служение? Оно состоит, как говорится в наших молитвах, в «раскаянии, молитве и милосердии», отвращающих зло и несущих добро. Однако слова «раскаяние, молитва и милосердие» способны нас дезориентировать. Переведя таким образом еврейские термины тшува, тфила и цдока, мы приходим к неправомерному сравнению этих трех элементов религиозной жизни иудаизма с тем, что вне его.

По сути это различие – решающее. Тшува не есть покаяние. Тфила не есть молитва. И цдока не есть милосердие.

ТШУВА И РАСКАЯНИЕ

Слову «раскаяние» в еврейском соответствует не тшува, а харата. Мало того что термины эти не являются синонимами, их смысл противоположен.

Харата предполагает наличие угрызений совести или чувства вины, обусловленных прошлыми деяниями, и в связи с этим намерение действовать в будущем совершенно иначе. За этим стоит решение стать отныне «новым человеком». Тшува же означает «возврат» к старому – к изначальной сущности. За этим понятием стоит представление о том, что еврей по сути своей хорош. Желания, страсти или искушения могут заставить его «забыть себя», уклониться от своей истинной сути. Но творимое им зло не является частью его самого и не влияет на его истинную природу. А потому тшува – это возврат к собственной сути. И если раскаяние подразумевает отвержение прошлого и начинание заново, то тшува означает возврат к корням, находящимся в Б-ге, благодаря чему обретается истинное «я».

И тогда, даже если праведным нет нужды в раскаянии, а грешные могут быть к нему не способны, и те, и другие должны совершать тшуву (Ср. Контрас Бикур Чикаго. С. 23). Праведные, хотя никогда не грешили, должны постоянно стремиться вернуться к сокровенной сути своей души. А грешники, как бы ни были далеки от Б-га, всегда могут

вернуться к начальному состоянию, ибо тшува не предполагает «сотворение нового», а только новое открытие добра, которое было с нами всегда.

ТФИЛА И МОЛИТВА

Слову «молитва» в еврейском соответствует не тфила, но бакаша. И вновь эти два термина противоположны по сути. Бакаша означает «молиться, просить, умолять». Тогда как тфила значит «присоединяться», «прилепиться» (Ср. Раши, Брейшис, 30:8; Ор а-Тора, Вайеце, 380а).

В бакаша мы просим Б-га ниспослать нам свыше то, чего мы лишены или в чем испытываем нужду. Следовательно, когда мы ни в чем не испытываем недостатка или не чувствуем желаниа получить дар свыше, бакаша становится излишней.

В тфила же мы стремимся соединиться с Б-гом. Это движение, направленное снизу, от человека, в стремлении достичь Б-га. Подобное движение пристало всякому, в любое время.

Душа еврея связана с Б-гом. Но при этом она обитает в теле. Тело же столь одержимо материальным, что связь души с Б-гом может истончаться и иссыхать и ее необходимо постоянно крепить и обновлять. В этом-то и состоит функция тфилы. Тфила необходима каждому еврею. Даже если кто-то ни в чем не испытывает недостатка и ему нечего просить у Б-га, нет никого, кто не нуждался бы в том, чтобы соединиться с Источником всей жизни.

ЦДОКА И МИЛОСЕРДИЕ

Ивритское слово «милосердие» – не цдока, а хесед. И вновь мы сталкиваемся с тем, что значения этих двух слов расходятся.

Хесед, милость, предполагает, что тот, кто получает ее, не имеет права на этот дар, а дающий вовсе не обязан что-либо давать. Он дает лишь от своих щедрот, по благорасположению собственного сердца. Его действие – скорее добродетель, нежели долг.

С другой стороны, цдока означает «праведность» или «справедливость». То есть еврей дает, потому что в этом состоит его долг. Ибо, во-первых, все в мире принадлежит одному лишь Б-гу. Всем, чем владеет человек, он владеет не потому, что имеет на это право. Правильнее сказать: всё, чем он обладает, доверено ему Б-гом. И одно из условий этого доверия таково: человек должен помогать тем, кто в этом нуждается. Во-вторых, человек должен поступать с другими так, как он просит Б-га поступать с ним самим. И как мы просим у Б-га благословения, хотя Он ничего нам не должен и у Него нет перед нами обязательств, так мы, по закону справедливости, обязаны давать просящим, хотя ничего им не должны. Так воздается нам: мера за меру. Если мы даем свободно, не по принуждению, так же дает нам Б-г.

Это особо приложимо к цдоке, данной в поддержку тем заведениям, где заняты изучением Торы. Ибо всякий, получивший такого рода образование, есть будущее основание дома Израиля – он станет направлять новое поколение. Каким будет это поколение, зависит от цдоки – и деяние попечителя есть мера его награды.

ТРИ ПУТИ

Перед нами три пути, ведущие к «написанному и запечатленному печатью» году, который можно прожить в добре. Возвращаясь к нашему сокровенному «я» (тшува), «прилепляясь» к Б-гу (тфила) и праведно делясь принадлежащим нам (цдока), мы создаем условия для того, чтобы возможности, заключенные в Рош а-Шона, с наступлением Йом Кипура реализовались с лихвой, и мы вступили в год счастья и изобилия.

БЫЛ ЛИ МОИСЕЙ ОРТОДОКСОМ?

Второй раунд.

Автор статьи – директор «Центра осмысленной жизни» – написал книгу «К жизни, полной смысла». Предыдущая его статья, написанная для журнала «Фарбрэнген» (см. «Лехаим» № 8, 2001), вызвала после публикации ее в 1998 году целый поток писем. Отзывы большинства читателей были положительными. Но не все. Один раввин из штата Мичиган обвинил автора в том, что он-де «прискорбно ошибается, если думает, что соблюдение Торы и заповедей не создает или органически не меняет присущую человеку душу»... Этот раввин утверждал: «Нет сомнения, что соблюдение Торы и заповедей – единственный ключ к общению с Творцом. Люди, которые последовательно идут этим путем, называются ортодоксальными евреями, и Всемогущий все последние 3500 лет охранял их от коварных, своенравных, непостоянных, изменчивых окольных путей, которыми идет сбитое с толку, зашедшее в тупик человечество».

Что ж, продолжим дискуссию?

Вместо того чтобы спорить с тем автором письма, который не сумел понять смысл моей первой статьи «Был ли Моисей ортодоксом?», отступим на шаг. Чем пытаться определить, имеет ли законную силу «ортодоксия», лучше попытаемся уяснить себе, что по сути дела делает еврея евреем.

Может быть, культура? Образование? Соблюдение обрядов? Личность? Гены? История? Запрограммированность? Антисемитизм? Куриный бульон? И т.д. и т.п. – при желании список можно продолжить. А между тем ответ прост. Что делает вас человеком? Человеком – и что гораздо важнее – евреем вас делает одно и только одно: ваша душа, ваша нешомо.

По сути дела вы – это ваша душа, заключенная в тесный сосуд. Б-г создал вашу душу по Своему Б-жественному образу и подобию. Эта душа – «неотъемлемое право» всякого человека, неизменное и произвольное. Душа так же неизменна, как сам Г-сподь Б-г. Для философии Торы основной является мысль, что ничто – никакие действия, никакое поведение – не может изменить Б-жественную природу души. Душа вечна! Еврей имеет уникальную еврейскую душу.

Даже если человек – упаси Б-г – согрешит и нарушит Б-жий Закон, всегда остается надежда на тшуву (раскаяние). Маймонид писал: «Тора заверяет, что в конце голуса (изгнания) евреи совершат тшуву. Даже если человек не получит искупление

грехов, его поведение отразится на его теле и на отношении тела к душе – но не на самой душе! В иудаизме, безусловно, нет такой вещи, как вечное осуждение души».

Это не какое-то мнение или точка зрения, это фундаментальный компонент еврейской веры, веры в бессмертие Б-га и в Б-жественную душу, абсолютная вера в то, что Б-жий замысел в отношении всего сущего осуществится. Иудаизм учит, что зло преходяще, а добро вечно!

Добро должно восторжествовать и восторжествует! Это – основа нашей веры в Мошиаха и в покаяние: мы верим, что мир наконец поймет цель, для которой он был создан. Ведь в противном случае ставится под сомнение существование самого Б-га.

Хорошо известное высказывание Гилеля гласит: «Любите все создания и приближайте их к Торе». Когда Гилель употребляет на первый взгляд странное выражение «создания», вместо того чтобы сказать «любите всех людей», он напоминает нам, что даже если человек явно лишен добродетели, все равно его следует любить за одно то, что он – Б-жие создание! Б-г решил создать его или ее, и это самая главная причина любить друг друга. Поэтому мы любим каждого безоговорочно, безусловно, в том числе и преступников и тех, кто не выполняет того, к чему он призван.

Но любовь на этом не останавливается. Подлинная, безусловная любовь означает также, что ты желаешь своему любимому только самого лучшего. Гилель продолжает: «И приближайте их к Торе». Любовь к ближнему заставляет делать все, что в ваших силах, дабы вдохновить своего ближнего и побудить его жить так, чтоб он мог максимально реализовать свои потенциальные возможности. Поэтому я могу быть не согласен с поведением или выбором какого-то другого еврея, но никогда не стану осуждать человека в нем. Я обниму его как брата, ибо оба мы Б-жьи дети!

А сейчас давайте вернемся к вопросу о религиозной «принадлежности» Моисея.

Понятие «ортодокс» политизировано и бюрократизировано. Большинство светских людей понимают под «ортодоксом» не еврея, соблюдающего предписания Торы, и не «Б-гобоязненного еврея», а политическую партию, «догматичное меньшинство», которое жаждет прийти к власти и навязывать свою волю другим. Так это или нет, но таково представление об ортодоксии у многих людей.

Кто может сказать, что они ошибаются? Сколько евреев отшатнулись от иудаизма по уважительным причинам: одни бежали из дома, потому что в нем господствовал религиозный гнет; другие почувствовали себя чужими в синагогах; третьи столкнулись с раввинами, которые встали на бюрократическую точку зрения и, стремясь наставить евреев на путь истинный, вели себя несдержанно, сердито, проявляли лицемерие или даже оскорбляли их и все якобы во имя «ортодоксии» и выполнения Б-жьей воли! Такие раввины следуют букве Закона, но не его духу.

Термин «ортодоксальный» зачастую подразумевает «негибкий», «застойный». А между тем Алоха (еврейский закон) имеет также значение «алихо» – «движение». Ибо это динамичная, живая система! Она не отбрасывает к древним эпохам, а обеспечивает живой подход к жизни, подход, который позволяет создавать бесконечно много новых сочетаний Б-жественной музыки, пользуясь теми же музыкальными обозначениями, теми же «нотами», что и наши святые предки.

Нигде в Торе не найти такого слова, как «правоверный» («ортодокс»); коли на то пошло, не найти там и слов «реформист» или «консерватор». Термин «ортодоксальное еврейство» был создан только после того как родились реформистское и консервативное движения, чтобы противопоставить одно другому и подчеркнуть контраст между ними. Поэтому мы снова задаем вопрос: «Был ли Моисей евреем-ортодоксом?» Нет! Ибо ярлыкам и определениям, изобретенным человеком, нет места в отношениях между нашей душой и Б-гом.

АРИЭЛЬ ШАРОН В МАРЬИНОЙ РОЩЕ

Вечером 5 сентября в Московском еврейском общинном центре состоялось событие не только значимое — знаковое. На встречу с московской общественностью прибыл премьер-министр государства Израиль Ариэль Шарон – герой Израиля, каким его знают евреи всего мира.

Уже за два часа до начала этой встречи не только около синагоги, но и в ее окрестностях собралось такое число людей, какое было, возможно, только в день, когда свой первый исторический визит нанес еврейской общине президент России Владимир Путин.

А люди все продолжали и продолжали прибывать.

Èàùùèèì íàì íæàò áùòù àùùò àí íæáí èèøüí ìùùáùò àì ì èðà..

Èàááè Í àòì àí èç Áðàðèááà

В этот вечер в зале собралось множество высоких гостей: в полном составе присутствовало руководство ФЕОР – главный раввин России Берл Лазар, глава попечительского совета Леви Леваев, президент Михаил Глуз, приехали посол России в Израиле г-н Богданов, посол Израиля в России г-н Натан Мерон, министр печати Израиля г-жа Ливни, почти в полном составе посольство Израиля в Москве, прибыли самые яркие

представители русско-еврейской интеллигенции столицы – общественные деятели, выдающиеся актеры, со всей страны прибыли руководители еврейских общин, – всех не перечислить.

Вечер начался выступлением главного раввина России Берла Лазара. Он отметил, что сегодняшний день в жизни евреев России особый: настало время, когда еще недавно стеснявшиеся своего происхождения, пытавшиеся «отделаться» от него, теперь они гордятся своим еврейством. Изменилось отношение к еврейскому вопросу и в стране – произошел перелом. Нынешнее правительство России, администрация президента, Владимир Путин лично делают все, чтобы от государственного антисемитизма не осталось и следа. Нынешнее отношение властей к евреям заслуживает уважения и благодарности. И эта обстановка способствует возрождению еврейской жизни. Раввин Берл Лазар сообщил: только за последние несколько лет в России было создано свыше 130 еврейских общин, за последний год – 64.

Президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев говорил о еврейском образовании, которое развивается во всех странах СНГ. «В огромной стране, где еще 10 лет назад не было еще ни одной еврейской школы, сейчас их сотни», – отметил он.

Выступали представители общин. При всей важности затрагиваемых проблем зал явно был наэлектризован ожиданием: все ждали, когда, наконец, прозвучит сильный голос Ариэля Шарона, каждый шаг которого связан с надеждами едва ли не всех евреев мира.

Шамир о Шароне

Я слушал выступающих и, конечно же, думал о Шароне. Мне вспомнилась беседа с Ицхаком Шамиром в январе нынешнего года в Израиле. Мудрый, опытный политик, он немало говорил мне о политических деятелях современного Израиля, но больше всего – об Ариэле Шароне. Он вспомнил операцию «Мир Галилее» летом 1981-го. «Это сегодня можно рассуждать, что, мол, этой войны можно было избежать, – говорил Шамир. – Победа в ней принесла Израилю безопасность на долгие десятилетия. Шарон был тогда министром обороны, а я – министром иностранных дел. Конечно, мы совершили немало ошибок, что неизбежно. Но решительность Шарона, его умение вести войну сыграли в нашей победе решающую роль. А его поведение в Ливане!.. Не стану рассказывать, как он договаривался с Амином Жмайелем (тогда – президентом Ливана,

христианином. – М.Г.) от имени правительства, но еще раз повторю: все его дела, даже ошибки, были во имя Израиля...»

А вот что он писал в своей книге «Подводя итоги».

«Что касается Шарона, то мне не нужен опыт Ливанской войны, чтобы сформировать свое мнение о нем... Я думаю, что этот человек отдавал и отдаст себя полностью Государству Израиль, что он – лидер от природы, умный и бесстрашный, но неспособный освободиться от врожденной доли экстремизма и опрометчивости в поведении, что часто приносило вред и ему самому, и делу его жизни...» (Выделено мной. – М.Г).

Хотелось бы узнать мнение Шамира о Шароне сегодня. Позволю предположить, упрек в экстремизме вряд ли бы теперь прозвучал. Да, безусловно, как и всем евреям мира, Шарону хотелось бы, наконец, разрубить гордиев узел застарелой ближневосточной проблемы. Но жизненный опыт сделал его осторожней и мудрей. Впрочем, от его решительности и воли ничуть не ubyло. Скорей наоборот.

«Я призываю вас совершить алию!»

Арье Шарона встретил залп аплодисментов, но он, как правило, не дает им долго звучать. Он приехал сюда не стяжать славу. Вот что он сказал.

«Дорогие мои еврейские братья! Примите мои поздравления с еврейским новым годом из Израиля, столицы еврейского народа на протяжении трех тысяч лет – единой и неделимой столицы нашего народа, нашего государства, в центре которого находится Храмовая гора. Такой неделимой столицей останется этот город во веки веков.

Я прибыл сюда уже не первый раз с визитом, чтобы укрепить связи между Израилем и Россией в области культуры, экономики, в области наших стратегических интересов. Нас объединяет тревога относительно распространения экстремистского исламского террора, который подрывает стабильность в мире. Нас объединяет тревога относительно усилий Ирака, а также Ирана вооружиться оружием массового уничтожения.

Нас встретили здесь по-дружески. Я хочу поблагодарить президента России Владимира Путина, с которым знаком уже несколько лет, за то, что он делает возможной свободную общинную жизнь еврейского населения, за то, что евреи могут свободно исповедовать свою религию, что ворота России открыты для выезда евреев в Израиль.

Я не был здесь два с половиной года. Невозможно не отметить больших перемен к лучшему... Но у меня к вам только одна просьба: не привыкайте к этому, совершайте алию, переезжайте в Израиль. Я приехал сюда, чтобы вам это сказать, призвать вас к этому...

Я приехал сюда, чтоб обратиться к вам, как еврей к евреям – ведь я в первую очередь еврей, для меня это самое важное, самое главное. И я хочу сказать вам, дорогие еврейские собраты, о некоторых важных для меня вещах. Первое, что я считаю важным отметить, – это единство евреев. Сейчас наша страна переживает тяжелый час – час испытаний, и теперь более чем когда-либо важно единство нашего народа. Только сплотившись, только будучи едиными, мы сможем выстоять. С этой целью я сформировал

правительство национального единства, и я хочу сказать вам, что это правительство продержится в течение нескольких лет несмотря на все разногласия.

Я хотел бы сказать вам, что главное для евреев сейчас – сплоченность и единство. Это важно в любой точке мира... Можно ли вообще спорить в те дни, когда мы с вами становимся свидетелями беспрецедентной антисемитской кампании, которой не было со времен второй мировой войны? Мы должны учиться на ошибках прошлого, мы должны сплотиться перед лицом этой антисемитской угрозы. Эта ненависть к евреям преподносится сегодня в антиизраильских тонах, однако это настоящий антисемитизм в полном смысле слова.

Я призываю вас сохранять в себе еврейство, изучать иврит, Тору, историю еврейского народа, земли израильской, где даже на один день, на единый день не прерывалась еврейская жизнь, знать еврейскую мудрость. Это необходимо изучать здесь и в Израиле. Чтобы люди были горды своим народом, своим духовным наследием, они должны его хорошо знать. Если не будет еврейского воспитания и образования, не будет и алии. Поэтому так важно сохранять иудаизм... И еще раз хочу подчеркнуть: я призываю вас совершать алию, репатрироваться в Израиль.

Мы уже приняли миллион выходцев из бывшего Советского Союза. Их вклад в развитие Израиля во всех областях чрезвычайно велик. Я говорю не только об их вкладе в культуру, экономику, науку. Среди них есть прекрасные солдаты, прекрасные бойцы. Без них Израиль не добился бы тех достижений, которые он имеет в области высоких технологий. И еще я бы хотел сказать вам: то, что произойдет у нас в Израиле, окажет воздействие на жизнь евреев во всем мире. Я хочу сказать: даже на один день, хоть на один день, не дай Б-г, ослабнет или перестанет существовать Израиль, никто из вас ни в Америке, нигде не будет жить так, как сейчас.

Сейчас мы переживаем тяжелый час испытаний. Против нас поднялась волна исламского арабского террора. Этот террор начался не вчера, он не связан с нашим присутствием в городе праотцев наших Хевроне или в Иерусалиме – этому террору уже 120 лет. Несмотря на это нам удалось добиться в Израиле колоссальных достижений. За последнее столетие не было такой революции, которая могла бы сравниться с сионистской революцией по своему размаху. Эта революция самая оправданная из всех. Мы не собираемся уступать палестинцам и идти на переговоры до тех пор, пока террор и подстрекательства к террору не прекратятся совершенно.

Евреи стремятся к миру. Мы привержены миру. Мы мечтаем о мире и повторяем это слово уже почти 4 тысячи лет... Я много лет служил в армии. Часто военных рисуют как людей, которые стремятся к войне. Меня самого не раз объявляли таким человеком. Но я, участвуя во всех войнах государства Израиль, видел в полной мере все ужасы войны. Мне выпала честь командовать, пожалуй, самыми лучшими частями Армии обороны Израиля. Я командовал войсками особого назначения, десантными войсками, я командовал нашими лучшими танковыми частями, участвовавшими в колоссальных танковых сражениях. Я видел, как мои лучшие друзья погибают в бою, и сам я был дважды тяжело ранен... Мне приходилось принимать решения, от которых зависели жизнь и смерть и моя собственная, и других людей. И поэтому я думаю, что я понимаю особую важность мира лучше тех политиков, которые много говорят о мире, но никогда не видели того, что довелось мне.

Однако мир должен быть подлинным миром для грядущих поколений. Таким миром, который даст евреям безопасность на их родине. Надо помнить, что у евреев есть

только одно государство, одна страна, очень маленькая, но по-настоящему богатая талантами – это правда. Но это единственное в мире место, где у евреев есть право, есть сила для того, чтобы защищать себя. И нужно с Б-жьей помощью хранить это и не отступаться. Однажды я сказал об этом президенту России, другой раз выступал на собрании ветеранов второй мировой войны, которые сражались с нацистским чудовищем в рядах Красной армии. И когда я, выступая, произнес слова о том, что у евреев есть и право, и сила защищать себя на своей родине, поднялся один из ветеранов, на чьей груди было множество орденов и медалей, он опирался на палочку, ему трудно было стоять и сказал: «У евреев есть и право, и силы – это верно, но этого недостаточно. Есть еще и долг охранять страну».

Израиль на протяжении более полувека побеждал во всех войнах, которые он вынужден был вести. Мне не известна ни одна страна в мире, которая, победив в войне, готова была уступить часть территории своей родины в обмен на мир. Только Израиль идет на это. Мы готовы к болезненным уступкам в обмен на подлинный мир. Но мы не пойдем ни на какой компромисс в том, что касается безопасности Государства Израиль и граждан Израиля. Здесь не будет компромиссов. Еще раз повторю: правительство, которое я возглавляю, не будет вести переговоры под огнем и не пойдет ни на какие уступки и компромиссы в области безопасности Израиля точно так же, как Россия, США, Франция или Великобритания не сделали бы этого. Что хорошо для них, хорошо и для нас.

Я хочу еще раз пожелать вам доброго нового года, вашим близким, вашим семьям. Сегодня я обращаюсь к вам: помогите нам! Вы нужны нам в Израиле!»...

Зал поднялся и гремел овациями, но Шарон не выглядел генералом, принимающим парад: он трезвый политик. Под этот аккомпанемент премьер-министру Израиля вручили подарок: «Этот шофар был привезен 150 лет назад из Белоруссии. Он познал погромы, войны и сохранился до наших дней. Сейчас мы дарим его вам, чтобы вы повезли его в Израиль, и чтобы оттуда, с земли Израиля прозвучал голос свободы и для нас – евреев России, Белоруссии, Украины и всех остальных стран диаспоры».

После выступления

Охранники с трудом прокладывали Шарону путь в толпе. Он уехал, а атмосфера, привнесенная им, не разрядилась. Этот человек излучает колоссальную силу. Я подошел к ветерану, очень напомнившего мне того, о котором рассказывал Шарон. Опрятно одетый, он пришел с огромным количеством орденов: как я прикинул, было как минимум тридцать наград. На вопрос, какие чувства пробуждает выступление Шарона, он ответил: «Шарон – это единственный сейчас в Израиле человек, который может стоять во главе такого государства. Я не понимаю тех людей, кто верит, что с

Арафатом можно сторговаться. Весь мир заставляет Израиль на это идти. Вы, наверное, знаете, что еще до войны, до Холокоста было созвано международное совещание, на котором весь мир сделал вид, что хочет помочь евреям, но никто не помог (наверное, он имел ввиду Эвианскую конференцию, созванную под эгидой Рузвельта в 1939 году. – М.Г.). Демократическая Англия не пускала евреев, спасающихся от фашизма, даже в Палестину. А сегодня этот Совет Европы хочет учить Израиль, как ему вести себя с теми, кто хочет его уничтожить. Шарон все правильно сказал!»

Уходя домой, я, давным-давно не юноша, чувствовал, как буквально рефлекторно сжимаю кулаки. «Мир без правды – фальшивый мир», – вспомнились слова ребе Мендла из Коцка. Впрочем, давно известно: «Хочешь мира – готовься к войне». И все же спаси нас Б-г, да минует Эрец Исроэл эта участь!

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Вот и Рош а-Шона – начало нового еврейского года, время подведения итогов, Суда, который вершит Всевышний. Самое время подвести итоги и нам: еще раз обернуться на пройденный путь и посмотреть, как развивалась еврейская жизнь в наших общинах в последние годы. Сегодня мы поговорим о так называемых малых общинах, где праздничные программы не столь грандиозны, как в Москве или Петербурге, а проблемы чувствуются не менее остро и решать их бывает труднее. Но именно на примере таких общин лучше всего видно, как изменилась за последние годы еврейская жизнь в нашей стране. Открылись новые синагоги, еврейские школы и библиотеки, родились театральные и музыкальные коллективы. Это очень важно. Но еще важнее, что «все больше евреев не боятся сказать окружающим: да, они евреи и гордятся своей принадлежностью к еврейству», как написал наш корреспондент из Выборга. Так пишут многие и многие наши корреспонденты со всех концов страны.

Большое значение имеет та связь, которая сложилась у общин с нашим журналом. Общинам небольших городов это позволяет чувствовать себя не одиноким островком в океане, а неотъемлемой частью целого – всей общины страны. Вот, например, что пишут нам из Анапы: «Все до сих пор вспоминают первый праздник нашей общины “Ханука — 2000”, ну а когда об этом событии была опубликована заметка в журнале “Лехаим” среди множества подобных, ликование и радости за себя и свой народ не было предела...».

Радуемся вместе с вами и мы!

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД – ОБЩИНА БОЛЬШАЯ

Иосиф Слободской

БЕЗОБЛАЧНЫЙ ИЗРАИЛЬ В МОСКВЕ

Фотовыставка «Горизонты», открытая в зале МЕОЦа в Марьиной роще, посвящена Израилю. Кажется бы, что нового можно рассказать о нем сегодня, когда информация об этой стране столь обширна? И все же авторам выставки и ее устроителям (прежде всего отделу общественных связей МИДа Израиля и главе МЕОЦа М. Вайсбергу) удалось сделать невозможное – показать современный Израиль в его неразрывной связи с Израилем вечным, так что выставка получилась безусловно оригинальной и притягательной.

Во-первых, необычны авторы выставки – два бывших летчика военно-воздушного флота Израиля: фотограф-пейзажист Даби Таль и пилот вертолета «Робинзон» Моня Харавати. Разделение их труда понятно: пока один ас, поэт душой, ведет небесную стрекозу к самым сокровенным и живописным уголкам родины и кружит над ними, другой снимает. А в результате – необыкновенные фотографии. Когда бы еще мы смогли увидеть Святую землю с высоты птичьего полета! Когда б она предстала нашим взорам, как взору Небес!

Кибуц Яэль, Арава.

На выставке я старался побеседовать с людьми, еще не бывавшими в Израиле, а таких оказалось немало, в особенности пожилых посетителей. Все они говорили о своей любви к Израилю и, конечно, кто не мечтает там побывать и в первый, и в сотый раз! Мне вспомнились слова израильского поэта Давида Шимановича (1866-1956): «Из каждого еврейского сердца тянутся к Израилю невидимые тропы». Когда я спросил одного пожилого человека, почему он так внимательно всматривается в фотографии Иерусалима, он, взглянув на меня не без насмешки, ответил стихами, предупредив, что сегодня они уже почти никому не известны:

Nãäöä ì îá íà Áîñò íéá

çàáðí çáí í ìì,

B æá í à Çàí äää ñàì, -

Èàè æá î ò ää ò üñý ì îá

í àññàæää

í èýì,

Áëáñéó è ì ù ç í ù ì ì èðàì ?..

Nëàüá ì í á äëáñéà è í äë

Èñ á í èè

Áðüü ðèé í è àì í áé

Óðàì à ääéáéíã,

Óðàì à ñææáí í íã

Áääí í é î ò ÷ èçí ù ì í áé...

Модиин.

Конечно же, я узнал стихи Иегуды Галеви!

На этой выставке раздолье людям с воображением: подобно чайке, они могут полетать над Яффским портом, полюбоваться видами Тель-Авивского берега, с обзорной башни в Хайфе посмотреть на залив и новые поселения на его берегу. Здесь замечательные фотографии Южного Негева. Глядя на эти бескрайние пески, не верится, что такой ландшафт современные израильтяне превратили в цветущие города, вокруг которых теперь сады.

Я спросил даму, разглядывавшую фотографии с окрестностями Назарета, где бы она поселилась в Израиле, если бы поехала туда жить? Она ответила: «Я слышала, что в Израиле есть кибуцы, немного напоминающие наши колхозы. Скорей всего, поехала бы туда. Дед мой был в еврейском колхозе в Крыму, и в семье об этом сохранилось немало преданий».

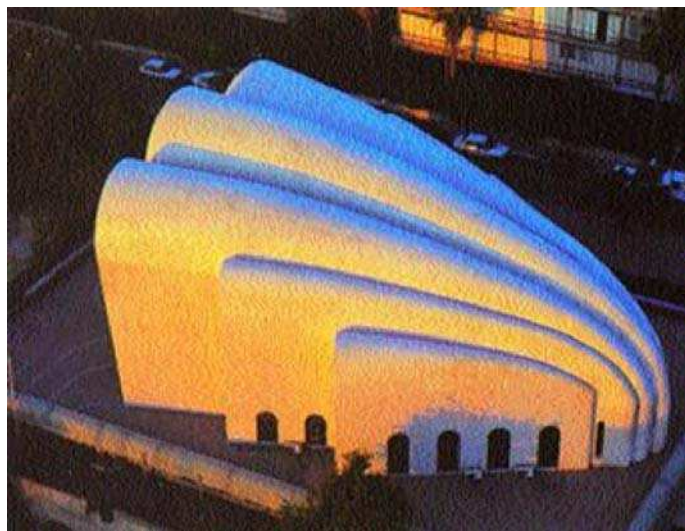

Поля мира, Иорданская долина.

У снимков исторических мест Израиля я застал молодых людей. Указав на фотографию древнего города Бет-Шеан, один из юношей спросил приятеля: «Так это древний Израиль или Древняя Греция?» – «Представь себе, Древний Рим!» – улыбнулся просвещенный друг.

А теперь поделюсь впечатлениями человека, не раз побывавшего в Израиле. Тот Израиль, что я увидел на выставке, мне был непривычен. Совсем незнакомым показался потрясающей красоты вид на гору Кармиэль и Нижнюю Галилею, хотя в Кармиэле я бывал не однажды. Горы, снятые с высоты птичьего полета, стройные ряды словно игрушечных домиков, – все это воспринимается совсем по-иному. А как прекрасны Иорданская долина, Поля мира, Белая площадь в Тель-Авиве...

Признаюсь, отправляясь на выставку, я испытывал некоторый скептицизм: прием фотографирования сверху городских и провинциальных пейзажей не нов... Но авторы не только расширили мое представление об Израиле, а и показали главное – единство древней израильской истории и нынешнего дня. Возможно, более всего это выражено на фотографии синагоги в Тель-Авиве. Храм этот буквально символизирует встречу прошлого и настоящего, органично уживающихся на Святой земле. Кроме того, эта синагога стала памятником жертвам гитлеровского геноцида в Солониках, где была уничтожена вся еврейская община.

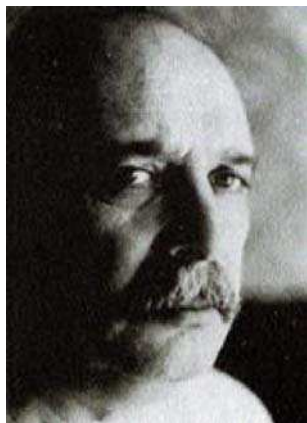

Синагога Эйхал Иеуда, Тель-Авив.

Главное – что эта фотовыставка показывает, что библейский дух не изжит в современном Израиле, связь времен и поколений не прервалась. Уходя из МЕОЦа, я сказал себе, улыбаясь в душе: «Теперь я, кажется, начинаю представлять, как выглядит Святая земля в глазах Всевышнего, и почему Он так к ней привязан...»

Марк Китайгородский

«ДЛЯ МЕНЯ ЕВРЕЙСТВО – ЭТО ВСЕ»

30 августа 2001 года в московской галерее «РусАрта» состоялось открытие персональной выставки Бориса Бомштейна, художника талантливого и самобытного, человека, пытающегося доискаться до самых истоков многоликих истин, явлений, себя самого, такого разного в коллизиях жизни. «Поиск истины бесконечен, но искать ее надо, и на этом пути надежда никогда не покидает меня, — улыбается он. – Я считаю, возраст не убавляет, а прибавляет оптимизм».

Не стану делать экскурс по экспозиции последней выставки Бориса Бомштейна. Замечу лишь, что с годами работы автора все интересней, красочней, динамичней. Каждый штрих, каждый мазок кисти или след мастихина на его полотнах не случаен, он имеет смысл, звук, вес... «Лица его героев разные. Мудрое, “тысячелетнее” лицо раввина, счастливое лицо музыканта, спящее лицо любимой»... — пишет автор каталога выставки. Мне же более всего нравятся работы, где он изображает детей. Вспоминается известное: все мы – из детства.

В одном из интервью он сказал: «Люди, изображенные на моих картинах, – это не столько живые образы, сколько мои воспоминания, мои чувства».

Он родился в Москве в 1938 году. До войны жил в Марьиной роще, на Сущевке. Когда началась война, отец ушел на фронт, а вся семья – бабушка, мать, ее сестра, их дети были эвакуированы в Татарию, в городок Тетюши под Казанью. Было тогда Борису Бомштейну чуть более трех лет. Сегодня, вспоминая этот древний городок Тетюши, Борис Бомштейн рассказывает: «В этой древне, в глухомани мы были первыми евреями. Жить устроились на самой окраине, в отдельной избенке. Зимой волки подходили близко и выли. Я помню это смутно, но в душе сохранились некие образ и чувство, которые я порой испытываю потребность выразить на холсте: зима... Тетюши... глухомань...»

Исход актера. Персонажи. 1987 год.

Но первые еврейские поселенцы в Тетюшах задержались ненадолго. Через год семья переезжает в Коканд, город в Ферганской долине Узбекистана. Древние архитектурные памятники Коканда — дворец Худояра-хана, дом поэта Хамзы — навсегда остались в памяти Бориса Бомштейна. Впрочем, как и сама дорога в этот неизведанный среднеазиатский край: до Коканда добирались долго — сначала на барже до Куйбышева, потом на перекладных до Ташкента, где долго-долго ждали на вокзале поезда в Коканд.

«Однажды во дворе нашего узбекского дома я увидел незнакомого мне человека. Тогда я еще не знал, что это мой отец. Помню запыленные солдатские сапоги — там было очень много пыли. Этот человек дал мне красную детскую винтовочку и поднял сильными руками, и я почувствовал, понял — это мой отец. Он приехал после ранения на фронте. Мне было четыре года.

Помню, как играли с ним в жмурки. Он был у нас недолго. Через какое-то время уехал в Москву, домой, а в 43-м вернулся на фронт и погиб где-то под Ельней. Все это не только запало в душу — стало частью всей моей жизни. Отца не хватало всегда, но и сегодня помню: у меня был хороший отец.

А еще вижу, как сегодня: входит почтальон. Мать берет письмо, разворачивает и вдруг — дико закричала, завывала! Рядом бабушка, дед Шлёма. В этом же дворе жила моя тетя Бася с детьми. Мне показалось, что от рыданий задрожал глинобитный пол, страшные звуки заполнили все жизненное пространство... После смерти отца нас спас офицерский аттестат брата моей матери Аркадия».

Во многих работах Бомштейна особый след, оставленный эвакуацией.

«Эвакуация — это куча народу, свалка людей и дикое несчастье, — вот образ этого явления, сложившийся у него еще в детстве. — Там были евреи и русские, люди других национальностей, все одинаково обездоленные. Эта страшная жизнь в эвакуации сделала людей другими. Там были выручка и взаимопомощь».

В конце войны мать Бориса Бомштейна написала Сталину письмо: просила разрешить вернуться в Москву. Ответ пришел, а в нем — пропуск. Семья вернулась в довоенную марьиноорошинскую коммуналку. Их комната оказалась вся облеплена краской: отец между фронтами подрабатывал в артели, рисовал.

«В день приезда я вышел во двор, – вспоминает Бомштейн – и кто-то сказал так, чтобы я это услышал: “Вот – жиденок!” Мне шел тогда седьмой год...». — До сих пор сердце художника болит той детской обидой. С того момента стало все динамичней работать его самосознание.

«Узнав о своем еврействе, я много об этом думал, но только спустя годы понял, что для меня еврейство – это все. Я – еврей по крови, по духу, по мысли, по восприятию мира. И чем старше становлюсь, тем глубже это понимаю. Жизнь и творчество проходят сквозь эту призму. Чем больше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что наш Б-г есть, Он видит нас, слышит, ведет, помогает».

Клоун. 1993 год.

Глядя на картины Бомштейна, особенно написанные на еврейскую и библейские темы, а таких немало, чувствуешь, как мировоззрение художника начинает проникать и в тебя.

«Еврейскую тему очень люблю. У меня есть циклы работ по Шолом-Алейхему, Менделе Мойхер-Сфориму. Но и в работах, где нет явной еврейской темы, она все равно присутствует — духовно. Возьмите работы художника Арона Буха. Казалось бы, он ничего не написал на еврейскую тему. А на самом деле все только об этом», – считает Бомштейн.

Как-то я услышал от него: «Творчество может сильно воздействовать на человека, который им занимается, даже вылечить его от недугов. Оно может рождать какие-то сильные выплески. Только когда ты любишь мир, когда им любишься, когда любишь жизнь, хочется жить. И эта жажда жизни рождает краски, цвета. Краска – это любовь. Главное – окрасить картины своим чувством Прав был Шагал, сказав, что краска – главное в жизни».

Мое впечатление от работ Бомштейна, его личности было бы не полным без рассказа его бывшей однокурсницы по художественному училищу скульптора Дагмары Регент:

«Он был у нас старостой — очень честный человек, бескомпромиссный и легкоранимый. Из-за этого он страдал. А главной его чертой я считаю природное чувство

сопереживания. Это необычайно чистый по духу человек, может быть, поэтому он не сразу стал писать (с одержимостью художника). Живопись у него копилась в душе, а теперь это накопленное выходит. И знаете, он раньше тяжело болел, ходил с палкой, но когда начал писать, выставляться, выставки пошли, он выздоровел!»

Солянка. Белый день. 1993 год.

Искусство по-настоящему захватило Бориса Бомштейна в 14 лет, когда в Пушкинском музее он увидел картины средневековых мастеров. Полотна показались ему гигантскими. Вначале он узрел в них только коричневый цвет, но вскоре стал различать и другие цвета, и даже оттенки. Эти картины до сих пор влекут его.

Поначалу школой художника Бомштейна были Пушкинский музей и Третьяковка. Потом он закончил Московское театральное художественно-техническое училище (МТХТУ), в конце 1950-х поступил еще в (бывшее Строгановское) – Московское высшее художественно-промышленное училище. Но до его первой персональной выставки было еще далеко — 25 лет. Она состоялась в 1986 году в редакции журнала «Декоративное искусство СССР». А спустя шесть лет он принял участие в выставке еврейских художников СНГ «Диаспора-2», проходившей в Центральном доме художников в Москве. Это была большая выставка, но работы Бомштейна, в особенности его иллюстрации к книгам Менделе Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхема были замечены и отмечены особо.

Поворотом к настоящему признанию стала персональная выставка в московской галерее «Варшавка» в 1995 году. После нее работы Бориса Бомштейна оказались в музеях Москвы, в частных коллекциях России, Австрии, Германии, Финляндии, Италии, Израиля, США и других стран.

Юноша в шляпе. 2000 год.

На мой вопрос, где бы он хотел устроить следующую персональную выставку, Борис Юрьевич ответил: «В Московском еврейском общинном центре в Марьиной роще — по трем причинам: я еврей, москвич и уроженец Марьиной рощи».

Прощаясь с художником, я вспомнил слова искусствоведа Григория Климовидского: «Мне творчество Бориса Бомштейна доставляет большую радость, оно отражает его личные качества, качества уникальные. Мне очень дороги его искренность, правдивость, особая интонация в творчестве. Это творчество чрезвычайно пронзительно по своей душевной обнаженности и чрезвычайно поэтично».

Матвей Гейзер

ПУТЬ К МОЛИТВЕ

К 50-летию Михаила Глуза

Юбилей – событие всегда волнительное. Пятидесятилетний – в особенности.

Быть может, точнее всех определил значимость этого возраста американский писатель Эдвард Бок: «Настоящая жизнь человека начинается в пятьдесят лет. В эти годы человек овладевает тем, на чем основываются истинные достижения, приобретает то, что можно отдавать другим...»

Эти слова мне вспомнились, когда я слушал диск «Молитва», выпущенный совсем недавно, в канун пятидесятилетнего юбилея Михаила Семеновича Глуза, известного композитора, народного артиста Российской Федерации, заслуженного деятеля искусств РФ. В аннотации к своему диску он написал: «Здесь я впервые представлен не только как композитор, но и как исполнитель моих любимых песен». Эти песни – знаменитая «Еврейская мама» и песня композитора Лайонелла Барта «Из России с любовью»; «Влюбленность» на слова Менахема Голана и «Да будет мир» на слова Велвля Чернина, музыку к которым написал Глуз... Особняком на этом диске глубоко лирическая, даже элегическая «Чертова дюжина» на стихи Ирины Горюновой с неповторимой по лиризму музыкой маэстро. Лишь поверхностному слушателю может показаться, что эта песня о несостоявшейся любви. «Чертова дюжина» – гимн истинному чувству. Все в ней – и слова, и музыка – благодарение Всевышнему за ниспосланную любовь. А число «13», как известно, для евреев вполне везучее, даже наполненное особым мистическим смыслом. Но, конечно же, вершиной диска стала песня «Молитва», написанная Михаилом Глузом на стихи Аркадия Хайта. Есть в ней такие слова:

Êîãã àãñí í èì

ãîëãæääí í ùì ì àãì

Ì ù ñÿääì ãñ çà ì ðàçãí è: í úé íáãã

Ì ãñ ò à í óñ ò ú á çà ñ ò í è ì ì

í ñ ò á à è ì

Ãëÿ ò áã, è í ã ñã ã ÿ ñ í à ì è

í à ò.

Ãëÿãÿ ò ñ ñ ò á í ð ã ì ú á è è ò à:

Óñ ò í á ì ð è ò äë, à ÿ ò ì ò í á ã ì æ è è

Ì ãñ í á ó: è è à á á á ó ó è à

ì í è è ò ù ÿ,

В ñ à ì ì í è è ò á ó ÿ ò ó ñ ÷ è í è è

Ì í è ð ñ ì ç à ñ ã ã ã ì ò ò à,

Ê ì ò ì ð ù é í á ó ã è ã è í à ñ

Ì í è ð ñ ì ç à è à æ á ì ã á í é ò à,

× ò ì ó ì è ð à è ì ì ñ ò ì á ð à ç

Çà òáã, èòî ì îë:à øäë é íá:àì,

Çà òáã, èòî ñí áíí áé øäë íà

òáí é,

È çà òíã, èòî íí íí:àì

Í èñäë áí ááí èé, èàé Áíí à

Óðáí é..

Музыка и слова этой песни настолько органичны, что в моем представлении являют собой феномен, подобный, к примеру, «Катюше» Исаковского и Блантера. А исполнитель сделал из этой песни такой музыкальный спектакль, что едва ли кто-нибудь решится после него ее исполнить. Это апофеоз русско-еврейской песни. Что же привело Михаила Семеновича к «Молитве», спросил я его?

– Все началось с моей бабушки, первого моего педагога. Я не слышал, чтобы она молилась, но само слово «молитва» слышал от нее еще в детстве много раз. Она повторяла слова из Талмуда о том, что молитва – это служение сердцем, и внушала мне, что если когда-нибудь я стану артистом, то любое мое обращение к зрителям должно быть молитвой.

Мне кажется, молитва – это то, что объединяет всех, евреев и неевреев, живых и ушедших, даже друзей и врагов. Свою «Молитву» я посвящаю всем-всем дорогим и близким мне людям...

Слушая сейчас Глуза и раньше еще, впервые услышав эту песню, я подумал, что путь его к такому произведению длился как минимум двадцать пять лет. Именно четверть века назад он оказался среди тех энтузиастов еврейской культуры, которые стояли у истоков первого послемихоэлсовского еврейского театра в России – Камерного еврейского музыкального театра – КЕМТа. Как свела его с ними судьба?

– В роли судьбы выступила моя мама, профессиональный музыкант, познакомившая меня с Юрием Шерлингом – необычайно талантливым, энергичным человеком, вместе с которым я вскоре и оказался среди тех, кто организовывал, создавал этот замечательный театр. КЕМТ до сих пор не изучен и не оценен по заслугам. Создание его было прорывом в еврейском искусстве, но главное, в конце 70-х годов это изменило еврейское самосознание.

Многие считали, что театр был разрешен властями, чтобы миру продемонстрировать их лояльность к евреям в СССР. Возможно, это и так. Но как бы то ни было, театр не мог состояться без огромного желания евреев СССР вернуться к своему национальному искусству, без их усилий...

А теперь вернемся к молитве, но уже к другой – знаменитой «Поминальной молитве», поставленной Марком Захаровым по пьесе Григория Горина в Ленком. Музыка к ней по просьбе М. Захарова создал Михаил Глуз. Спектакль этот обошел сцены всего мира. Его ставили в Москве, Самаре, Киеве, Париже, Тель-Авиве, Берлине..., играли на разных языках, но музыка оставалась той же, глузовской. Разумеется, «Поминальная

молитва» была ступенькой к «Молитве» нынешней, а она, я уверен, при всем совершенстве – лишь очередной этап в творчестве М. Глуза. Многое еще впереди.

Рассказывая о Михаиле Семеновиче, композиторе, артисте, режиссере, одном из организаторов КЕМТа, нельзя не отметить его роль и в создании Культурного центра имени Соломона Михоэлса, в организации и проведении грандиозных по своему значению и размаху международных фестивалей искусств, носящих имя этого великого еврейского актера и режиссера. Никогда не забудется открытие первого фестиваля в Большом театре в Москве и его заключительный вечер «Свечи на снегу» в киноконцертном зале «Россия», состоявшийся 12 января 1998 года накануне дня гибели Михоэлса. Перечень звезд сцены, русских и мировых, участвовавших в этом фестивале, занял бы несколько страниц. То же было и на втором, и на третьем фестивалях. Признание значимости Соломона Михоэлса, его театра подтвердили в своих посланиях президенты Ельцин, Путин. И эти фестивали – детище М. Глуза. Без сомнения, если бы он сделал только это, его имя уже заслуживало бы уважения и признания.

В 1999 году большая общественная работа Михаила Глуза в области возрождения еврейской культуры была признана и оценена очень высоко – его избрали президентом Федерации еврейских общин России.

Я попросил Михаила Семеновича припомнить один из самых ярких эпизодов его жизни. Больше всего нам помнится, как правило, то, что добыто огромным трудом. То же и с Глузом.

– Это было в Киеве. КЕМТ не пускали туда много лет, и я пробивал такое разрешение с невероятной энергией. Мне помогли многие в Москве, на разных уровнях, было даже решение ЦК КПСС об организации гастролей в украинской столице. Но для партийных руководителей Украины и это решение не было законом, и нас не пускали под разными предложениями, вплоть до отсутствия электричества в зале. И все же в 1985 году гастролы состоялись, в здании театра имени Леси Украинки.

Если я скажу, что был аншлаг, то, наверное, это будет не совсем точно – зал был набит битком и более того. Не могу забыть проход, заполненный людьми на инвалидных колясках с орденами на старых костюмах. Вообще орденов в тот день в театре было как на празднике Победы. В конце вечера я исполнил песню «Уходит гетто в облака» на слова Александра Левенбука, и зал, еще недавно восторженно аплодировавший еврейским народным песням, танцам, после слов:

«Óõíäèò äìòòí á íáéäèä,

óõíäèò äìòòí á íáéäèä,

Óóää, ääá áíéüöá í áò áíéíú,

è ñò ðäòä í áò á

Óóää, ääá í áò í è ñéä;

í è áíéè, í è ñò ðäòäí úý.

Ðóéà ðóéè éííí óéàííí á cí àè

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ...»

Весь зал встал и замер в молчании. Не знаю, сколько времени это молчание продлилось, а потом раздались такие аплодисменты, которые не стихали и заполночь.

А мне при этом припомнился финал вечера «Свечи на снегу». Тогда после стихов П. Маркиша «Михоэлсу – неугасимый светильник», прочитанных заполночь гениальным Михаилом Ульяновым на фоне грузовика – чудовищного орудия убийства Михоэлса, зал тоже встал и не расходился до тех пор, пока все актеры не ушли со сцены. Михаил Глуз молча провожал взглядом тысячи зрителей, пришедших на закрытие фестиваля...

Известный израильский еженедельник «Калейдоскоп» весной 2000 года написал об этом человеке: «Глуз, пожалуй, самый видный деятель еврейской культуры, продолжающий и поныне трудиться в рамках российской диаспоры».

Маэстро! Долгих и столь же плодотворных творческих лет!

БОРОВКА В ЛАТВИИ

Ádeãdeé Ni èdeí, Ì áéáð Ì áéáð

Из материалов музея и документального центра «Евреи в Латвии»

О чем нам говорит сегодня название «Боровка»? Большинству современников, наверное, ни о чем. И не удивительно: его больше нет на карте. Это был маленький городок – а штетл на юго-востоке Латвии в 7 – 8 километрах от границы с Белоруссией, а до второй мировой войны – с Польшей. Боровка была основана в 1790 году в Курляндском герцогстве. Определенной даты, когда в герцогстве стали поселяться евреи, не знает никто, однако из разных источников известно, что они прожили здесь более 200 лет.

После присоединения герцогства к Российской империи в 1795 году созданная на его основе Курляндская губерния не входила в состав черты оседлости. Для евреев из других мест возможность поселиться в городах и местечках губернии была ограничена.

По данным первой всеобщей переписи населения (1897 год) в Боровке проживало 585 евреев – 83 % жителей местечка. В период первой мировой войны, в 1915 году, евреи Курляндской губернии как «неблагонадежный элемент» были депортированы властями царской России из прифронтовой полосы, в том числе и из Боровки, во внутренние губернии.

В 1920 году, когда это местечко вошло в состав независимого Латвийского государства, высланные евреи стали туда возвращаться. Однако многие из них, не всегда находя в родных местах заработок, были вынуждены уезжать в города, например в Даугавпилс, расположенный в 25 километрах от Боровки. Так что в 1935 году среди 1022 жителей местечка самых разных национальностей (что весьма характерно для этого края Латвии) было всего 189 евреев, или 18,5 %.

Тем не менее к середине 30-х годов еврейская жизнь здесь наладилась. В 1935 году из 25 предприятий (мастерские, скипидарный завод и т. п.) 17 принадлежали евреям.

В это время название местечка изменилось на латышское – Силене (Silene; sils – бор): страсть к переименованиям всего на свой лад латвийским властям оказалась присуща не меньше, чем большевикам. А евреи по-прежнему называли родное местечко Боровкой.

Вместе с материальным благосостоянием в еврейскую жизнь пришли новые веяния. Часть молодежи примкнула к сионистскому движению, и в Боровке были отделения таких организаций, как «Гашомер-Гацаир» («Нецах») и «Гехалуц». А когда проходили выборы в латвийский парламент – сейм, евреи, по воспоминаниям старожилов местечка, ездили в Даугавпилс голосовать за еврейских кандидатов.

Несмотря на все это еврейские традиции в Боровке держались. Было здесь две синагоги: в той, что побольше, молились хасиды, в той, что поменьше, – миснагим. По воспоминаниям, некоторое время хасидами в Боровке руководил садовник Шимон-Бер – человек с длинной белой бородой, сияющим, лучистым выражением лица. Среди первых раввинов Боровки следует отметить Мойше-Хаима из Бацейкева, Элхонона, впоследствии переехавшего в Могилев, Авроома-Залмана бар Мойше а-козна Жердина, учившегося в Вильно (Вильнюсе) и Ковно (Каунасе), а в 1904 году переехавшего из Боровки в Шверзино, Абу-Якуба из Лузки, Калмана-Цви из Двинска (Даугавпилса). С 1932 по 1938 год раввином, меламедом и резником в Боровке был Азриэл Бермант, выпускник Слободской ешивы (в Вилиямполе – пригороде Каунаса). Английский писатель и публицист Хаим Бермант, автор более десятка романов, описавший истории видных еврейских семей Англии, запечатлевший историю ряда районов Лондона, – его сын. В своей последней книге «Происхождение» («Genesis»; издана после смерти автора) он описывает местечко своего детства. Это яркие воспоминания, рисующие картины жизни Боровки конца XIX – начала XX века.

«Боровка, – пишет он, – некоторым образом была типичным еврейским местечком – маленьким, компактным, бедным, центр которого был плотно заселен евреями, а окраины – христианами. Но гулять можно было свободно и вдали от еврейских мест, не опасаясь за свою жизнь».

Латвия, по тогдашним понятиям восточноевропейских евреев, представляла собой «а голдене медине» («золотое государство»). Считалось, что латвийское правительство никогда не было особенно суровым по отношению к евреям, по сравнению с другими странами сильно их не притесняло.

Большинство жителей, не связанных с торговлей лесом (это край, богатый сосной), держали лавки, но весьма сомнительно, чтобы эти лавки содержали своих хозяев. Евреи, да и не только они, сами пекли хлеб, на приусадебных участках выращивали фрукты и овощи, варили варенье, делали наливки из вишни и изюма, варили пиво, а если не пиво, то «мед». Некоторые держали скот – коров и коз, но у большинства была домашняя птица – индюки, утки, куры, гуси. Многие жители местечка, хотя имели лавки, зарабатывали разными ремеслами, причем значительной частью были портные. В те времена в каждом доме была швейная машина, а кое у кого и прядка; все шили сами, поэтому приходилось евреям ездить по деревням и хуторам. Однако по пятницам они возвращались домой, отмывались и праздновали Субботу.

Была еще одна еврейская специальность – коробейник, то есть торговец вразнос. Коробейников всегда ждали крестьяне, чтобы купить тот мелочной товар, который еврей мог принести на своих плечах.

Особенно оживлялась Боровка по четвергам – в базарный день, когда сюда съезжались крестьяне из окрестностей: они привозили на продажу свою продукцию и делали необходимые покупки. Тогда жизнь в еврейских лавчонках кипела.

Многих мужчин в Боровке звали Мендл, и жители местечка различали их по внешним приметам: был Мендл «дер шварцер» («черный»), у которого была черная борода, Мендл «дер гелер» («желтый») – с рыжей бородой, Мендл «дер крумер» («кривой»), у которого бороды почти не было, а был он согнут «в три погибели», Мендл «дер кремер» («лавочник»), который держал лавку. Большое количество Мендлов в местечке было данью уважения памяти Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона (1789 – 1866), одного из видных деятелей хасидизма, у которого в Боровке было много последователей.

Хаим Бермант дает очень колоритное описание евреев Боровки: «Учителем в хедере был синагогальный староста Мойше-Юда, мрачная личность со впалой грудью и длинной бородой, который выглядел так, как будто груз всех еврейских несчастий лежал на его плечах». И далее: «Одной из самых запоминающихся фигур Силене был портной Бейрах Фрост. Он был не только отчаянно беден, но и отчаянно плодовит. Его дом отличался не только количеством детей, но и большим количеством праздников: на одной неделе – брис, на другой – хупа, а потом – бар-мицва. У Бейраха всегда был повод для веселья». И еще: «Абрашу Пинхусовича, адвоката и ходатая за жителей Боровки перед властью имущими, обожали как евреи, так и неевреи. Он был обладателем одного из двух легковых автомобилей в Боровке, а также одного из трех телефонов, которые были у евреев местечка». В 1940 году телефоны в Боровке имели уже пятеро евреев.

Местным Ротшильдом был Борух-Шолом Лейбович – торговец лесом и льном. Он был крупным, статным мужчиной с аккуратной бородой и ртом, сверкающим золотыми зубами.

Конечно же, был в Боровке и свой врач. В 1925 – 1927 годах это Луис Копенгаген, уроженец латвийского города Тукумса, выучившийся в Петербурге и

работавший до этого в Риге. После Боровки он вернулся в родной Тукумс. Луис Копенхаген был еще известным еврейским общественным деятелем.

Дантист, врач и аптекарь представляли как бы отдельную касту. Они всегда были чисто выбритыми, их жены не общались с другими женщинами, а дети не играли с другими детьми – местечковыми хулиганами, и не ходили в хедер: ребе Азриэл давал им частные уроки. Эти семьи редко видели в синагоге. Было общепризнано, что люди такого высокого положения имеют свои особые отношения и с Б-гом.

Хотя в Боровке было целых две синагоги, здешним жителям не чужды были и «некошерные» страсти. К примеру, в доме у Мотла Трупина в послеобеденные часы за закрытыми ставнями играли в карты. Но при этом пили только чай.

Для детей Боровка была раем: почти каждый дом открывался для всех (хотя надо признать, были как более, так и менее гостеприимные дома). Местечко было окружено озерами и лесом. Зимой дети катались на санках, а летом не вылезали из воды. Лишь поздно вечером раздавались нетерпеливые крики родителей: «Шмулке, Ицик, Зямке, Мотке! Домой, немедленно!..»

Евреи любят своих детей, но когда они их ругают, то, как вспоминает писатель Хаим Бермант, не всегда выбирают выражения, и мать может сказать (в переводе с идиша примерно так): «Веди себя хорошо, а то я оборву тебе руки и ноги, и тогда ты сможешь ими играть вместо игрушек!»

Каждый еврейский ребенок знал, что за грехи наказывает Б-г. Хаим Бермант вспоминает, как в жаркий субботний день он, сын раввина, согрешил вместе с другими ребятами, искупавшись в пруду у местной мельницы. Они думали, их никто не заметит, но их увидели. А главное, как Хаим Бермант считал всю свою жизнь, Б-г этот грех ему не простил, и он был «изгнан из рая»: через несколько недель вся их семья уехала из Боровки в Великобританию. Там, в Глазго, Азриэл Бермант получил место резника.

Боровка по Берманту – это «а гешмаке штетл» – «вкусное, сладкое местечко», населенное «гешмаке идн», «сладкими евреями». Его Боровка говорит, смеется, плачет, поет и ругается. Все это напоминает «С ярмарки» Шолом-Алейхема. Разница лишь в том, что и автор, и читатель знают наперед о трагическом конце всех здешних евреев — не успев вовремя уехать, они были уничтожены.

В 1940 году, с установлением советской власти, жители Силене пострадали не сильно. 14 июня 1941 года в ходе советских массовых депортаций в Сибирь отсюда были высланы две семьи, семь человек. Из евреев не выслали никого. Видно, в этом приграничном, глухом и бедном маленьком местечке среди еврейского населения не нашлось столь зажиточных людей или крупных общественных деятелей, которых сталинский режим считал бы своими врагами (отдельные «Ротшильды» были таковыми лишь в глазах местных евреев). А когда на территории Латвии начались военные действия, в глубь Советского Союза успели бежать только считанные силенские евреи: дело в том, что в первые дни войны советские власти закрыли прежнюю латвийско-советскую границу.

С самых первых дней оккупации гитлеровцы развернули тщательно продуманную антисемитскую кампанию. Это хорошо прослеживается по латвийской печати. Во всех «грехах» советской власти за год ее существования в стране (1940 – 1941) обвиняли евреев. И хотя никаких письменных приказов по еврейскому вопросу немецкие

власти не издавали, в результате их антисемитской пропаганды, устных указаний и прямых подстрекательств евреи Латвии были поставлены вне закона. В результате все еврейское население местечек Латвии было уничтожено в течение месяца уже в самом начале войны – в период с середины июля до середины августа 1941 года.

С начала оккупации нееврейская часть жителей Силены создала отряд «самоохраны» – так латышские коллаборационисты называли свои добровольные образования. И первые террористические акты против советских активистов и евреев осуществляли именно они (впоследствии эти отряды влились в созданные гитлеровцами вспомогательные полицейские подразделения). В Силене отрядом «самоохраны» руководили старший полицейский Альфред Тимбергс, волостной староста Карлис Антиньш и комендант Эрик Приекулис. Во многих случаях (и это убедительно прослеживается в ряде архивных документов) стимулом для вступления в «силы самоохраны», участия в арестах, охране, конвоировании, а затем и расстрелах евреев были не столько антисемитские настроения, сколько чувство вседозволенности, безнаказанности и жадность до еврейского имущества.

21 июля 1941 года в Силене прибыли из Риги, а на следующий день и из уездного центра Илуксте карательные команды. Они разделились на группы, пополненные местными «самоохранщиками». После советских активистов было арестовано все еврейское население местечка. Активистов заперли в малой синагоге, евреев – в большой, в двухстах метрах от малой. Среди первых арестованных евреев – семей Лейбовичей, Зальцбергов, Рацев, Трупиных и Шлосбергов – были и две девушки, которые, как показали свидетели на послевоенных судебных процессах, при аресте были изнасилованы.

Произведя аресты, карательные команды, не откладывая, стали загружать свои автомашины мебелью и другим имуществом арестованных евреев. Когда отобрали все более или менее ценное у бывшего местного богача Лейбовича, со стороны старшего полицейского А. Тимбергса это вызвало резкий протест. В результате инцидента карательные отряды, не расстреляв евреев, на следующий день уехали с награбленными вещами.

В течение 5 – 6 дней евреи содержались под охраной в синагоге. В это время, а именно 26 июля 1941 года, в газете «Даугавпилс латвиеше авизе» («Даугавпилсская латышская газета») была помещена статья «Для силенских жидов еще цветет пшеница» (немецкое выражение, означающее, что евреям хорошо живется), в которой сообщалось: «Приехавшие из Силене рассказывают, что израэлиты там живут, как в старые добрые времена», а также, что туда «набежали» евреи из Даугавпилса и даже из Риги. «По-видимому, – писала газета, – сами силенцы не в состоянии очистить свой дом от отбросов человечества, и здесь необходима соответствующая акция со стороны, например из Даугавпилса или Илуксте». Можно предположить, что при наличии четкого приказа немецких властей о немедленном уничтожении евреев, подобного рода полемическая заметка в местной прессе вряд ли появилась бы.

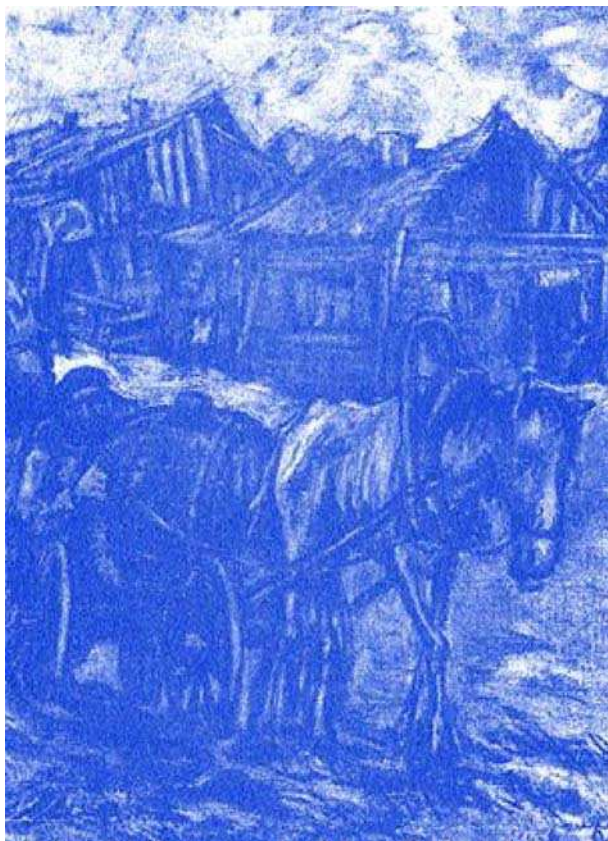
Старший полицейский Альфред Тимбергс примерно 27 июля 1941 года, собрав «самоохранщиков» из Силене, Скрудалиены и Салиены на совещание, сообщил им, что из илукстской уездной полиции от полковника Гаудиныша получено указание — расстрелять всех силенских евреев. Расстрел будет производиться силами местной «самоохраны», так как карательные команды не приедут. Тимбергс пояснил, что у участников расстрела на получение имущества евреев будет право «первой руки». Посулы подействовали: собралось достаточное количество добровольцев.

На следующий день «ударная» группа (около 15 человек) в два часа дня выехала на велосипедах к озеру Смилгу, что в 3 – 4 километрах от Силене. В это время евреев стали строить в колонну. Вместе с колонной ехали около 15 подвод, подготовленных заранее, с вещами, здесь сидели дети и старики. Евреям сказали, что всех перевозят в местечко Браслав в Белоруссии – там было гетто. Кто-то поверил этому и радовался, что закончилось заточение в синагоге, кто-то не верил и плакал.

Колонна евреев под конвоем медленно двигалась в сторону Браслава, туда же, куда и велосипедисты. Конвоиры заставляли несчастных петь. Некоторые петь отказывались, и тогда мучители, чтобы их напугать, стреляли в воздух.

Пригнав евреев к озеру Смилгу, казалось бы, отдохнуть, их загнали на бугор небольшого полуострова. Конвоиры отошли метров на 100 – 150, и – только люди было вздохнули, надеясь расслабиться, — руководитель конвоя Эрик Приекулис выстрелил в воздух. Выехавшая загодя из Боровки «ударная» группа, скрывавшаяся в кустах, открыла по евреям огонь. Это был не прицельный огонь, многие были лишь ранены, и «самоохранщики» из числа конвоиров около часа добивали их, расстреливая в упор из винтовок и пистолетов. Один из обреченных бросился в озеро, но и его, успешного отплыть метров на двадцать, настигла пуля.

Расстрел евреев в Силене отличался от всех, что происходили в стране. Обычно людей пригоняли к месту расстрела и самих заставляли копать довольно большие ямы. Затем на расстоянии 30 – 50 метров от них евреи должны были раздеться. Тогда их, голых, по 10 – 15 человек подгоняли к яме лицом. «Расстрельщики», стоя в два ряда, стреляли сзади с расстояния 10 – 15 метров. Первый ряд с колена целился в левую лопатку, второй, стоя во весь рост, – в затылок. Все это происходило на глазах у остальных, ожидавших свой черед.

В ряде случаев расстреливали специальные команды: члены пресловутой команды палача и садиста Виктора Арайса, приезжавшие на голубом автобусе, или команда «расстрельщиков» соседней местности. Неважно, были это приезжие, местные «самоохранщики» или люди из вспомогательной полиции, расстрел обычно производился открыто и беспощадно. На маленьких детей часто даже не тратили пуль — бросали их в яму живыми или разбивали им головы о деревья и камни. С женщин, не желавших раздеваться, срывали одежду, над нагими издевались, затем всех расстреливали. Только в Силене расстреливали скрытно, из кустов. Почему?

На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Возможно, у силенских «самоохранщиков» не было достаточного опыта, возможно, достаточной информации о том, как это делалось у соседей, хотя расстрел силенских евреев был последним в Илукстском уезде. Не стоит, наверное, исключать и такой мотив, что некоторым было не просто стрелять в своего соседа, глядя ему в глаза, ведь из поколения в поколение эти люди жили бок о бок и, возможно, сидели за одной партией – школа в Силене в то время была общая для евреев и неевреев.

Позже к месту расстрела пригнали местных жителей-неевреев закапывать трупы. Их взору предстала страшная картина. Свидетель Вавилов показал: «Когда мы пришли закапывать расстрелянных, многие из них еще дышали. Малолетние дети лежали на трупах матерей и кричали: “Мама, мама!..”» Кругом были «самоохранщики», которые достреливали раненых и, кроме того, приглядывали за убитыми и вещами.

А. Тимбергс указывал, где и как рыть могилы. Были выкопаны четыре большие ямы. Еврейское имущество свозили в штаб «самоохраны» и раздавали в первую очередь участникам расстрела.

Итак, в конце июля 1941 года в Силене были расстреляны 186 евреев – всего 32 еврейские семьи.

Гебитскомиссар Митава (Елгавы) Эберхард фон Медем 12 августа 1941 года, докладывая генеральному комиссару оккупированной Латвии О. Дрекслеру об убийствах в подведомственной ему области, в том числе и в Илукстском уезде, куда входило Силене, отметил, что местные «самоохранщики» при уничтожении евреев совершенно утратили человеческий облик («...durch die Liquidierung der jüdischen Einwohnerschaft physisch und in Disziplin ausser Rand und Band gekommen...»).

Советских активистов (человек 10 – 15), содержавшихся в то же самое время в малой синагоге, не расстреляли. Через неделю (а некоторые через месяц – два) они вернулись домой.

Эпилог

Приехав после войны из Англии в местечко своего детства, писатель Хаим Бермант не нашел там ни одного еврея – только памятный камень, установленный в 1957-м теми из местных жителей, кто уехал из Силене до войны, успел убежать в первые ее дни, и другими, кто выжил в гетто и концлагерях или прошел войну от начала до самого финала. Камень установлен на том самом месте у озера, где произошел расстрел и где когда-то в детстве Хаим Бермант играл со своими друзьями. Вот и все, что осталось от еврейского местечка Боровка...

Ну а какова судьба убийц?

Процессы над ними, проводившиеся советскими судебными органами, продолжались с 1944 года до апреля 1960-го. По приговорам судов были расстреляны 5 человек (Антон Витковский умер в тюрьме в ноябре 1944 года, не дождавшись расстрела). Восемью приговоренным к высшей мере наказания расстрел был заменен 20 годами исправительно-трудовых лагерей, еще восемь получили от 18 до 25 лет лишения свободы. Эдуард Шкестерис, осужденный в 1949 году на 25 лет, в 1956 году был амнистирован, а в 1960 году вновь арестован и осужден на 15 лет с зачетом отбытого срока. Один из главных участников расстрела евреев в Силене Альфред Тимбергс был убит на фронте.

Если в 1944 – 1945 годах преступников судил военный трибунал («тройка»), то в 50-60-е годы – суд, как и положено, с прокурором, адвокатами, свидетелями. В 1960 году кое-кто давал на судебных процессах свидетельские показания, находясь уже на свободе, а кое-кто – «чистосердечные» признания, еще досиживая в лагерях.

В 90-е, уже после восстановления государственной независимости Латвии, осужденным за убийство евреев Силене в реабилитации было отказано, за исключением двоих: в 1995 году был реабилитирован Виктор Друсс, умерший 29 апреля 1945 года в Тайшетлаге, а в 1996 году – Янис Целминьш 1895 года рождения.

В материалах судебных процессов фигурируют, кроме упомянутых, еще около полутора десятков человек, «задействованных» в уничтожении силенских евреев, но их судьба авторам неизвестна.

После войны чудом выжившие силенские евреи ежегодно собирались у памятного камня на братской могиле и читали по безвинно убитым поминальные молитвы. Они же по памяти составили список (возможно, неполный) погибших здесь семей: Шлосберги, Лейбовичи, Пинхусвичи, Панцы, Зильберманы, Рацы, Сандлеры, Бирманы, Рицы, Цейтлины, Розины, Яны, Элерманы, Суперы, Трупины, Лины, Заки, Зубовичи, Бирманы, Шмушкевичи, Флейшманы, Фросты, Ганзлеры, Сегалы, Мазасы, Пинцовы, Фрейнкели, Гороны, Зильберы, Муницы – всего, как упоминалось, 186 человек.

Â ģolādi ēāī ēē em' tēūġāāī ū deņī ēē Āġaeāā Ēāāēġānēġāā

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ ЖИРИНОВСКОГО?

Àëääëì èð Í àò ðí öëëé

С маленьким вопросительным знаком в конце заголовка я начинаю эту статью. Потому что даже при завидной изворотливости и столь же крутых, сколь и беспринципных политических выражах Владимира Вольфовича маловероятно, что теперь, добровольно повесив на грудь пудовый камень признания в своей национальной принадлежности, наш герой сумеет выплыть на поверхность общественной жизни...

Ààëüü áéóää - ì îë:àí èá

Ó. Óàëüü èð

Что такое быть евреем в России, Жириновский знает не понаслышке – много лет сам активно работал на создание образа, «враждебного» православному Отечеству «чужака». И он же настойчиво требовал ограничить в правах этносы, «не имеющие исторических корней в России», их право наследования земли, на которой они живут (об этом лидер ЛДПР неоднократно писал в своих книжках). А таких этносов в России в основном два – евреи и цыгане. На ненависти к цыганам политический капитал не сделаешь, зато антисемитизм с незапамятных времен имеет в нашем благословенном обществе своих верных адептов (ни для кого не секрет, что до сравнительно недавнего времени он десятилетиями усиленно поддерживался высшим государственным руководством, и это скорее всего скажется еще не в одном поколении). Недаром при советской власти Владимир Вольфович какое-то время занимался еврейским правозащитным движением, пока не сообразил, что эта дорожка – скользкая, к успеху не приведет. Впрочем, такой бесперспективный зигзаг простителен для молодого неопытного сына юриста.

Став лидером ЛДПР, он гордо и торжественно заявит: «За весь XX век я единственный сказал: “Русские, я буду защищать вас!” Когда-нибудь вы слышали от

Николая Второго, Ленина или Ельцина, чтобы они произнесли хоть слово в защиту русских? Никто, ни разу».

В одном из интервью, данном автору этих строк, Жириновский сказал: «При помощи СМИ, виртуальной реальности создаются кумиры более опасные, чем языческие боги». При этом именно через СМИ Владимир Вольфович сделал себе имидж, достойный разве что героя Отечественной войны 1812 года: «С одной стороны, я – православный, крещеный и в церкви венчанный человек, с другой – русский офицер. А жизнь русского офицера должна целиком подчиняться короткой, но чрезвычайно емкой формуле: “За Бога, царя и Отечество”. Родина и есть царь. И это – на все времена». Ну чем не Денис Давыдов? Правда, затем он верноподданнически добавил: «Сегодня царь – это хозяин Кремля».

Впервые большим оригиналом Жириновский выказал себя, когда, претендуя на высокую государственную должность, продемонстрировал с депутатской трибуны знание нескольких языков. И сразу стал инородным телом среди коллег, ибо некоторые из господ депутатов даже на языке родном изъяснялись с трудом. Но телезрителей этот «выход с коленцем» позабавил. По крайней мере на фоне ничем не примечательных парламентариев Владимир Вольфович запомнился «лица не общим выраженьем». В дальнейшем это было старательно рекламируемое лицо скандального возмутителя спокойствия, реплики которого отличались броским, рассчитанным на люмпенизированную аудиторию шутовством.

Жириновскому не откажешь в уме (возможно, с точки зрения психиатров, и не вполне безупречном) и таланте политического стратега. Секрет его успеха заключался в крайне удачном сочетании возвышенного и низменного. Вспомните его красивые слова о порядке, верховенстве закона, равноправии людей перед законом, о демократии и патриотизме, о парламентаризме, центризме, умеренности и компромиссах и – брызжащую ядом агрессию, патологические бредни о всемирных заговорах... Еще свежи в памяти безумные идеи Жириновского направить на Прибалтику радиоактивные облака, превратить Чечню в дымящуюся яму, омыть сапоги российских солдат в Индийском океане, раздать водку мужчинам и мужей женщинам... «Геополитические» проекты вроде того, как навести «порядок» поголовными расстрелами, победить Афганистан, сравнив его с землей, разгромить Китай и Америку, приходилось слышать в пивных да и не только в них «за рюмкой чая» даже с людьми нестарыми и достаточно образованными (не путать образованность с интеллигентностью!) еще лет 15 – 20 назад. Только никто из советских политиков до Жириновского не решался так заговорить публично.

Жириновский обратился к самому темному в коллективном бессознательном российского общества – ненависти к «чужакам»: евреям, кавказцам, американцам, туркам, к иностранцам вообще, к богатым, интеллигентным... Он поставил на страх, жестокость, подавляемую агрессию, половые инстинкты. В результате вышла эдакая политическая порнография, когда одни смотрят, как другой делает то, что тайно хочется сделать им самим, но не решаются, не могут... И все это под покровом весьма благообразного флера «конституционализма и либерализма». Флер-то и создавал иллюзию благопристойности у сторонников ЛДПР, отличал их в собственных глазах от оголтелых бритоголовых из РНЕ, анпиловцев, от горстки недозревших во всех отношениях лимоновцев и прочих.

Что по сути хотел создать Жириновский? Массовое радикальное движение? Он это не сумел – его паства оказалась малоспособной на самостоятельные активные политические действия, ибо «вождь» (именно так предпочитали его называть приверженцы-однопартийцы) был активен за них. И «Мистер Пичем» («король»

лондонских люмпенов из «Трехгрошовой оперы» Бертольда Брехта) российского разлива стал властителем снов озлобленного советского обывателя, которого особенно впечатлила открытая поддержка их кумиром ГКЧП 19 августа 1991 года. (Пройдет несколько лет, и, почувствовав, что коммунисты теряют свои позиции, Жириновский станет их «непримиримым» противником.)

Однако самоутверждаясь, Владимир Вольфович оказался всего лишь «обезьянкой» – пародийным подражателем тому ультрапопулисту, каким был Ельцин-оппозиционер. Борис Николаевич тоже говорил тогда о власти трудящихся, о борьбе с привилегиями, о равенстве, о возможности взять суверенитет («сколько унесете») как левый радикал. И при этом – о многопартийной демократии, о приоритете прав человека, о необходимости частной собственности и решительном переходе к рынку – как правый либерал. Каждый слышал то, что хотел: «массы» видели пламенного борца с номенклатурой, «демократическая интеллигенция» – единомышленника, а кто-то и «народного царя»...

«Паства» Жириновского.

Ельцин разрушил однопартийную коммунистическую систему и Советский Союз, стал лидером «четвертой русской революции» (буржуазно-демократической и в какой-то степени национально-освободительной). А что Жириновский? В 1993 году он выиграл парламентские выборы, но лишь при том, что его основные конкуренты из Фронта национального спасения и тогда еще одиозный Руцкой были заблаговременно «убраны». В 1995 году ЛДПР сохранила костяк поклонников и неплохие позиции в новом составе Государственной Думы исключительно за счет депутатов, прошедших по партийному списку: «грозная» партия Жириновского не смогла наскрести хотя бы нескольких самостоятельных деятелей, способных пройти в округах. На последних выборах жириновцы получили всего 13 депутатских мандатов и перестали сколько-нибудь серьезно влиять на законотворческую деятельность. Но об этом чуть позже.

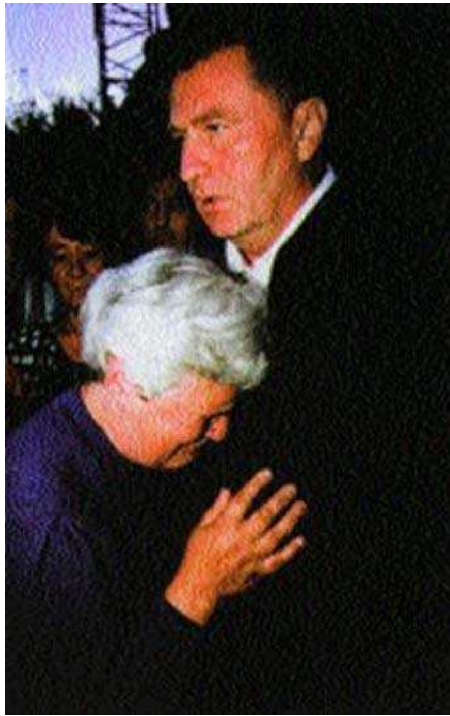
Жириновский стал самым грандиозным Хлестаковым в современной российской истории. Блеф, умелая пропаганда «надежды и возмездия», а на пике популярности – и эксплуатация неистового стремления молодых политиков-честолюбцев и малоопытных в политике провинциальных коммерсантов примкнуть к силе, рвущейся к власти, – вот слагаемые пресловутого «феномена Жириновского». Да еще шок от его тактики: все-таки в современной России он первый (и долгое время единственный) политик западного типа (точнее, типа западной «глубинки»)...

Все это в недавнем прошлом: бешеная популярность, полсотни депутатов в Государственной Думе и роль пугала для российских демократов (и вульгарного западного рэкета): «Поддержите Ельцина, а то придет Жириновский!». Что было главным в его успехе? Пожалуй, «генерализация» его политического пути: попытка кровавого усмирения «дудаевских сепаратистов» во время первой чеченской кампании, раздувание кавказофобии, практически официально санкционированное, чрезвычайщина в борьбе с оргпреступностью. А чего стоят безудержный популизм и беспринципность, вирус которых тут же зарезонировал в большинстве наших политиков!

С явлением в политике Жириновского в финансовой сфере народу явились такие аналоги, как Мавроди, Властелина и прочие им подобные, а на государственном уровне – самая грандиозная по наглости и масштабам афера с ГКО, окончившаяся стопроцентно прогнозируемым дефолтом в августе 1998 года. Поскольку на эту аферу были истрачены средства, взятые в долг у Запада, населению страны еще долго придется расплачиваться за преступное обогащение тех, кто хорошо нагрел на этой махинации руки (многие из них продолжают занимать солидные должности). Но это так, к слову.

На парламентских выборах 1995 года из примерно 17 процентов голосов, полученных «патриотами», то есть теми, кто считает, что для России предпочтительна модель жестко авторитарного милитаризованного государства нацистского или полунацистского типа, и исповедует радикальное антизападничество, изоляционизм и русский национализм, было потеряно только 6 процентов, то есть в то время монополия Жириновского на «русскую идею» была довольно устойчивой.

Принципиальным антипопулистом был академик А. Сахаров – он говорил горькую правду, за что его одни возносили, а другие до судорог ненавидели. Но уважали все. Беда, что голос его звучал недолго. Не умри Андрей Сахаров в декабре 1989-го, думаю, руководить демократическим движением не пришло бы столько откровенных интриганов и карьеристов, и вхождение в рынок не было бы столь жестким и болезненным. Но стать главным ответственным за последствия революционной ломки СССР и плановой экономики академику не пришлось. Как ни горько это сознавать, он мог не стать им, даже если бы судьба даровала ему более долгую жизнь. Ибо таков уж российский менталитет: «массы» очень быстро устают от правды, от необходимости внутренней работы, жаждут сладкого самообмана и потому возносят лгтящих им обманщиков. А в этом ремесле Жириновскому не было равных.

Быть Кумиром – тяжелая доля.

Почему же Владимир Вольфович не только не стал президентом, но и бесславно растерял большую часть своих идолопоклонников? Причин несколько. Взять хотя бы самые очевидные. Даже когда ЛДПР была самой многочисленной фракцией Государственной Думы, она не сумела провести ни одного закона, сколько-нибудь значимо выражающего политическую или экономическую концепцию своего лидера. А постоянная безответственная болтовня и угрозы расправиться со своими оппонентами разочаровывали не только скептиков, но даже фанатично преданных «вождю». Молодые политиканы и провинциальные дельцы с некоторым опозданием сообразили, что поставили не на ту лошадь, и те, кто не успел себя слишком скомпрометировать, постарались укрыться под более перспективными знаменами набирающих силу «Единства» и «Народного депутата». На думских выборах 1999 года жалкие остатки некогда могущественной фракции едва успели вскочить в последний вагон уходящего поезда...

Когда президентом страны стал Владимир Путин, не только выгодно отличающийся от непредсказуемого и неуравновешенного тезки, но и использующий его главные козыри, – причем спокойно и уверенно, «без пыли и шума», у Жириновского со всем его «багажом» шансов почти не оставалось. В числе первых международных акций нового президента стали деловые встречи к лучшим друзьям Владимира Вольфовича – Хуссейном и Каддафи (интересно, знали они раньше о еврействе Жириновского?). И внутри России В. Путин выстраивает столь милую сердцу Жириновского сильную вертикальную власть. Заметно присмирели постоянно досаждавшие «сыну юриста» журналисты. И хотя превращение Чечни в дымящуюся яму и призыв «мочить бандитов в сортире» по смыслу далеко не одно и то же, настроенных против мятежной республики граждан путинский вариант вполне удовлетворил. Таким образом, державность, о которой все время говорил и писал Жириновский, обретает зримые черты без его участия. Да и с ненавистным сердцу Владимира Вольфовича Западом отношения стали далеко не безоблачными.

«Россия – страна православная, поэтому принимать другую веру мне казалось отступничеством». В. Жириновский.

Стремительное падение популярности Жириновского толкало его на все более экстравагантные выходки. Прежде его, как правило, хорошо продуманные и срежиссированные «шалости» действовали на почтенную публику как возбуждающий наркотик. Но когда к наркотику привыкают, дозу приходится повышать... И вот мы наблюдаем на экране телевизора, как до ужаса либеральный демократ затевает кулачную «разборку» с женщиной, топчет продукцию Макдональдса, вместе с коммунистом Шандыбиным вызывающе отказывается почтить вставанием память жертв Катастрофы, среди которых, как он скажет позже, были и его родные... Но даже люмпенизированные поклонники Владимира Вольфовича уже настолько пресытились его выходками, что и эта отвратительная эскапада не дала ему того внимания, которого он ожидал. И тогда Жириновский пошел на последнее, отчаянное средство – смертельную передозировку.

Думаю, вряд ли стоит долго рассуждать о моральных качествах человека не только предавшего, но и пытавшегося подвергнуть гонениям свой народ. Такие потерявшие остатки совести отступники встречались в истории и раньше. Что до возможности Жириновского всплыть (по физическому закону нетонущих материалов), то оснований для этого мало, очень мало. Нравы его последователей и симпатизирующих ему в той или иной мере замешены на антисемитизме. Для вчерашних обожателей он теперь не просто отступник, а «жидовская морда», самая что ни на есть. И бывший единомышленник по национальному вопросу товарищ Шандыбин вряд ли теперь подаст Жириновскому руку, как и другие достойные Шандыбина народные избранники. А «недостойные», в основном из фракций СПС и «Яблоко», давно знают истинную цену и жириновским, и шандыбиным.

Последние опросы общественного мнения свидетельствуют, что если бы выборы в Государственную Думу проходили сегодня, сторонники Жириновского не попали бы в российский парламент вовсе. А это для Владимира Вольфовича катастрофа. Потому что смысл жизни для него – постоянно быть на виду. Не принесет ему радости даже почетная синекура.

Не радуюсь и я. Но совсем по другой причине: жаль, что человек, которому немало дано, столь грязно и подло распорядился своим талантом.

В отчаянной попытке избежать забвения Жириновский любыми путями прорывается на телевизионные каналы. Но это уже агония...

ЯВЛЕНИЕ «БОЛЬНОЕ И ОПАСНОЕ»

О ненависти к евреям сегодня

Béîá Ýòèíáïð

Явление, о котором пойдет речь, не ново. Но приводя пример хронической болезни, которая продолжает проявляться и доньше (лекарства от нее все нет!), придется привести исторические примеры как новые, так и общеизвестные. А поводом к этому разговору послужила не так давно вышедшая в свет книга главного редактора журнала «Наш современник» Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия». Газета «Советская Россия», сообщив, что эта книга удостоена «Большой литературной премии России» (?), опубликовала 19 июля 2001 года пространную беседу с автором книги.

Значительное место в беседе корреспондента газеты «Советская Россия» с С. Куняевым было посвящено еврейскому вопросу, о котором в произведении Куняева говорится много, причем такого, что не делает автору чести — наоборот. Что же говорит по этому поводу лауреат мало кому известной премии?

*«Начнем с того, что еврейский вопрос в России, да и в мире вечен. Это потому, что все страны прошли или проходили **óððÿéó** (подчеркнуто мною. – Я.Э.) во взаимоотношениях с еврейскими прослойками, которые у них были». Что же это за*

«утряска»)? Очевидно, партайгеноссе Куняев здесь подразумевает Холокост в Германии и в оккупированных ею странах, жертвой которого стали 6 миллионов евреев. Он заявляет, что с такой утряской сталкивались «даже американцы, у которых он (еврейский вопрос) как бы не должен существовать. Американцы – народ, созданный из эмигрантов: англосаксы, итальянцы, евреи и т.д. Но когда еврейский вопрос появляется в странах, где столетия и тысячелетия было коренное население, как говорят «государствообразующие нации», то с евреями возникают совсем другие отношения, нежели в Америке».

Интересно, в каких странах столетия и тысячелетия было уже коренное население и «государственнообразующие нации»? Куняев явно не очень силен в истории и не в курсе того, как протекали процессы формирования таких наций. Разве тысячелетия назад славяне, немцы, французы, англичане на своих нынешних территориях были уже коренным населением и формировали свои государства? Любой школьник знает, что нет.

Куняев считает, что *«у Америки опыту отношений с еврейской частью населения мы не можем поучиться, поскольку живем по другим историческим законам как народ и как страна».* Пожалуй, с этим высказыванием можно согласиться. Действительно, в отличие от демократической Америки, где существуют цивилизованные отношения, позволившие выковать единую американскую нацию при сохранении национальных черт, составляющих ее этнические группы, мы уже давно живем по другим историческим законам – законам расовой и национальной нетерпимости и вражды, апологетом которых является и Куняев.

Он утверждает, что еврейская проблема в России появилась в XIX веке: *«Она стала возникать у нас во время еврейской эмансипации».* Сама мысль о равноправии евреев у автора вызывает активное отторжение. Он заявляет, что еврейский вопрос – *«больной и опасный»*, *«тем более в начале XX века, когда близилась революционные вихри и бури, а еврейская интеллигенция принимала в них самое активное участие».*

В этой связи стоит более подробно остановиться на роли еврейской интеллигенции в «революционной буре». Ведь многие авторы, в том числе, например, даже такой, безусловно, известный публицист демократической направленности, как доктор философских наук Александр Ципко, тоже недавно утверждал, что «еврейская революционная молодежь была главной силой революции» («Еврейское слово» № 29, 2001). При этом имеется в виду именно революция Октября. В основе подобных заявлений незнание элементарных исторических фактов. Ведь достаточно хорошо известно, что еврейская молодежь, вообще лица еврейского происхождения, были так же, как и выходцы из других народов России, в обоих противостоящих политических лагерях — и среди большевиков, и среди борющихся против них других политических партий. Нередко раскол имел место даже в отдельных семьях.

Еврей Я.М. Свердлов был председателем ВЦИК Советов, а его родной брат Зиновий, усыновленный до революции Максимом Горьким и носивший фамилию Пешков, был активнейшим противником большевизма. (Уехав еще до революции из России, он, добровольцем вступив в армию Франции, стал генералом. В годы второй мировой войны примкнул к генералу де Голлю, был его ближайшим сотрудником. В 60-х годах выполнял важные дипломатические поручения французского президента. Широкою огласку в те годы получила миссия Зиновия Пешкова в Китай, его переговоры с Мао Цзэдуном, приведшие к установлению дипломатических отношений между Парижем и Пекином.)

Несколько лет назад во время одной из поездок во Францию я посетил старое русское кладбище, расположенное в тридцати километрах от Парижа в маленьком городке Сент-Женевьев де Буа. Здесь похоронены многие оказавшиеся в эмиграции крупные политические деятели дореволюционной России, белые генералы и офицеры, сражавшиеся против большевиков в рядах воинских соединений Корнилова, Врангеля, Дроздова. И рядом с их могилами покоится и прах генерала Зиновия Пешкова, кавалера ордена Почетного легиона, русского еврея, непримиримого противника большевизма.

Со мной в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР долгие годы работал сводный брат Я.М. Свердлова – Герман Михайлович Свердлов, известный в свое время лектор-международник. Он мне рассказывал, что в 1918 году в Москве по поручению французских властей побывал Зиновий Пешков. У него по служебным делам состоялась встреча с Я.М. Свердловым. Зиновий Пешков в ответ на попытку брата заключить его в объятия резко оттолкнул его, заявив, что будет вести беседу только на французском языке...

Когда ночью 25 октября 1917 года матросы захватили Зимний дворец, ими командовал русский Владимир Антонов-Овсеенко, а комендантом дворца был видный эсер (социалист-революционер) инженер по профессии Петр Рутенберг. Он был арестован в ту же ночь, заключен в Петропавловскую крепость, но спустя некоторое время освобожден; позднее уехал в Палестину, где был организатором энергетической системы.

Все основные еврейские газеты и журналы России резко осудили октябрьский переворот. Многие евреи принимали участие в вооруженных формированиях белой Армии, в том числе и в Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова.

В начале 50-х годов, когда автор этих строк находился в лагере в Кировской области, моим соседом в бараке был врач Марк Лазаревич Гринберг. Уже в третий раз он был арестован советскими органами безопасности за участие в Добровольческой армии, где он возглавлял медицинскую часть одного из армейских подразделений.

Среди эмигрантов, вынужденных покинуть Россию после октябрьского переворота, было значительное число евреев – видных деятелей различных антибольшевистских партий: конституционных демократов (кадетов), эсеров, меньшевиков, бундовцев, принимавших активное участие в борьбе с коммунистами, представителей торгово-промышленных кругов. Мой дед Соломон Григорьевич Лифшиц, еврейский общественный деятель Белоруссии, купец 1-й гильдии, опасаясь репрессий советской власти, бежал летом 1920 года из Минска в Польшу... Среди эмигрантов были такие известные деятели кадетской партии, как М.М. Винавер, О.О. Грузенберг, Д.С. Пасманик, Г.Б. Слиозберг.

М.М. Винавер был одним из основателей партии кадетов, неизменно избирался в ее Центральный Комитет, являлся ближайшим сотрудником лидера партии П.Н. Милюкова. Он был избран от Петербурга депутатом I Государственной Думы.

Одновременно М.М. Винавер был крупным еврейским общественным деятелем – играл ключевую роль в «Союзе для достижения равноправия евреев в России» и в «Обществе для распространения просвещения среди евреев». Был членом редакции известного еврейского журнала «Восход». Кстати, кадетская партия была единственной политической партией, неоднократно выдвигавшей еврейский вопрос как в законодательном порядке, так и в порядке парламентских запросов к царскому правительству. После Февральской революции был назначен Временным правительством

сенатором и был членом комиссии по подготовке выборов в Учредительное собрание. После октября 1917 года немедленно начал борьбу против большевистского режима. Когда в Крыму образовалось «Краевое правительство», опиравшееся на белую гвардию, М.М. Винавер вошел в его состав в качестве министра внешних сношений и от имени этого правительства вел в апреле 1919 года переговоры с союзным командованием о защите Севастополя от наступающей Красной Армии. После 1919 года жил в Париже, где в течение ряда лет принимал активное участие в деятельности белогвардейских организаций.

Другой видный кадет – знаменитый адвокат О.О. Грузенберг. О его адвокатской и политической деятельности подробно писал недавно в журнале «Лехаим» известный историк и литературовед Шимон Маркиш (№ 7 \111\, 2001). Большую роль в кадетской партии играл Д.С. Пасманик, сотрудничавший одновременно в ряде еврейских изданий. В 1906 – 1917 годах он был членом ЦК сионистских организаций России. Вместе с Винавером в 1918 – 1919 годах входил в состав «Краевого правительства» в Крыму. Тогда же был избран председателем «Союза евреев Крыма». В выходившей в то время в Симферополе газете «Таврический голос» он постоянно выступал в поддержку генерала Корнилова и белого движения. Известный адвокат Г.Б. Слиозберг был членом еврейского политического бюро при евреях - депутатах IV Государственной Думы и состоял в президиуме Временного национального совета по созыву еврейского съезда в 1917 году.

В числе эмигрировавших из России руководителей меньшевистской партии было также значительное число евреев. В 1921 году из страны был выслан лидер меньшевиков Л. Мартов (Ю.О. Цедербаум). В начале 1922 года такая же судьба постигла другого лидера меньшевиков – Дана (Ф.И. Гурвича). В эмиграции Л. Мартов и Дан основали и редактировали журнал «Социалистический вестник», занимавший бескомпромиссную позицию в отношении Ленина и его соратников.

Осенью 1922 года из России по распоряжению вождя октябрьского переворота была насильственно изгнана большая группа выдающихся общественных деятелей, философов, историков, экономистов, писателей. Были высланы Николай Бердяев, Питирим Сорокин, Сергей Булгаков, Александр Кизеветтер, Федор Степун, Николай Лосский. Среди высланных были и евреи, в частности, родственник моей матери — известный экономист Борис (Бер-Дов) Бруцкус... По решению ленинского правительства все они были лишены советского гражданства, и им было запрещено под угрозой расстрела возвращаться на Родину.

В начале 20-х годов в Москве проходила серия процессов над крупными деятелями антибольшевистских партий. Так, летом 1922 года состоялся процесс над руководством партии эсеров. Среди 15 обвиняемых, в том числе членов ЦК партии, приговоренных к смертной казни, были евреи А.Р. Гоц, М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн.

Имя одного из организаторов партии эсеров А.Р. Гоца было широко известно в России. После Февральской революции он был лидером фракции эсеров в Петроградском совете. Совместно с другими эсеровскими руководителями Н.Д. Авксентьевым и Даном А.Р. Гоц пытался убедить главу Временного правительства А.Ф. Керенского предпринять меры для предотвращения захвата власти большевиками. После Октябрьского переворота вошел в состав одной из самых крупных подпольных антибольшевистских организаций – «Комитета спасения родины и революции», был организатором вооруженного выступления юнкеров в Петербурге вскоре после Октябрьской революции. В 1920 году А.Р. Гоц был арестован. После процесса летом 1922 года под давлением международной общественности он и другие приговоренные к расстрелу были амнистированы, но позднее их снова арестовали и казнили.

В начале 20-х годов, не успев бежать из России, был арестован один из лидеров меньшевиков Марк Либер (М.И. Гольдберг), его сослали в Среднюю Азию, а в 1937 году расстреляли. А ведь после Февральской революции он был членом исполкома Петроградского совета и входил в состав президиума ВЦИК первого созыва...

Куняев, говоря об Октябрьской революции, заявляет буквально следующее: *«Мы говорили о революции и советской цивилизации, которую я ставлю очень высоко. Но тем не менее в ней было одно роковое противоречие. Она зиждилась на как бы двух основах – по русской тяге к справедливости и אֲדִינְתֵּי אֵלִים עֵלְיוֹנָיִם (подчеркнуто мной. – Я.Э.). И дальнейшие драмы и трагедии нашей страны после 1917 года заключались в скрытых от внешнего взгляда противостоянии и борьбе этих сил. Отсюда изживание идей мировой революции, которая в значительной степени иницировалась еврейской партийной прослойкой». Иными словами, евреи стремились к мировой революции, рассчитывая реализовать свою «волю к власти».*

Измышления Куняева вполне адекватны тому, что написано в «Протоколах сионистских мудрецов» и в «Майн Кампф» Гитлера, духовным учеником которого и является главный редактор одного из российских журналов. Но он не оригинален. Он лишь воспроизводит старый антисемитский миф, что Октябрьская революция – «дело рук евреев» и этап на пути установления ими «мирового господства». Подобные утверждения неоднократно подвергались беспощадной критике со стороны многих выдающихся русских политических и общественных деятелей – противников большевизма. В «Вестнике еврейского университета в Москве» (№ 3 (7), 1994) опубликована весьма обстоятельная статья известного историка О. Будницкого «"Еврейский вопрос" в эмигрантской публицистике 1920 – 1930 годов», в которой приведены тщательно собранные высказывания видных деятелей русской эмиграции о роли евреев в русской революции.

Павел Николаевич Милюков – лидер партии кадетов, министр иностранных дел в первом составе Временного правительства, один из основных идеологов белого движения, автор Декларации Добровольческой армии, редактировавший с 1920 года в Париже самую популярную эмигрантскую газету «Последние новости», писал еще в 1915 году в сборнике «Щит»: «Если массы нужно приобрести, то власть нужно запугать. И создается новый вариант антисемитской легенды: легенды о еврее – создателе русской революции. Это он создал русское освободительное движение, это он работал в печати, он работал в революционных организациях, он ходил с красными флагами... Русский человек, который бы этому поверил, показал бы тем, что он не уважает русский народ. Сказать, что только еврей мог помочь русскому народу освободиться, это значит сказать, что без еврея русский народ не вышел бы на путь собственного освобождения. Нет, как я

ни уважаю исключительную талантливость еврейского народа, но я не откажу русскому народу в способности своими силами участвовать в собственном освобождении».

В начале 20-х годов в Берлине вышла брошюра «Большевизм и евреи», автором которой был один из основателей и член ЦК партии кадетов депутат Государственной Думы всех созывов Федор Измайлович Родичев. Он решительно отвергает утверждение об «особой роли евреев» в революции. Ф.М. Родичев отмечает, что «если много евреев в большевиках, то ведь не меньше их в числе гонимых большевиками». Он писал, что среди евреев было много активных борцов против большевизма. Их «еврейские сердца горели ненавистью к большевистской тирании». И далее он писал: «Большевики – это власть жидов, говорят нам. Откуда это? Большевиков вознесла к власти разлагающаяся армия, а не евреи. Не евреи убивали в Петербурге защищавших Временное правительство юнкеров. Не евреи бомбардировали Москву. Матросы убийцы, плававшие не по морю, а по крови офицеров, — не евреи. Убийцы, большевизма ради, во всех уездных городах и особенно всях земли русской – не евреи. Те, кто по призыву Ленина бросились на грабежи усадеб и убивали по системе и с наслаждением... — не евреи, а подлинные русские обыватели». Ф.И. Родичев высказывал убеждение, что большевизм не может принести блага еврейству. Большевики «разорили буржуазию, остановили промышленность, пролетариат оставили без работы, торговлю запретили, погромы прошли по еврейским городам – и, говорят, это еврейское господство, большевизм – это еврейский заговор? Если все, что случилось, дело рук еврейства, — правильное было бы сказать, что это не господство, а их самоубийство».

Антисемитизм не менее опасен для России, чем большевизм, предостерегал Ф.И. Родичев. Национальная вражда, так же как и классовая, «ведет к одичанию и рабству». Аналогичные мысли позднее высказывал и Борис Бруцкус, который писал в издаваемых Милюковым «Современных записках», что «борьба советской власти с частным хозяйством и его представителями является в значительной степени борьбой против еврейского населения». Известно, что значительная часть евреев в дореволюционной России была как раз связана с торгово-предпринимательской деятельностью. Бруцкус подчеркивал, что «интересы еврейского населения стоят в коренном противоречии с самими основами экономической и социальной политики коммунизма. И в этом отношении между интересами еврейского населения и России как единства существует полная гармония».

Куняев сотоварищи ловко спекулирует на том факте, что некоторая часть евреев поддержала революцию и приняла в ней активное участие. А разве миллионы русских и других национальностей в ней не участвовали? Что же касается участия евреев, то большинство из них видели решение еврейского вопроса в коммунистическом интернационализме. Те из них, которые играли видную роль в большевистской партии, были, как и представители других национальностей, лишены национального самосознания, разорвали с традициями своего народа, и родина, и отечество были для них отвлеченными понятиями.

Являясь интернационалистами в самом негативном смысле этого слова, они считали себя представителями «мирового пролетариата», который, как утверждалось, «не имеет отечества». Те евреи, которые принимали участие в революции, а затем часто занимали важные посты в партийно-советском руководстве, не идентифицировали себя с еврейством как таковым. И справедливо подчеркивает в своей книге «Евреи в постсоветской России - кто они?» московский социолог профессор Розалина Ривкина: «В составе новой советской элиты в первые годы после революции 1917 года евреев было немало. Но на проводившийся большевиками политический курс влиял не национальный состав членов Совнаркома или ЦК ВКП(б). Те процессы, которые шли в СССР, не носили национального характера. В них реализовывались не национальные интересы – ни еврейские, ни грузинские, ни русские. Какие бы национальности не были записаны в паспортах Ленина, Троцкого, Каменева и других лидеров коммунистического движения».

Показателен следующий факт. К Л.Д. Троцкому однажды явилась депутация киевских раввинов с просьбой защитить их от местных властей, решивших закрыть главную городскую синагогу. Просители явно рассчитывали, что у своего соплеменника Троцкого они скорее найдут понимание и поддержку, чем, скажем, у русского Калинина или грузина Сталина. Но он не пожелал даже обсуждать с ними этот вопрос. «Я не еврей, — грубо сказал Троцкий, — я интернационалист». Как подчеркивал известный публицист Бенедикт Сарнов, рассказывавший об этом факте, «при всей кажущейся нелогичности ответ Троцкого был внутренне глубоко логичен. Он означал, что, принимая новую (интернационалистскую) веру, еврей должен перестать стать евреем» (альманах «Перекресток». Тель-Авив – Москва, 1995).

Многие известные русские общественные деятели антикоммунистической направленности решительно выступали против любых попыток отождествления большинства с еврейством. Политический эмигрант Владимир Львович Бурцев, издатель эмигрантской газеты «Общее дело», активно выступавший в качестве свидетеля обвинения на Бернском процессе 1934 года о так называемых «Протоколах сионских мудрецов», писал, что «среди большевиков нет евреев – есть только интернационалисты». Разоблачая клеветнические юдофобские измышления, В.Л. Бурцев отмечал, что борьба с антисемитизмом – мировая задача. Он говорил, что борьбу с нацизмом «евреи не могут вести одни. В ней не могут не быть заинтересованы все народы. Им диктуют ее не только принципы права, справедливости, демократии... Но она является жизненным интересом для всех народов. Мир впредь не может жить нормальной жизнью, если где-нибудь будут совершаться гонения на какие-нибудь народы или национальности, подобно тому, какие сейчас приходится переживать евреям. Изуверство над одним народом или нациями неизбежно отражается на жизни всех других стран».

Широко распространенный прием антисемитов, особенно практикуемый в последние годы, говорить о «сионистском засилье» в России. Трудно придумать более абсурдное утверждение. Сионисты всегда были одними из самых наиболее непримиримых врагов большевизма. Руководители сионистских организаций России

крайне отрицательно отнеслись к Октябрьскому перевороту и сразу начали борьбу против большевизма. 2 мая 1918 года в Москве в обстановке секретности состоялась конференция одной из весьма разветвленных тогдашних сионистских организаций «Цеирей-Цион». Принятая ею программа представляла собой конкретный план борьбы с коммунизмом. В ней, в частности, говорилось: «Социализм стоит сионизму поперек дороги. Таким образом, сионизм и социализм не только два полюса взаимноотталкивающиеся, но два элемента друг друга совершенно исключают». Разумеется, под социализмом понималась его большевистская интерпретация. Советские власти с первых дней своего существования начали борьбу с сионистами, которые вынуждены были уйти в глубокое подполье. Сионистов арестовывали и расстреливали наряду с другими противниками нового режима. Но отдельные сионистские организации в полуподпольных условиях продолжали еще существовать. В 1927 году было принято решение о роспуске «Хашомер Хацаир», «Бейтар» и нескольких других организаций, а их участники отправлены в лагеря.

... Автор этих строк весной 1952 года встретился в Кировской пересыльной тюрьме с двумя бывшими членами «Хашомер Хацаир», довольно пожилыми людьми, которые за свою сионистскую деятельность неоднократно арестовывались органами госбезопасности.

Против большевистского режима активно выступали и еврейские религиозные круги. Известный на Украине раввин Гутман заявлял в 1919 году: «Большевизм с точки зрения святой Торы своего рода Вавилонское столпотворение, поколение которого было наказано потопом, ибо не могло существовать. Также и большевизм, пытающийся подкопаться под самые основы, на которых стоит религиозная часть еврейства, не может рассчитывать на симпатии этой части. Я даю клятву от имени всех еврейских общин, что в верующей части еврейства нет места для большевизма».

Таким образом, утверждения Куняева и его единомышленников из нацистских изданий, обильно выходящих ныне в России, о том, что «Октябрьская революция – дело рук евреев» – беспардонная ложь. И как всякая ложь, ничего общего не имеет с действительностью.

Куняев не только примитивный, злобный антисемит, но и убежденный сталинист.

И это не случайно – ведь это взаимосвязанные вещи. Он не только всячески оправдывает антисемитский курс Сталина и его приспешников, но и полностью его одобряет. Он говорит, что новой политической власти и элите, окружавшей Сталина, пришлось отвоевывать свои позиции у еврейской политической элиты.

Отсюда, несомненно, и борьба с троцкизмом... «Ход истории был таков, что страна, чтобы выжить, должна была стать монолитной. Это понимали все трезвые и умные политики. Отсюда и репрессии, которые коснулись, конечно, не только еврейской элиты... Отсюда и кровь, и все, что сейчас социализму и Сталину вменяется». Куняев недоволен тем, что «мы слышим массу упреков, таких истерических, совершенно банальных, скажем, в книгах Борщаговского или кого-нибудь еще, о том, что Сталин инициировал дело космополитов». В этой связи можно напомнить следующий факт. По словам Ильи Эренбурга, писатель Александр Фадеев, член ЦК партии, говорил ему, что вся кампания против космополитизма была начата по инициативе Сталина. Хорошо известно, что эта кампания была лишь прикрытием сталинского государственного антисемитизма.

Затрагивает Куняев и тему Израиля, заявляя, что «мы делали ставку» на него, а оно «предает нас и переходит на американские позиции». Что можно сказать по этому поводу? Хорошо известно, что одной из причин ухудшения отношений между Израилем и СССР был прежде всего всплеск антисемитизма в Советском Союзе, с чем, разумеется, правительство Израиля не могло не считаться.

Говоря о нынешней ситуации в России, Куняев заявляет, что «можно сказать, что произошла как бы вторая еврейская революция... Когда мы говорим о второй еврейской революции, то имеем в виду элиту, которая сейчас сформировалась в своем большинстве. Так сказать сливки общественной и государственной жизни».

По Куняеву схема исторического пути России выглядит как бы следующим образом – была первая еврейская революция в 1917 году, затем Сталин и новая политическая власть и элита середины 30-х годов пытались выправить ситуацию и начали, как он пишет, «отвоевывать свои позиции у еврейской партийной прослойки», но затем в последнее десятилетие произошла вторая еврейская революция в России. В заключение своих рассуждений Куняев делает следующий «вывод»: «Еврейский вопрос – это не национальный вопрос. У евреев в России нет своей территории, за которую они бы ратовали, нет мощной религиозной жизни, которая могла бы войти в противоречие с нашим православием. У евреев нет такой общины, которая бы говорила на своем национальном языке и которая бы боролась за национальную автономию, как борются русские в Прибалтике. Это все дымовая завеса, которая лишь является как бы национальным вопросом. Поэтому остается сделать единственный вывод: не национальные, не культурные, не территориальные, не религиозные это дела, а ведь именно они есть признаки национального противостояния. Ничего такого в русско-еврейском вопросе нет. Есть только борьба за власть. Больше ничего». Едва ли эти слова нуждаются в комментировании. Все ясно и так.

И последнее. Куняев утверждает, что *«наиболее крупные русские писатели всегда с большой осторожностью и с большим вниманием относились к еврейской*

проблеме в XIX веке». Перечислив имена ряда русских писателей, которые, как он считает, были антисемитами, Куняев безапелляционно заявляет, что они «увидели, насколько больным и опасным представлялся им еврейский вопрос». Он почему-то «забыл», что такой гигант русской литературы, как Лев Толстой, резко осуждал антисемитизм, гонения и погромы евреев и неизменно относился с глубоким уважением к еврейскому народу, даже изучал иврит и читал на нем Библию. С огромной симпатией относились к евреям Куприн и Короленко, неоднократно выступавший против антисемитизма, в частности, в связи с делом Бейлиса. Помогал евреям и Тургенев. Что же касается слов Куняева, что «еврейский вопрос является больным и опасным», то таким его делали и делают воинствующие юдофобы, существование которых всегда было и сейчас является действительно опасным для любого общества, ибо это признак его дегенерации, а сами они – и вправду тяжело больны, потому что трудно излечить такое опасное заболевание, как расовая ненависть и антисемитизм.

СЕРДЦЕ СОЛОМОНА КИПНИСА

С Соломоном Ефимовичем мы познакомились совсем недавно. Несмотря на возраст – а это почти 82 – он вошел в нашу жизнь легкой походкой, высокий, осанистый, с улыбкой, зоркий, меткий в словах, приветливый, жадный до теплоты и... с глубоко раненным сердцем, потому что год назад ушла из жизни его «любимая Аллочка» – супруга, с которой было прожито более 50 лет. Он вообще отличался неистовым еврейским постоянством: и в супружестве, и в работе – 46 лет прослужил редактором в журнале «Наука и жизнь». Что к этому добавить?.. Человек породы неразлучник. Очень интуитивный, тонко чувствующий человек.

Выпустив в 1998 году книгу-справочник «Новодевичий мемориал», он, по настоятельному совету жены, взялся за следующую – книгу новелл «Прогулки по Новодевичьему». Как профессионал был педантичен в работе, кропотлив, как человек – честен и ответствен, поэтому рьяно взялся за архивы. «К правде, к правде стремись!» – учит Тора. Он с завидным упорством стремился к исторической правде: копал глубоко, не зарился на «вершки».

Когда умерла супруга, работа над книгой сделалась смыслом его жизни. Две дочери давно выросли, обзавелись семьями. Конечно же, он их преданно любил – и взаимно!, постоянно поддерживал связь, но перегружать своей болью не хотел... Он наметил себе срок: к сентябрю в память об Аллочке во что бы то ни стало сделать книгу – и ушел в это с головой, чувством, с чем только можно, что позволило ему ощущать хоть какую-то связь с той, без которой жутко тосковал.

Соломон Ефимович заканчивал книгу, как было замышлено, к сроку. Оставалось разве что навести последний редакторский лоск — еще разок пройтись по заключительным новеллам... Увы, любимая работа не спасла. Сердце не выдержало тоски... Ах, сердце, сердце!

Дай Б-г как можно больше нашему народу таких преданных мужей и отцов, таких неразлучников, исполненных неиссякаемой до последнего мига любви. Таких профессионально состоявшихся тружеников.

Он ушел от нас на творческом взлете, со множеством планов и по-молодому свежим восприятием жизни. Что поделатъ, телом – в прах, а душой – только вверх и вверх...

ПРОГУЛКИ ПО НОВОДЕВИЧЬЕМУ

᠋᠋᠋᠋ ᠋᠋᠋᠋ ᠋᠋᠋᠋

Продолжение. Начало в №113.

КЕНОТАФ

В древности, когда человека, умершего на чужбине, невозможно было похоронить у себя дома, здесь устраивали могилу без останков. По-гречески она называется «кенотаф» – пустая могила...

На Новодевичьем «кенотафы» тоже есть.

И на одной из таких пустых могил стоит памятник Лозовскому С. (Дридзо Соломону Абрамовичу) (1878 – 1952).

Сегодня уже мало найдется людей, которым это имя что-то говорит. А был он в свое время известной политической фигурой: генеральный секретарь Профинтерна, директор Гослитиздата, заместитель министра иностранных дел, начальник Совинформбюро, профессор МГУ, заведующий кафедрой Высшей партшколы, член ЦК ВКП(б).

Но в 1949-м все разом оборвалось.

Вместе с другими членами президиума Еврейского антифашистского комитета его арестовали и приговорили к расстрелу.

Через несколько лет мертвого реабилитировали. Но хоронить уже было некого.

Как же мог появиться памятник на невшкопанной земле?

Ответ дают два письма, хранящиеся в архиве.

Письмо первое:

В Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС

Мой отец С.А. Лозовский член КПСС с 1901 г., профессиональный революционер... (следует перечень постов, которые он занимал. – Прим. автора).

В 1949 году мой отец стал жертвой вражеской клеветы и был уничтожен.

Теперь мой отец полностью реабилитирован.

Я прошу от имени всей семьи разрешить нам поставить отцу памятник на Новодевичьем кладбище и отвести на это соответствующий участок.

В. Дридзо

Письмо второе:

Зам. Председателя Исполкома Моссовета

Направляю Вам на рассмотрение письмо Дридзо В.С., которая просит выделить место на Новодевичьем кладбище для захоронения праха и постановки памятника ее отцу – Лозовскому С.А. ...

Прошу удовлетворить просьбу т. Дридзо В.С.

Председатель Парткомиссии при ЦК КПСС Н.Шверник

Такая подпись была равносильна приказу.

(1-10-14)

ЖАЖДА СВОБОДЫ И ДОЛЯ РАБА

К 85-й годовщине со дня смерти С.Я.Фруга

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Имя русско-еврейского поэта Семена (Шимона) Яковлевича Фруга (1860 – 1916), чьи стихи в 80 – 90-х годах XIX века властвовали над умами и чувствами многочисленных его читателей и почитателей, причем отнюдь не только евреев, оказалось ныне почти забыто. Эта публикация об С. Фруге – первая после долгих лет молчания.

А между тем, как писал в статье, посвященной его памяти, искусствовед С.М. Гинзбург, «имя Фруга сразу приобрело необыкновенную популярность. Номера русско-еврейских журналов с его произведениями ждали с нетерпением, как праздника; его стихотворения учили наизусть и вскоре стали они распеваться, неведь откуда являлись к ним мелодии»...

Семен Фруг, как справедливо отмечают историки литературы (С.А. Венгеров и другие), стал первым еврейским, а точнее – русско-еврейским, поэтом России. Предвижу возражения: «А как же Леон (Арье-Лейб) Мандельштам, выпустивший еще в 1840 году сборник стихов на русском языке и выполнивший первый перевод Пятикнижия на русский?» Безусловно, такой вопрос правомерен, постараюсь на него ответить. Как известно, Леон Мандельштам был ученым евреем при министре народного просвещения С.С. Уварове, он занимался разработкой проекта школьной еврейской реформы, и, думаю, имя его вправе занять достойное место в истории евреев России именно в связи с его общественной, просветительской деятельностью. Будучи человеком, безусловно, широко

одаренным, по-настоящему первым еврейским поэтом России он все же не стал и может считаться таковым только формально.

Ранние стихи Фруга появились в русско-еврейских журналах Петербурга, а вскоре и в русских периодических изданиях конца 70-х – начала 80-х годов позапрошлого века. Первый сборник его стихов был издан там же, где первые стихи, в Петербурге, в 1885 году и печатался в типографии А.С. Суворина, что говорит о многом. Рецензий и отзывов на эту книгу было множество. Приведем отрывок из воспоминаний выдающегося историка С. Дубнова, вмещающий, на наш взгляд, впечатления и остальных: «Люди следующих поколений, когда творчество Фруга остановилось в своем росте (автор имеет в виду конец 80-х годов XIX века. – М.Г.), не могут себе представить, какое глубокое душевное волнение вызывали в первые годы фатальной эпохи его современные элегии, библейские мотивы, исторические легенды, как много говорил истерзанному сердцу своего поколения поэт, который “ни одной песни веселой не спел своему народу”».

А вот и одна из тех песен, как назвал эти поэтические шедевры С. Дубнов, – фрагмент стихотворения «Над Библией» из первого сборника С. Фруга:

Á ñáÿàííî ñîî ðàèá éááüáü ááéíáé -

Í ðíçðà-í à è áéáüí à, èàè áéáüé çàðè,

ñéíëüÿüéé

Í í çàáíáÿì áéðèè, çàðíñèè íñéíé

È æáéòúð èàì úðáé òáéíñòááí í íð

÷áüáé -

Í ðíðíáè ò í ðááí í íé òíéí à ñáÿòúð

òáí áé;

Ñííéíéíí ñáòÿòñÿ èð íáðàçü í àì úá..

Áááí í ì èíóáèè èáò, áááí í çàáüòúð

áí áé

В ñéüðóíòçáéè çááüí úá, ðíáí úá..

Í, ñáòéüé ì èð ÷óááí ðáñóáò ì íá-èð

ñéé,

Ñáÿòáÿ éíëüááüí áòéáí í íé áá-í íé

ñéááí!

Èç-í íá í áááðíáí úð í èèò, èç òüí ú

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ

אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ,

עַל אֲנֵינוּ אֲנֵינוּ עַל אֲנֵינוּ אֲנֵינוּ

אֱלֹהֵינוּ, אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ

אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ, אֱלֹהֵינוּ

עַל אֲנֵינוּ אֲנֵינוּ אֲנֵינוּ אֲנֵינוּ אֲנֵינוּ

אֱלֹהֵינוּ,

עַל אֲנֵינוּ אֲנֵינוּ אֲנֵינוּ אֲנֵינוּ

אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ...

Это стихотворение по сути дает представление о всей поэзии Фруга, философа, поэта, всегда остававшегося верным Священной Книге в своем творчестве. По мнению В. Львова-Рогачевского, выдающегося литературоведа XIX – начала XX века, «С. Фруг принес в литературу совершенно иные настроения и лозунги, он отозвался на отчаяние своего народа»; «оплакивал страдание бедствующего народа», – в унисон ему замечает С.А. Венгеров, – «пропел песнь надгробную надежде»... В этой характеристике творчества поэта особо обращают на себе внимание ноты драматизма. Чтобы лучше это понять, обратимся сначала к судьбе поэта.

Шимон Фруг родился в 1860 году в еврейской земледельческой колонии Бобровый Кут в Херсонской губернии, то есть на тех землях, где поселились первые еврей-земледельцы Российской империи. Колония была создана в 1808 году на берегу реки Ингулец, правом притоке Днепра, выходцами из Могилевской губернии, среди которых был и дед Шимона Фруга, на их собственные деньги. Здесь, в Бобровом Куте, в тот же год в традиционной еврейской семье родился отец будущего поэта, Мойше-Цви Фруг. Землепашец, он исполнял еще обязанности писаря колонии. Рано женившись, Мойше-Цви вскоре развелся, что для верующих евреев было крайне редко. Во второй раз женился спустя много лет. Был счастлив в новом браке, дети рождались один за другим, однако быстро умирали...

Шимон был пятым ребенком в семье и первым, оставшимся в живых. По поводу его рождения отцу прислал поздравление знаменитый хасидский ребе Менахем-Мендл из Любавичей, любимый внук и ученик рабби Шнеура-Залмана из Ляд...

Итак, пятому ребенку Мойше-Цви Фруга суждено было не только остаться в живых, но и получив образование не только в хедере, а и в русской начальной школе, открытой в этой еврейской сельскохозяйственной колонии, изумить многонациональную Россию изысканной по выражению и необычайно богатой эмоционально поэзией, на редкость емко выражающей еврейскую душу на русском языке. Приобщение к русскому языку с детства, особое чувство этого языка и безусловный врожденный поэтический дар позволили еврейскому мальчику, воспитанному в хасидских традициях, воспеть свой народ не столько на родном, сколько на выученном, чужом для него, языке, да так, что

голоса его ждали многие в России. Поэт достойно возвестил о своем народе, волею судеб занесенном и в эту страну, о трудной его судьбе.

Сказано в Теилим (137): «При реках Вавилонских там сидели мы и плакали, вспоминая Сион. На ивах средь него повесили мы кинноры наши... Как нам петь песнь Господа на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука. Да прилипнет язык мой к небу моему, если не буду помнить тебя, если не вознесу Иерусалим на вершину веселья моего...»

Со времен создания этих стихов прошли тысячелетия. Евреи пели свои песни на разных языках на земле многих стран и в радости, и в горе. Но данный обет они, по существу, не нарушали, ибо за все годы изгнания так и не забыли Иерусалим...

И все же, возможно ли на языке, приобретенном в силу исторических обстоятельств, излагать сокровенные мысли так, как на родном? Да. Если этот язык становится родным. Даже Х.-Н. Бялик, поэт, не признававший права евреев писать на чужих языках (даже идиш считал чужим, именуя его «жаргоном»), как бы сам себе противореча, писал о Семене Яковлевиче: «Читая Фруга, даже на чужом языке, я чувствовал в нем родную душу, душу еврея, я обонял запах Библии и пророков... Я воспринимал Фруга не только как читатель, но и как еврей. Для меня Фруг писал не по-русски. Читая его русские стихи, я не замечал русского языка. Я чувствовал в каждом слове язык предков, язык Библии, я чувствовал душу человека, страждущего за еврейский народ».

В а́и а́и́и́ д̀е о́а́э́ э́ о́а́а́, д̀и́а́и́ а́у́ п̀о́и́д̀и́а́;

Í d̀e óáé eçì ó: áí í ué, n̄í í í eé óáé

ã é í áí p̄.

Í î d̀a áí n̄o ūp̄ í áí í é áo óá í īȳ í í é í á,

Ói é ó eé ói é d̀a áí n̄o ūp̄, ó i é n̄a ó é i é

ó eé ó é í p̄,

× ó í á p̄ ó á í í eé óí á á d̀o í ý í uó á a: a d̀í a

N̄ í a ó ū á í á é í eç é í Á í á í d̀í á í eé ó á a d̀o í a

Á á á á n̄a ó é i é á ó á é í á á ó é í í a é

á í a d̀o í a

Á á á ç á ó é á d̀í a eé eé n̄í n̄ á á í ū á d̀í á í ū á

É a é á á í í a ç á í í ū á eé p̄: á -

É í á í ū ý í a d̀o á ȳ, í á í e á é á ã d̀ȳ: á,

Ç a e á á í ū á í í e ó ó í d̀o á ó, á í e é í a é á í í a

i'adno ai e

E' aduci oea m no doi caai yuei e

no dyi e.

I, diaeia i iy, iaadii xa aooie

No dai eeyi y e oaaa..

В этом стихотворении, как нетрудно догадаться, речь идет не об исторической родине евреев, а о «втором Сионе» – так называли Российскую империю многие евреи второй половины XIX века. Да, душой, полной любви, евреи прирастали к земле, где рождались и жили... Но прав был Бялик в отношении феномена Фруга, что его стихи на русском языке читаются евреем по-еврейски, другому же способны передать еврейскую душу во всей ее первозданной Б-жественной красоте.

И, надо сказать, кроме иврита и идиша, Фруг знал не только русский, но и украинский язык, а с ним и украинскую поэзию. Замечательные одухотворенные стихи он посвятил памяти великого украинского поэта Тараса Шевченко:

0ae io : aai ae ia yoo o daci o

N o aei e y daai no up m' aoe e,

I aiy a aooa ia oei daci o

Ca yoo ediai e dy a i ia e,

A nei ai o ai eia i de a o a,

Ei o i die naoo e pa e i ee.

I a io o ia eu i aao o e daei u,

x oi a i aiy o a o, o i ia e ia i o u,

E a e o i e ai e o a i u a o aei u

I ai i no e ae i ie e daai o u;

x oi, i nai ai i ue na o e i e aoi ie,

0ae aoo i i e i e e i e d e pa e e,

E i ia no i ai no up o a i i e

O u naoo a i ya e ia o a e e;

x oi, e d i ai e i o e e ai m' a a y,

Òù ÷ àñò ì ìàì áìéäé, ðíááÿ,

Ñéì ðáÿ á äóó ááì íé äéóáéì á

Í á ÿò íé ì ðà: í íé ñò äðéí á..

На иврите и на идише Фруг тоже писал, но в русско-еврейскую литературу он, конечно же, вошел стихами, написанными на русском, и его «Сиониды» стали образцом и точкой отсчета не только для русских поэтов еврейского происхождения (В. Жаботинский, Х. Зингер, С. Маршак, Л. Яффе), но и для многих русских поэтов, писавших на библейские темы (И. Бунин, М. Цветаева, К. Романов). Как здесь не припомнить мысль французского писателя Рене Шатобриана о том, что литература всех народов начинается с поэзии, и добавим: в значительной мере – с Библии.

Представление о русско-еврейском поэте С.Я. Фруге невозможно составить без упоминания имени Пушкина. Вот стихотворение, написанное в 1899 году, посвященное столетию со дня рождения великого поэта, которого Фруг не просто любил – обожал:

Í ÿÿéè ðáññéíé ÷ äððìéé äáí éé,

Í éáí èò äéü äóó è è äéàñò èò äéü óì à!

Ñ ááññ äðò í ùò ñò ðáí èö ò áí èö äéáí ùò

ò áí ðáí éé

Çáó: èò í àì äééèééé çááò

ááí óí í ááí éé:

«Áà çáðááñò ááò ññ éí óá»

ää ñëðí àò ñÿ ò ùí à!»

È àò í ðÿ ò àí à ùí àí ðí àí í ó çà à à ó

Áí ñë è è í àí : Áëÿ ò à ñ, ÷ áé ó à ä,

è à é ò ð ùí à,

È ò í í ò à à í àí à è à ñ ò ùí ðí è í àí í ó

ç àí ð à ò ó

È à ñ à æ á ñ ò ð à í è ò ñÿ é ó : àí ù ð

è ñ à à ó -

«Á à ç à ð à à ñ ò à à à ò ñ è í ó á, à à ñ ë ð í à ò ñÿ

ò ùí à!»

Áëÿ à ñ à, è ò í ñ ò ð à í è ò ñÿ é í à è é á

è ç í àí ù ð,

× ò í á ñ à ð à à à í à ú : ó è æ à ò á ó ò í à

Í à ñ ò è í à ò ð à í í æ í è é æ è à í à ñ ç í àí ùÿ,

× ò í á ÷ à ñ ò è è í ð à à à ù í í í í ÷ ù

í ðí ó à à ò à í ù ð, -

«Á à ç à ð à à ñ ò à à à ò ñ è í ó á,

à à ñ ë ð í à ò ñÿ ò ùí à!»

Тема «Пушкин – Фруг» весьма важна, чтобы понять феномен появления русско-еврейской поэзии вообще и Фруга – в частности. В дни 100-летия со дня рождения Пушкина Фруг написал статью «Чувства добрые», опубликованную в 1903 году, в которой повел разговор о его стихотворении «В еврейской хижине лампада...». Это довольно неожиданно, но Фруг сопоставляет его с «Памятником» (к сожалению, ошибочно утверждая, что оба стихотворения написаны в 1833 году, тогда как на самом деле «В еврейской хижине лампада...» создано в 1826-м). Он пишет: «Если трудно сказать, к какой исторической эпохе относится сюжет этой незавершенной поэмы (“В еврейской хижине лампада...” – М.Г.), то в то же время с отрадной ясностью выступает один знаменательный момент в жизни русских евреев, которому вполне могут быть приурочены... строки этого стиха. В незабвенную эпоху Царя-Освободителя» (Александр II. – М.Г.).

Невозможно не обратить внимания на то, почему еврей Фруг, и не он один, называет Александра II «Освободителем». В ответ достаточно процитировать Указ царя

от 31 марта 1856 года: «Пересмотреть существующие о евреях постановления для соглашения их с общими видами слияния сего народа с коренными жителями, поскольку нравственное состояние евреев может сие дозволить».

Итак, статья Фруга – во многом она проливает свет на его мировоззрение и многое объясняет в его творческой судьбе. «В незабвенную эпоху Царя-Освободителя, – писал он, – в “еврейскую хижину” постучался “странник” – тот могучий дух культурного возрождения, который внес в эту темную и тесную хижину струю новой, полной надежд и отрады жизни... В ту хижину, где “старик читал Библию” (и не только Библию), этот странник внес букварь, русскую хрестоматию...

И тогда-то к Пушкину действительно “постучался еврей”, но не за презренным золотом,.. а за чистым золотом возвышенных поэтических вдохновений. Тысячи детей “презренного еврея” стали учиться русскому языку. Первое стихотворение, выученное еврейским ребенком, было Пушкина. Первый восторг поэтического настроения, испытанный еврейским юношей, еврейской девушкой, почерпался им у Пушкина»...

Сам Фруг, «первый восторг поэтического настроения», как он рассказывает в той же статье, ощутил своим чутким юным слухом при чтении его учителем первого же стихотворения Пушкина «Птичка Б-жия не знает ни заботы, ни труда...» Он замечает также: «В эту колонию периодически приезжал для сбора дани цадику (праведник; в данном случае – духовный руководитель хасидской общины. – М.Г.) посланец последнего. Едва ли понимая слово по-русски, этот человек относился как нельзя более толерантно к этой русской школе».

А теперь обратимся при помощи историков литературы к биографии поэта и его собственному творчеству, чтобы проследить их взаимосвязь.

Как известно, Девятое Ава – день глубокого траура, установленного в память о разрушении обоих Храмов. В этот день во всех синагогах мира читают библейскую Книгу Эйха. И можно ли после ее пронзительных строк сказать что-то свое? Наверное, даже необходимо. Евреи все века испытывают в этом потребность и обращаются к своей истории снова и снова, с каждым событием или драмой по-новому осмысляя прошлое и сегодняшний день. Фруг написал стихотворение «Девятое Аба» в очень страшные для евреев России времена погромов начала 80-х годов XIX века. Обращаясь на русском языке ко всем, кто прочтет его стихи, евреям и неевреям, поэт возгласил:

Í î :âé á äàèè ðàçàäèñý ãëîñ :óâí úé:

- Òù îðèáááóñý, ñëáí îé ááçáóóí úé

Ðèì !

Í á îáéääàòü òááá ñ òáíâé ãðäüí áé

áçóâí îé

í è ðíâéí îé ì îâé, í è äèòáðáì ì îèì ...

È áñèè í úí á í à ò é í àì ó áñ ðíâé,

í á áñ èü ðááí î? Í îé éðáé, áçèäèýí í úé

י אֶ־וֹיֵה,

וֹאִיֹּאֹ אֶ־אֲשׁוּרָא יִיֵאֶ; עֶ־יִיֵאֹעֻיָא

אֶ־אֲדוֹיֵאֶ

יֵ־אֶעֶוֹ אִי, יֵ־אִי דֵאֶ עֶ־יִדְאוֹ יִ־אֲדֵאֵ

וֹיֵיֵה.

В этом стихотворении слышится не только призыв к возвращению евреев на историческую родину (погромы привели к такой мысли не одного Фруга, к тому же призывали евреев некоторые русские писатели, уважительно относившиеся к древнему народу, народу Книги, не веря, что ему дадут в России обещанные, равные с другими права. – Д.Л. Мордовцев). В нем улавливается страстное желание поэта внушить русским евреям веру в вечность заповедей Моисея и неудивительно, что он делает это на русском языке.

Израильский литературовед И. Портнова в статье «Еврейский поэт России» отмечает, что среди евреев последней четверти XIX века были такие, кто оставался предан идеалам основателей (писатели О. Рабинович, Л. Леванда и другие) русско-еврейской литературы, веривших обещаниям Александра II уравнивать евреев в правах с другими народами России. Погромщики, реакционеры, полагали такие люди, – явление временное. Другие видели выход лишь в исходе евреев из России (палестинофилы). «Молодой Фруг, палестинофил и просветитель вместе, искренне был с “уезжающими” и с “остающимися”, – писала И. Портнова. – Политически разрозненных и громко спорящих читателей он объединял национальной идеей: его считали своим поэтом и те и другие...»

С. А. Венгеров в статье о Фруге замечает: «Как всякий лирик, Фруг тесно связан с искренностью своих настроений. Больше всего искреннего увлечения в первом сборнике («Стихотворения». Петербург, 1885 год. – М.Г.) не только потому, что поэт был моложе, но и потому, что он явился отражением большого подъема в русском еврействе, относящегося к концу 1870-х годов и началу 1880-х... Тогда в мыслящей части еврейства, воспитавшейся под влиянием лучших элементов русской общественности, значительно повысилось чувство собственного достоинства...»

В 1879 году Фруг стал посылать в русско-еврейский орган “Рассвет” стихотворения, сразу обратившие на себя внимание читателей этой газеты (журнала. – М.Г.). Молодому поэту-самородку дали средства приехать в Петербург, где он с тех пор и живет, исключительно посвятив себя литературной деятельности. Известность вне круга... читателей еврейских органов Фруг приобрел в середине 80-х годов, когда стихотворения его стали появляться в общих журналах – “Вестнике Европы”, “Русской Мысли”, “Недели” и других изданиях. И когда вышел первый сборник его стихотворений, сборник этот был встречен критикой очень сочувственно...».

Когда в России в начале 80-х произошли еврейские погромы, вера в возрождение еврейской культуры на русской почве пришла в упадок. И поэт Семен Фруг ушел из русской литературы. Нет, он продолжал писать стихи, баллады, поэмы (в 1902 году вышел его второй сборник «Сиониды и другие стихотворения»), но это был уже совсем другой поэт. В это время в нем начинает преобладать писатель, публицист. В конце XIX столетия Семен Фруг входит в русско-еврейскую журналистику своими фельетонами, в русско-еврейскую литературу – прозой, публицистикой. Его публиковали

в «Петербургской газете» и других престижных изданиях. Но от поэзии он уходил все дальше. Тому было много причин и, конечно, одной из главных были погромы. Еще об одной, на первый взгляд самой неожиданной, он однажды с горечью сказал С. Дубнову, с которым связывала его давнишняя дружба, – они даже какое-то время жили в Петербурге по соседству (Фруг в ту пору работал домашним служащим у адвоката М. Варшавского): «Что же было делать? Ведь еврейские меценаты не спасут меня от голода».

Было ему знакомо и чувство горькой неприкаянности. Есть у Фруга позднее стихотворение «Итоги» (1900):

Í íá ñ ðí é éàò, à ý í á ç í à è
È äí ý î ò ðäá í í ä í í í ú í á
Í í ä í á í ñ ò ðä í í è é ó á í ðí ò ú í á
Ñ ðä ä è í á ä é í á è ä é ú ò ñ è ä è
Ä ð í æ ó, í ó ò è í á ð ä ç ä è ð ä ý.
Ð í ñ è ý – ð í ä è í á à í í ý,
Í í à í á ÷ ó æ ä ä ñ ò ðä í à ð í ä í ä ý,
È ä è ÷ ó æ ä ç ä í í ú á è ð ä ý...

В этих строках, как видим, глубокая драма человека, до конца и беспредельно любившего страну, где он родился, но... Впрочем, и Лермонтов, горячо любимый Фругом, задолго до этих стихов написал: «Люблю отчизну я, но странною любовью!.. / Но я люблю – за что, не знаю сам...» Наверное, такова судьба всех истинных поэтов России – чувство одинокой, неразделенной любви.

О, если бы жизнь Фруга в Петербурге складывалась так удачно и просто, как пишут об этом авторы статьи в энциклопедии Брокгауза-Ефрона!.. С первого дня пребывания в столице Фруг как еврей не мог не почувствовать себя человеком бесправным. Не получив высшего образования, не будучи купцом первой гильдии, даже не имея ремесла, он не мог рассчитывать получить здесь право на жительство. Его пребывание в Санкт-Петербурге «узаконил» только Марк Абрамович Варшавский, видный деятель Общества по распространению просвещения среди евреев в России. И здесь Фруг прожил почти тридцать лет... Но в 1909 году он все же вернулся в любимую Одессу, которую считал для себя родной. Стихи тогда почти не писал – создавал прозу, продолжал писать удивительные по своей выразительности и мощи фельетоны. Вместе с Х.-Н. Бяликом и И.Х. Равницким он работал как переводчик и автор предисловия «Агады»... Его русский был не менее совершенным, чем у исконно русских классиков литературы. Интересно, как рано обнаружилось у Фруга такое владение этим языком?..

«С.Г. Фруг прекрасно владел русским языком... Уже по выходе его сборника в 1885 году о молодом певце заговорила не только еврейская, но и русская печать. Известный критик и публицист К. Арсеньев причислил С. Фруга в журнале “Вестник Европы” к группе лучших поэтов нового поколения», – писал В. Львов-Рогачевский. При этом он замечает, что по своему таланту С. Фруг, как и Минский, и Надсон, мог остаться и

в общерусской литературе, но «Фруг стал золотой арфой своего народа, стал национальным еврейским поэтом».

Интересно, что Ю. И. Айхенвальд, видный литературовед, критик конца XIX – первых десятилетий XX века, свою статью, прочитанную на вечере памяти С. Фруга (Берлин, 1926), назвал «Еврейский Надсон». Почему он отождествил эти два имени? Вероятнее всего поводом послужило знаменитое стихотворение Надсона:

В дѣлѣ о́бщій ѿвѣтъ, ѿ а́ндрѣя́ іу́е

іа́ндрѣ,

Ѣ́ іа́ о́бщій іа́е́ а́ іе́ іо́у

а́ндрѣ́ іа́ндрѣ́.

О́бщій іа́ндрѣ́ іе́ іе́, о́бщій іа́ндрѣ́

а́ндрѣ́

Ѣ́ іа́ ѿвѣ́тъ, ѣа́е́ ѿ а́ндрѣ́ ѿвѣ́тъ.

Ѣ́ а́ндрѣ́ а́ндрѣ́, ѣа́е́ а́ндрѣ́ а́ндрѣ́ а́ндрѣ́

ѣ́ а́ндрѣ́,

Ѣ́ а́ндрѣ́ а́ндрѣ́ а́ндрѣ́ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ

а́ндрѣ́,

Ѣ́ іу́е́ ѿвѣ́тъ ѣа́е́ а́ндрѣ́ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ,

В а́ндрѣ́ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ.

Ѣ́ іа́ндрѣ́ ѿвѣ́тъ, ѣа́е́ а́ндрѣ́ іа́ндрѣ́ а́ндрѣ́

а́ндрѣ́

Ѣ́ іа́ндрѣ́ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ

а́ндрѣ́,

Ѣ́ іа́ндрѣ́, ѣа́е́ а́ндрѣ́ іа́ндрѣ́ іа́ндрѣ́ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ

Ѣ́ іа́ндрѣ́ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ, ѣа́е́ а́ндрѣ́ а́ндрѣ́

іа́ндрѣ́,

Ѣ́ іа́ндрѣ́ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ, ѣа́е́ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ ѿвѣ́тъ

іа́ндрѣ́

Í à ÷ à ì è ð á ú ò ò á á ý, ð á á ý ñ ñ í á á

ò í á í ð,

Á à è ñ è ð ì í í ñ ò à ò ü è ì í á á ð ý á ú

ò á ì è ò á í é ó í á

Í à ð í á, í á è æ á í ú é ñ á ú í á í ð!

Семен Яковлевич Надсон написал эти стихи в 1886 году – как раз в то время, когда многие хотели уйти, избавиться от своего еврейства, а иные, наоборот, выражали свой протест против нарастающего антисемитизма в демонстративном возвращении в еврейство, из русской – в русско-еврейскую литературу.

Небезынтересно заметить, что это стихотворение Надсона было впервые опубликовано в 1901 году в Петербурге в сборнике «Помощь». Альманах этот был издан для оказания помощи евреям, пострадавшим от неурожаев. О стихотворении «Я рос тебе чужим...», ставшем органической частью русско-еврейской литературы и, несомненно, русской поэзии, Львов-Рогачевский пишет в своей книге: «В поэзии С.Я. Надсона громко говорит голос крови несмотря на то что среди стихотворений поэта-юноши было только одно, посвященное родному народу, да и это единственное стихотворение вошло лишь в последнее издание произведений С.Я. Надсона».

Итак, упомянутое стихотворение Надсона, равно как уход из поэзии основоположника русско-еврейской поэзии Фруга, свидетельствует о той драме, которую ощутило русское еврейство во второй половине 80-х годов, и продлившейся затем долгие десятилетия.

Снова обратимся к статье Фруга «Чувства добрые»: «Да, потомки презренного еврея горячо любят Пушкина и вместе с лучшей частью русского общества глубоко скорбят о вырождении нашей поэзии благодаря новейшим нездоровым веяниям извне засорившим чистый родник поэтического творчества... Пушкин был великим законодателем русского Парнаса...

Прямо и смело говорю: если бы Пушкин увидел, чем стала часть еврейского населения России за последнее пятидесятилетие, если бы он видел хотя бы только еврея-врача, добровольно отправляющегося в местности, зараженные холерой, цингой, голодным тифом, еврея, занимающего кафедру русской словесности... и в то же время сотни других евреев, лишенных возможности применять к живой и благотворной деятельности свои знания и силы, – он, стремившийся пробуждать своей лирой чувства добрые и милость к падшим призывать, вряд ли молча прошел бы мимо этих явлений».

Так искренне размышлял Фруг в начале XX века, но в том же году, когда он написал эту статью, близ Одессы, где он тогда жил, в Кишиневе, произошел один из самых страшных в истории России еврейских погромов (о котором другой поэт, не русско-еврейский, а еврейский, пишущий на иврите, Хаим-Нахман Бялик написал поэму «Сказание о погроме»). Оставаться русско-еврейским поэтом в такую пору было непросто.

Вместе с Бяликом и Равницким Фруг продолжает заниматься русско-еврейской литературой, но уже в ином направлении. В его переводах было издано несколько

сборников «Агады» (сказания, притчи, изречения из Талмуда и Мидрашей), он писал статьи, в основном на литературные темы, фельетоны и очень редко – стихи. В Одессе еще при его жизни вышло несколько изданий его полных собраний сочинений. Последнее из них – последнее до нынешней поры – вышло там же в 1917 году, посмертно. Средства на это издание были собраны Фондом имени Фруга, который возглавил Х.-Н. Бялик – самый признанный в ту пору еврейский литератор.

Фруг и умер в Одессе – 6 сентября 1916 года. О его похоронах сохранилось немало воспоминаний, свидетельствовавших, что Одесса до той поры еще не видела подобных траурных процессий. Однако уже очень скоро – после Октябрьской революции – имя Фруга оказалось запрещенным, забытым, на его поэзию было наложено табу. Памятник, установленный на его могиле, вскоре исчез – прах поэта был перенесен на другое одесское еврейское кладбище, на Слободку, там он покоится и донныне, а первый памятник Фругу в конце концов нашел свое место на исторической родине поэта – в Израиле. Стихи его начали появляться в разных сборниках и антологиях России только в конце 80-х годов прошлого века, при перестройке.

Завершая этот, безусловно, грустный разговор о первом русско-еврейском поэте и припомнив строки молодого Фруга «О, родина моя, недаром же душой / Стремился я к тебе...», исполненные горячей веры и любви, я приведу отрывок из его позднего стихотворения, написанного незадолго до смерти, который, на мой взгляд, завершает образ этого поэта и представление о драме его судьбы.

Äðãàì íé, ý àíðññá ÷ææéíá

õíéíáí íé

Ñúííì íáãíèè è ñéíðæè íáðíáí íé;

Äää äññòíýíüý äæèà ì íá ñááíá:

Æææäó ñáíáíäü è äíèð ðááá..

ОТКУДА СКОЛЬЗЯТ «АМУРСКИЕ ВОЛНЫ»...

Наааа Аооооааа

Самый популярный вальс в СССР – «Амурские волны». Музыкальные радиопередачи для Сибири и Дальнего Востока всегда начинаются знакомой мелодией. Множество раз вальс звучал с эстрады, десятки раз был записан на грампластинках и кассетах.

Но мало кто знает, что его автором является еврей Макс Авелевич Кюсс.

Биографические сведения о нем чрезвычайно скудны. В Центральном государственном архиве Советской Армии хранится «Личное дело Кюсса М.А.» Из него следует, что Макс Авелевич родился в 1874 году в Одессе. По другим данным Кюсс родился в городе Шавельске (ныне Шяуляй, Литва) в 1877 году, в семье ремесленника. Он рано осиротел, и детская мечта стать музыкантом отодвинулась, а потом и вовсе рассеялась. Свою трудовую жизнь он начал учеником жестянщика. Мальчик во многом себе отказывал, чтобы скопить деньги на музыкальный инструмент (какой – источники не указывают). Некоторое время Макс был воспитанником военного оркестра, а затем поступил в одесское музыкальное училище, которое по одним сведениям закончил, а по другим – нет. Суровая жизнь сделала его замкнутым и молчаливым. В восемнадцать лет Кюсс опубликовал свое первое сочинение – вальс «Грезы любви» (1892). По окончании (с отличием) музыкального училища по классу кларнета в 1903 году Макс Авелевич получил назначение в 11-й Восточно-Сибирский полк, связав себя на долгие годы службой в армии. В начале русско-японской войны Кюсс сочинил марш своего полка. Капельмейстер Кюсс вместе со своим полком участвовал во многих боях на Дальнем Востоке. Сразу же после войны он на свои средства издал вальс «Разбитая жизнь». До сегодняшнего дня этот вальс пользуется неизменным успехом:

«Yòí, àèàèì í, ðúññèé í àáðúá

Ááá èpáíáí í á áúáááò ááç í óéé.

È «Dàçáèòàÿ æèçíü» - òíò í íòèá

× òí èáðò á í ðááááááá ðàçóóéé...

Но настоящая слава пришла к полковому капельмейстеру после того как он сочинил «Амурские волны». Вальс был озвучен во Владивостоке (1909?) с посвящением Вере Яковлевне Кирилленко – общественной деятельнице, члену правления владивостокского отделения «Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне нижним чинам и их семьям», то есть произведение носило благотворительный характер: весь доход шел в пользу общества.

В самом начале первой мировой войны Кюсса перевели в 5-ю казачью дивизию, сражавшуюся на Западном фронте, потом он состоял в отдельном батальоне георгиевских кавалеров.

После революции Кюсс остался служить в Красной армии и демобилизовался в 1927 году. Было ему тогда немногим более пятидесяти лет.

Из личного дела М.А. Кюсса видно, что карьеру в Красной армии он начинал в 416-м стрелковом полку, проходил службу в Одессе, Симферополе, Харькове, Москве. Ушел в отставку с должности командира музыкального взвода Кремлевской роты почетного караула. С высоты сегодняшнего дня можно с интересом прочитать аттестацию на командира музвзвода Кюсс (без склонения) Макса Авелевича: «Гов. Кюсс с большими музыкальными познаниями, свое дело любит и знает хорошо. Оркестр поставить может. В знании музыкального дела к подчиненным требователен.

Как администратор слаб. С музыкантами бывает иногда груб, что объясняется раздражительностью в связи с преклонным возрастом. Подход к подчиненным неумелый, не тверд в требованиях, касающихся внутреннего распорядка. Политически отсталый и в этом отношении работает над собой недостаточно. Как специалист назначению своему вполне соответствует.

Как администратор нуждается в помощнике в лице старшины».

(Э. Брустейн, А. Морозовский. «Композитор М.А. Кюсс». Наука и жизнь, №11, 1979, с. 145). Характеристика удивительная и, пожалуй, по «добрым сталинским временам» достаточно опасная.

После демобилизации Кюсс вернулся в Одессу и начал преподавать в военно-музыкальной школе. В 1937 году будущий главный инспектор военных оркестров Советской армии генерал-майор С.А. Чернецкий, хорошо знакомый с Кюссом и работавший с ним в Одессе, отобрал группу ребят из детского дома для своего училища. В то время Кюсс достиг уже пенсионного возраста, но с большой любовью и усердием вел класс кларнета. По свидетельству его ученика Э. Верника, замкнутость Кюсса исчезла, он охотно рассказывал детям о своей службе на Дальнем Востоке в годы русско-японской войны. Для курсантов он был любимым преподавателем, живой легендой, олицетворением лучших традиций русских военных музыкантов. В последние предвоенные годы Макс Авелевич продолжал работать в милицейском оркестре Одессы. Майор Верник после войны пытался узнать о судьбе своего учителя. Ему рассказывали, что немецкие оккупанты расстреляли старого музыканта вместе с десятками тысяч одесских евреев. В последний раз его видели под конвоем нацистов на Пушкинской улице. Макс Авелевич шел с высоко поднятой непокрытой головой. Издалека была видна копна его седых волос... Так оборвалась жизнь этого замечательного человека, а его вальс продолжает жить и не стареет.

И разве не символично, что этот чудесный старинный вальс, столь любимый всеми в России, создан евреем!

ЖАБОТИНСКИЙ В ПАРИЖСКОМ «РАССВЕТЕ»

Оְּעִי לִי לְאֶבֶר

Сперва – о «Рассвете».

В истории русско-еврейской журналистики это название оказалось самым популярным, употребляемым всего чаще. Так называлось и самое первое в этой истории периодическое издание (Одесса, 1860 – 1861) и еженедельник, выходивший, в Петербурге и продержавшийся намного дольше, чем его одесский тезка, а именно с 1879-го по 1883 год. Третий «Рассвет», также еженедельник и также столичный, был органом жестко сионистским и прожил даже дольше второго: с 1907-го до 1915-го, когда его закрыла царская цензура; и потом еще год – 1917-1918 годы, когда его окончательно прекратила новая, советская власть. И наконец, «Рассвет» четвертый, эмигрантский, который и назван в нашем заголовке. Только поначалу он был берлинский, целых два года (1922 – 1924), а с декабря 1924-го до декабря 1934-го выходил в Париже. Жаботинский щедро сотрудничал и в петербургском «Рассвете», и в берлинском, но в парижском он был «номером первым» в редакционной коллегии, фактическим главою еженедельника, определявшим и его общую линию, и, говоря условно, все детали поведения. А главное – печатался так много, как это возможно только «у себя». И то сказать: за всю свою долгую жизнь в русском и русско-еврейском журнализме хозяином «дома» Жаботинский был лишь в парижском «Рассвете».

Возможно, было бы нелишним привести здесь полный список всего, напечатанного Жаботинским в парижском «Рассвете», снабдивши каждое заглавие кратчайшей аннотацией, поскольку само по себе оно довольно часто недостаточно красноречиво: «О Кассандре», «Восток», «Мы буржуи», «Мысли вслух»... Но боюсь, что читателя не высоколобого это едва ли чем обогатит, высоколобый же имеет в своем распоряжении прекрасную библиографию Исраэля Еваровича, исправно аннотированную: «The writings of Zeev Jabotinsky, 1897 – 1940. A bibliography». Tel-Aviv, 1977.

И вот, вместо обозначенного выше списка автор этих строк предлагает более близкое знакомство с немногими текстами, выбранными по его, автора, произволу, иначе говоря: что ему больше по душе, то он и выбрал.

Первый выпуск «Рассвета» в Париже (25 декабря 1924-го) открывается, как то и должно было быть, передовицей с взглядом в прошлое и видами на будущее. Статья подписана: «Редакция». На первом листе журнала (который, к слову сказать, сам именуется «еженедельной газетой») значится: «Редактор: В. Е. Жаботинский». Тем не менее Еварович эту передовую в свою библиографию не включает. Вопреки молчанию Еваровича беру на себя смелость все же атрибутировать ее Жаботинскому и вот на каком основании:

«Еще один вопрос сионистской политики, в котором “Рассвету”, быть может, придется особенно упорно идти против “многих”. Это – ребяческая вера в то, будто спокойствие в Палестине, без которого немислима созидательная работа, может быть куплено ценою одних ласковых слов или своевременных подачек. “Рассвет” поставил себе задачей разъяснить, что порядок и мир в колонизируемой стране могут быть обеспечены только наличием такой прочной железной охраны, которая делала бы насилие

физически невыносимым, и что единственно возможная, целесообразная и достойная форма такой охраны есть та, когда бремя ее принимает на свои плечи сам колонизатор».

Дело не столько в манере письма – ей можно и подражать, и небезуспешно. Дело, прежде всего, в том, что приведенный абзац ведет прямым ходом к дуплету «О железной стене» и «Этика железной стены», появившемуся за год до того в берлинском «Рассвете» (№ 42-43 и 44-45; 4 и 11 ноября 1923 года). Эти статьи вошли в канон самого известного у Жаботинского, и цитировать их, вроде бы, излишне. Так же как, увы, излишне напоминать, что и восемьдесят лет спустя они не утратили актуальности.

Среди восьми языков, которыми Жаботинский владел полностью и целиком, был и идиш. Он и писал на идиш, и говорил, и выступал публично – вопреки доктринерско сионистскому убеждению, что это гнусный жаргон, от которого нужно избавиться любыми средствами и мерами, включая законодательные. Тем поучительнее статья «Судьба идиш», напечатанная в третьем номере «Рассвета» за 1925 год (18 января).

«Идиш – во многих отношениях замечательный язык. Когда-то принято было думать, что это не язык, а наречие: несомненная ошибка. Лингвистически – это язык и очень оригинальный. По гибкости он имеет мало соперников. Самая разнородность его словаря могла бы стать залогом неисчерпаемого лексического богатства. При этом идиш умеет изумительно ассимилировать чужеродные корни. Есть шедевры такой ассимиляции: например, уайтчепельское слово «бойчикл» (мальчуган, хлопец), где так непринужденно и ловко слились элементы трех языков: английское “бой”, славянское “чик” и южно-германское ласкательное “эль”. В литературе и поэзии этого языка есть чрезвычайно серьезные ценности; в области театра имеются достижения, которыми нельзя не гордиться; печать, в среднем, по своим идейным и литературным интересам стоит часто выше иноязычной прессы тех же стран. Наконец, это в известном смысле “мировой” язык: если англичанин гордится тем, что может, не зная ни слова на иностранных наречиях, объехать весь мир, то с неменьшим правом может повторить эту похвальбу ашкеназский еврей. Язык безусловно замечательный. Но самое замечательное то, что он, при всех этих достоинствах, неудержимо вымирает».

Вымирает же он потому, что это, в первую очередь, язык «обиходный», то есть разговорный, а решающий голос в вопросе о будущем обиходного языка принадлежит детям. Но дети, если взять для примера «огромное гетто Нью-Йорка», говорят между собою только по-английски, даже если и понимают идиш и даже отвечают на нем родителям. «Этим вопрос о будущем решается беспелляционно». И далее: «Характернее всего то, что процесс этот проходит в массовой среде без всякого отпора. Итальянские, немецкие, скандинавские, польские родители в Америке почти всегда борются против тенденции детей – вносить язык школы в домашнюю обстановку. Еврейские родители – почти никогда. Получается впечатление, что язык этот не связан с их душой настоящими, органическими нитями. Его любят, пока на нем говорят; когда он утрачен, о нем не жалеют».

И так – повсюду: и в Польше, и по всей Советской России. Исключения, если они и существуют, дела не меняют.

Три четверти столетия спустя, через полвека после Шоа, уничтожившей идиш вместе с его носителями, после по меньшей мере двух десятков лет нового интереса к идиш и идишкэйт повсеместно в диаспоре и даже в Израиле, – как отнестись к этим словам, полным и любви, и гордости, и безнадежности на грани отчаяния? Не всего ли удивительнее и трогательнее именно любовь и верность еврейскому «обиходному» языку,

который для него, для Жаботинского, вырвавшегося в ассимилированной семейной среде, не был уже и обиходным, не был «мамэ-лошн»? Привязанность к идиш была у Жаботинского не инстинктивной, «нутряной», как у тех, кто получил его, так сказать, даром, но осмысленной, опирающейся на убеждение, что идишкайт – неотчуждаемая и необходимая составная нашей истории и культуры (нашей цивилизации, говоря сегодняшним языком).

Заметим попутно: Жаботинский слова «идиш» не склоняет*. Хорошо бы, если бы это приняли к сведению и взяли за образец те, кто пишет и печатает: «не знает идиша», «говорит на идише» и т.п. У автора этих строк такое словоизменение вызывает глубокое отчаяние, почти депрессию.

12 февраля 1927 года скончался в Париже Семен Юшкевич. К осени комитет для увековечения памяти покойного издал в переводе на идиш последний роман Юшкевича «Эпизоды» (1921 – 1922). Жаботинский отозвался на выход «Эпизодов» большой статьей в «Рассвете» (№39, 2 октября 1927 года). Иначе говоря, некрологу, по необходимости несколько расплывчатому и импрессионистскому, предпочел нечто конкретное и, как мы увидим, заостренное политически.

Главная мысль статьи в том, что «национально настроенный еврейский читатель» всегда относился к Юшкевичу несколько прохладно, видя в нем очернителя еврейского народа, не желающего замечать светлых сторон нашего быта, и что «вина в этой размолвке была на стороне читателя». В самом деле, не менее мрачными тонами рисуют своих единоплеменников Щедрин и Достоевский, Синклер Льюис и Теодор Драйзер, однако же никакой размолвки между ними и интеллигентным читателем не было и нет. «У нас же Юшкевич все еще ждет признания в качестве большого еврейского писателя». Причин тому много, Жаботинский приводит главные. Юшкевича сразу и слишком тепло приняли в «общерусской литературе, и у нас получилось впечатление, что он “пишет для чужих”. Манерой письма Юшкевич резко отличался от привычных читателю бытописателей еврейства, и “читатель решил: это не еврейская жизнь”. Но еще важнее, главнее то, что еврейский читатель, даже ощущающий свою национальную настроенность и “уже тридцать лет повторяющий, что еврейский народ живет для себя, а не для соседей, никому не обязан нравиться, ни пред кем не намерен отчитываться и ни на кого не желает оглядываться”, этой нравственной независимости еще далеко не достиг. Оно хотя и объяснимо (“мы живем среди чужого переулка, и отвлечься от этого факта нелегко”), но даже в чужом переулке пора уже усвоить, что отношение к нам соседей меньше всего зависит от нашей репутации “хороших” или “нехороших” людей. Эта истина теперь ясна, кажется, даже ассимиляторам; доказывать ее поэтому считаю лишним. Уж наверное знают ее националисты. Тем не менее и они часто шарахаются, когда взойдет на кафедру свой человек и расскажет при соседях, что есть у нас в быту Леон Дрей. Эта черта у нас – пережиток ассимиляторства и апологетики. От нее пора отделаться».

(Возможно нелишним будет напомнить на всякий случай: Леон Дрей – герой одноименного романа Юшкевича, первая часть которого вышла в 1908-м, а последняя, третья в 1919-м. Леон – мелкий бес, воплощение всех возможных мерзостей и пороков, и появление первой части вызвало настоящую бурю негодования в русско-еврейских и либеральных общероссийских изданиях.)

Существует ли у нас Леон Дрей и «все другие бесчисленные уроды портретной галереи Юшкевича?» – спрашивает Жаботинский и отвечает решительно: «Наивный вопрос. Неужели мы, евреи, так-таки и не “представлены” ни в том сословии юных

красавцев, которое живет на заработки проституток, ни в цехе торговцев живым товаром?» А дурные болезни существуют или нет? «В витринах на главной улице их, понятно, не показывают. А вы сходите в клинику...» В еврейской клинике кого только нет! От «союза воров-евреев» до «типа, которого даже Юшкевич, насколько помню, успел лишь мимоходом коснуться, так как расцвел он уже после войны: еврей-чекист, еврей-палач или подстрекатель палача».

И – вывод, то, ради чего написана эта статья, скорее политическое эссе, нежели литературное размышление:

«Не следует от всего этого “шарахаться”. Во-первых, тут совершенно нечего – ибо некого – стыдиться. Уж пред соседями-то краснеть абсолютно нечего. Один пастор в Уайтчепеле, произнося речь перед евреями, сказал так: “С глубоким сожалением вижу, что нравственный уровень среди евреев с каждым годом падает. Вы, друзья мои, становитесь все хуже да хуже. Вы почти уже стали такими же скверными людьми, как ваши соседи христиане”. Пастор находил, что до этого еще не дошло. Я не видел бы надобности краснеть, если бы дошло и до “этого”. Ни, в особенности, скрывать, да еще от себя самих.

Правду писал Юшкевич. Не всю правду, я согласен; но и не брал он на себя такой энциклопедической задачи. Если угодно, он делал ту же работу, которую делали мы, сионистские публицисты его времени. Мы тоже не писали “всей правды” об ассимиляции. Как во всяком массовом явлении, было в ней много сторон прекрасных и возвышенных: но их мы обходили, а вытаскивали на свет б-жий только стороны отрицательные – и были совершенно правы, ибо наша миссия была бороться против развала и дезертирства. Юшкевич, хотя ни к какой партии не приписанный, никакой миссии не присягнувший, инстинктивно служил тому же устремлению своего времени. Он прошел через разрушенное гетто и сфотографировал развалины; проследил яд ассимиляции до последних, до клинических последствий его действия; проделал работу мучительную и громадную по общественной ценности; и от тех, для кого (и уже в последние годы вполне сознательно) работал, т.е. от нас с вами, самодовольных борцов за новое еврейство, не получил ни слова признания».

Заканчивает Жаботинский изъявлением надежды, что перевод на идиш приблизит Юшкевича к еврейскому читателю, который ощутит его «евреем, писавшим о евреях для евреев». «Тогда Юшкевич добьется своего заслуженного места в ряду писателей – граждан нашего народа и поколения: правдивый и скорбящий обличитель того процесса, который называется ассимиляцией и грозит превратить еврея в насекомое без крыльев, в сгусток обнаженных appetitov, если не остановит его переворот национального возрождения; и потому – один из крупных и серьезных воспитателей народа на пороге возрождения».

Юшкевич поставлен «на службу» сионизму. Не фальсификация ли это? Не тот же ли грубоватый трюк, которым марксистская критика и литературоведение ставили на службу очередной пятилетке чуть не всю русскую классику?

Нет, нет и нет!

Юшкевича можно прочесть так, как читает его Жаботинский, ставя те акценты, которые ставит он, а именно – национальные преимущественно перед социальными; и, разумеется, перед собственно эстетическими. И тогда «распад» («бытописателем распада» назвал Юшкевича Сергей Цинберг, неоспоримый вождь нашего литературоведения в

первую треть минувшего века) из продукта классового расслоения превращается в результат национальной деградации, неизбежного спутника и последствия ассимиляции. Едва ли такой подход (метод, анализ, разбор – назовите как угодно!) пришелся бы по душе передовым исследователям литературных текстов по обе стороны Атлантического океана, он, должно быть, показался бы им безнадежно устаревшим, обветшалым. Автору этих строк он дорог и близок так же, как сам Жаботинский, весь Жаботинский.

Обширные цитаты из «Юшкевича» позволяют вчитаться в письмо, удостовериться, что и во второй половине 20-х годов Жаботинский не изменил той манере письма, которую выработал еще в Одессе до переезда в Петербург (1903). Было у него нечто трудно уловимое анализом, но безотказно ощутимое непосредственно – некий эффект присутствия. Чудится, будто не написанное читаешь, а слышишь живой голос, обращенный именно и только к тебе, больше того – видишь глаза, которые смотрят прямо в твои, в упор. Эффект присутствия особенно интенсивен в сборнике «Фельетоны» (1913), но отчетливо ощущается и в публицистической прозе парижского «Рассвета», в частности – в «Юшкевиче».

Другая крупная, бросающаяся в глаза черта – это сарказм, граничивший, случалось, и с высокомерием, но в целом остающийся на уровне того, что, воспользовавшись словом поэта, можно назвать «великолепным презрением». В конце августа 1929 года в подмандатной Палестине вспыхнули «беспорядки», а называя вещи своими именами – прокатились еврейские погромы; самый кровавый был в Хевроне, арабы убили там больше семидесяти человек. В № 44 «Рассвета» (3 ноября 1929 года) Жаботинский публикует статью под заголовком «Мир».

«Очень шумно завывает у нас теперь в сионизме хор миролюбцев, добивающихся (через проповедь к евреям только!) примирения с арабами. Трудно отделаться от брезгливого чувства: назавтра после такой подлой и грязной резни давайте покаемся в наших грехах и попросим, чтобы впредь не били. Даже я, при всем моем органическом презрении к доброй половине нынешнего офицерского и унтерского состава в сионизме, такой безграничности пресмыкательства не ожидал. Тем не менее надо отбросить брезгливость и еще раз взглянуться в это дело по существу».

И Жаботинский терпеливо, в который раз излагает свою позицию: арабы никакого мира с нами не хотят, пока мы не откажемся от декларации Бальфура и, главное, не согласимся поставить еврейскую иммиграцию в Палестину под арабский контроль. «Мира с арабами мы все хотим. Но заплатить за него той уступкой, которой требуют арабы, мы не можем». «Оттого все эти миролюбивые разговоры, этот еще в Св. Писании осужденный гвалт “о мире, мире, когда нет мира”, есть не только распутство мысли, но и предательство».

Но, конечно же, бывало, и нередко, что текст оказывался свободен и от сарказма, и от эффекта настоящего присутствия. Примером может послужить статья «Д.С. Пасманик» – некролог, напечатанный в № 28 за 1930 год (13 июля).

Даниил Пасманик был известный русско-еврейский публицист, сионист по убеждениям, врач по профессии. Во время гражданской войны участвовал активнейшим образом в белом движении, в эмиграции примкнул к группе «кающихся евреев», которые выпустили в 1924 году в Берлине сборник «Россия и евреи», где признавали правоту крайне правых, взваливавших вину за революцию в России и свержение монархии на евреев. Ответом была резкая критика со стороны евреев и демократически настроенной русской эмиграции. Сионисты отмежевались от Пасманика, объявили о разрыве с ним. И

вот Пасманик умирает, в Париже. Казалось бы: сам Б-г велел подвести итог давним уже обвинениям и спорам! Но нет: Жаботинский подробно, но довольно вяло воздает должное ушедшему как первому теоретику сионизма, судить же «о размолвке Пасманика с русским сионизмом в годы Гражданской войны и после» вообще отказывается – мол, мало что знаю да и знать не очень хочу. А впрочем, словно нехотя, сквозь зубы, прибавляет: с идеалами народов, среди которых мы живем, приходится считаться, и я решительно не понимаю, почему нельзя якшаться с монархистами. Это он не Пасманика защищает, а себя: вспоминает, например, как его поносили за соглашение, которое он подписал с представителем Петлюры в 1921-м. Но в целом статья пресная, и не стоило бы о ней заводить разговор, если бы не заключительная часть, которую стоит привести не скупясь:

«Мы не привыкли к типу души, которая, действительно, вмещала в себе два настоящих патриотизма. Фразу о двойном патриотизме часто произносим мы все – т.е. все те из нас, сионистов, у которых есть приличный паспорт, – и я не сомневаюсь, что произносим ее искренно, и готовы исполнять оба гражданских долга. Но у Пасманика было нечто другое: два “надрыва”. Казалось бы, что любить с “надрывом” можно только одну национальную идею: второй из них можно подарить только спокойную привязанность, если не просто тщательную корректность. Пасманик несомненно любил Россию в том же смысле, как любил еврейство: например, не только сознавал разумом, что России нужна та или иная отрезанная провинция, но и внутренне ощущал болезненность этого отреза, как мы чувствуем отрез Зайорданья. Ненавидел большевиков не только за то, что они – черная сотня, как ненавидим мы, но прежде всего за унижение России. Поскольку он свою деятельность контролировал рассудком, “обосновывал”, – постольку, я думаю, он отдавал примат еврейскому, а не русскому моменту: считал, что и через русское свое служение служит еврейству. Но в сфере непосредственного переживания примата не было. Ту особенную, непередаваемую воспаленность души, которая была самой “восточной” его чертой, он отдавал одинаково и нам, и России.

Вряд ли счастливо живется такому человеку с двумя пожарами в одной грудной клетке. Я ему не завидовал и не завидую. Но шапку снимаю: это не порок души, это богатство души; роскошь неудобная, часто губительная, как губительно для человека родиться с талантом музыканта и живописца вместе; но неподдельная роскошь, истинный дар божий. Ценный умер человек, и с почетом надо проходить мимо его могилы».

Сам Жаботинский никаких сыновних чувств к российскому отечеству не питал и заявлял об этом по разным поводам и в разных контекстах; самый известный, по-видимому, – заключительная глава романа «Пятеро»: «К России был равнодушен даже в молодости: помню, всегда нервничал от радости, уезжая за границу, и возвращался нехотя». Но к чужому патриотизму, в данном случае к русскому патриотизму Даниила Пасманика, относится с полным уважением и сочувствием. Отсюда – высокая патетика или, если угодно, патетическая серьезность, столь же присущая письму Жаботинского, как и две названные выше черты, и то сочетающаяся с ними в разных пропорциях, то появляющаяся в чистом виде, как здесь, в некрологической похвале Пасманику.

В заключение обратимся к тексту, помеченному «Перевод с идиш». Таких текстов немало в парижском «Рассвете», и автор этих строк, занимаясь с десятков лет назад в Институте Жаботинского в Тель-Авиве, не смог установить, как они возникали: кто переводил? просматривал ли автор, то есть Жаботинский, перевод, правил ли его? Как бы то ни было, стилистический уровень их достаточно высок, чтобы ставить их в один ряд с доподлинно и изначально «русским» Жаботинским.

Статья «Зайнэ киндер ун унзерэ» появилась впервые в варшавской газете «Хайнт» 26 сентября 1930 года. В парижском «Рассвете» № 41 за тот же год была напечатана 12 октября под заголовком «Его дети – и наши». В оригинале на идиш был еще подзаголовок: «К кончине сына и дочери Герцля». Дочь Герцля Паулина покончила с собой, сын Ганс застрелился на могиле сестры в Бордо. Эти две смерти наводят на мысль, что старый враг сионизма – ассимиляция («чужие языки лучше наших языков, чужие страны лучше нашей страны, чужие молитвы лучше нашего разорванного сиддура») живет и процветает, хотя и под новым обликом. Но каково бы ни было ее обличье, в основе лежит все то же чувство еврейской неполноценности. «Снова, как двадцать лет назад, слышим из уст молодежи, что одними еврейскими проблемами нельзя заполнить целую жизнь человека, что еврейских идеалов недостаточно для занятия всего алтаря, что на чужой улице гораздо лучше, шире и веселее и что единственное средство, которое еще может удержать у нас молодежь, чтобы она осталась работать в наших тесных пределах, в бедном еврейском саду, в скромном еврейском домике, – это дать молодежи постоянно сидеть у окна». Многие и сидят, глядя не отрываясь на чужую улицу, приветствуя любого, кто по ней ни пройдет, будь то Маркс, Ленин, Ганди или «завтра, может быть, Муссолини, главное, это должно быть нечто не наше, нечто “более широкое”, нечто “общечеловеческое” (...) Кто сидит у окна, выглядывает наружу и высовывается все дальше и дальше, в конце концов выпадет и останется снаружи; целый или разбившийся – это его забота, но – не у нас».

В любые времена, во всех поколениях ассимиляторы старались втолковать еврею, что интеллигентной душе тесно в рамках еврейской жизненной сферы. Что ж, действительно, «у гоев жизнь шире, красивее и веселее (...) и не только их жизнь богаче, но и идеалы их включают в себе более красочную радугу всяких благ. По меньшей мере – на вкус того типа людей, на которых влияет улица с ее шумом и шествиями с развевающимися знаменами. Но вкус большинства из нас – уличный вкус.

Враг жив. Склонность приспособлять наши мысли и стремления не к нуждам еврейского народа и его развитию, а именно к идеологической моде внешнего мира – тенденция, являющаяся корнем и ядом ассимиляции, поджидает наших детей за каждым углом (...) даже в Палестине. Такая вещь может начаться где угодно и как угодно; безразлично, – окончится она в Бордо. Такие вещи всегда кончаются в Бордо. Конечно, не всякое самоубийство выражается в выстреле, но путь через те окна ведет всегда к тому же результату – бесполезно и бессмысленно прожитая жизнь, твои услуги совершенно не нужны чужой стороне. Троцкий сидит у турок и пишет похвалы самому себе, на сто лет германской национальной верности Германия отвечает евреям шестью миллионами плевков в лицо – какая разница, застрелиться из револьвера или совершить духовное самоубийство? Станция Бордо – “terminus”».

В этом переводе с идиш слышится голос, видна поэтика пророка, покрывающая в виде своего рода крыши все детали, частности писательской манеры нашего великого публициста. От пророка – нестерпимая горечь, уже и сарказма мало, уже подступило отчаяние. От пророка – беспощадность в обличениях. От пророка – казавшаяся семьдесят лет назад парадоксом мысль, что ни национальный язык, будь то идиш или иврит, ни даже национальный дом, очаг, Палестина не гарантируют защиты от соблазна ассимиляции. От пророка наконец – и кошмарная точность роковой цифры: шесть миллионов.

Хотелось бы надеяться, что читатель убедился (имеется в виду благосклонный читатель): в парижском «Рассвете» его ждет немало счастливых встреч с несобранным и, следовательно, практически неизвестным Жаботинским. Неизвестным, и потому особенно удивляющим и поражающим. И потому же о двух романах – «Самсон Назорей» и

«Пятеро», впервые появившихся в том же «Рассвете», но достаточно широко известных по дальнейшим, отдельным изданиям, речи у нас не было.

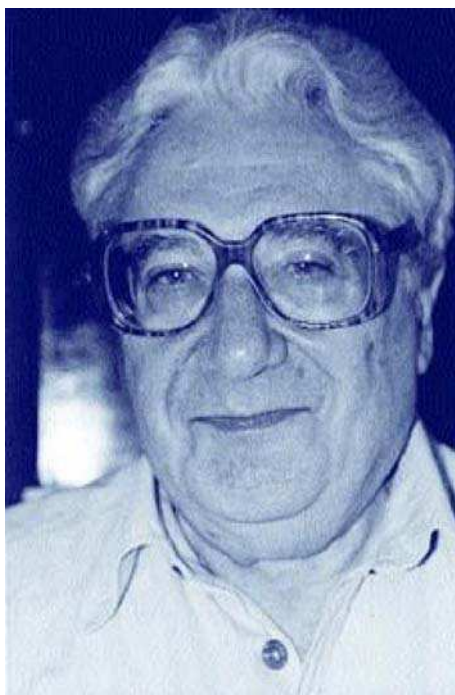
** Αἰῶνι καὶ ἑαυτοῦ ἐπιπέει ἐ ἰ ἀδέσφαί ἐ ἰ ἡ ἀγὸνι ἰ ἀὸ ἀδεαῖα ἀασεῖε ἰ ἀ πῆεἰ γὸνι πῆεἰ αἰ
«εἰεε», ὅ γὸν ἰ ἀασεῖα ἀπῆεἰ αἰ ὑπῆεἰ ἐ ἀεεὸ φὸ ἰ ἀ γὸεἰ αἰ ἰ εἰεἰ αἰ ἰ ἰ αἰ αἰ – (ἰ δεἰ . ἀα).*

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2001 ТИШРЕЙ 5762 – 10 (114)

ПОХОЖ ЛИ Я НА КИССИНДЖЕРА?

Бенедикт Сарнов

В 1949 году я потерял паспорт. Эта беда была, как сказано у дедушки Крылова, не так большой руки. Получить новый тогда было нетрудно: надо было взять в домоуправлении выписку из домовой книги, отнести ее в милицию, уплатить штраф (сотню, которая позже, в хрущевские времена стала десяткой) – вот и вся недолга. Девушка-паспортистка выписку из домовой книги выдала мне без всяких проволочек. Я быстро проглядел ее и в графе «отчество» прочел – не «Михайлович» (отца моего звали Михаил Владимирович), а – «Моисеевич». В графе же «национальность» – в том знаменитом пятом пункте – стояло: «русский».

По-моему, совсем не похож!

– Тут две ошибки, – сказал я. – Во-первых, я не Моисеевич, а Михайлович. А во-вторых, не русский, а еврей.

Девчонка, ни слова не говоря, взяла ручку и исправила. (А может, даже и всю выписку переписала заново, сейчас уже не помню). Так я и остался евреем. Но зато стал Михайловичем.

В более поздние (хрущевские, брежневские) времена изменить в паспорте национальность было бы, наверно, сложнее. Но тогда, хоть времена были и покруче, в этих паспортных делах сохранялись еще такие вот патриархальные обычаи. Не скажи я девчонке-паспортистке, что она ошиблась, что в документах моих должно значиться «еврей», а не «русский», получил бы я новенький паспорт с кристально чистым «пятым пунктом», и многие сложности, поджидавшие меня на дальнейшем моем жизненном пути, сразу бы отпали, исчезли, растворились в воздухе.

Но такая мысль у меня даже и не возникла. А вот мысль покончить раз и навсегда с некрасивым – и каким-то чужим, не моим – отчеством «Моисеевич», доставшимся мне от каких-то старых – наверно, еще дореволюционных – документов отца, не только возникла, но я тут же этой внезапно открывшейся возможностью воспользовался.

Тогда я этим вопросом не задавался, а сейчас вот задумался: а почему, собственно, мне так не хотелось быть Моисеевичем?

Помнится, я объяснял это тем, что надо было покончить с этой вечной еврейской путаницей: в одном документе одно отчество, в другом – другое. (В комсомольском билете – и в старом, и в только что после восстановления выданном мне новеньком – я был «Михайлович»). Но это, конечно, была отговорка. Не пришло же мне в голову, что можно поступить ровно наоборот: «Михайловича» исправить на «Моисеевича». А не пришло мне это в голову, потому что отчество «Моисеевич» мне

активно не нравилось. Оно раздражало меня. Раздражало, как мне тогда казалось, чисто эстетически.

Ну и, наконец, самое простое, самое естественное объяснение.

С какой стати мне называться Моисеевичем, если моего отца зовут Михаил Владимирович?

Правда, наша соседка по коммуналке Татьяна Тимофеевна в истинность этого его имени-отчества не верила. Она не верила даже в подлинность отцовской фамилии. Довольно изобретательно выдумала и уверенно повторяла, что на самом деле он не «Сарнов», а – «Сарнэ». Начисто не верила и в то, что маму мою зовут Мария Филипповна. Обращаясь к ней или к отцу, недовольно ворчала себе под нос: «Цапают наши имена!»

А тут я и впрямь – вылитый Киссинджер

В некотором смысле она была, конечно, права. Потому что мама в паспорте именовалась не Марией Филипповной, а Мариам (или Мириам) Фильевной, а отец – Моисеем Вульфовичем. Но то были рудименты каких-то старых, дореволюционных полицейских документов. А на самом деле отец мой был Михаилом Владимировичем, а мать Марией Филипповной с незапамятных времен. Мать еще девочкой, в родительской семье (не говоря уже о гимназии) называлась Мусей, Марусей, а отца чуть ли не с младенчества звали Мишей. Это было довольно распространено не только в совсем уже обрусевших еврейских семьях. Вот, например, Солженицын убийцу Столыпина Дмитрия Богрова постоянно – и с видимым удовольствием – называет «Мордко». (Под этим паспортным именем он фигурировал в полицейских протоколах.) В семье же будущего убийцу с ранних детских лет звали Митей.

Василий Семенович Гроссман не только в паспорте, но даже в старых писательских справочниках именовался Иосифом Соломоновичем. И я однажды написал в какой-то своей статье, что «Василий Гроссман» – это псевдоним, и что псевдонимом этим писатель хотел особо подчеркнуть, что он – русский писатель. На самом же деле, как рассказал мне потом ближайший друг Василия Семеновича Семен Израилевич Липкин, дело обстояло несколько иначе. Родители окликали мальчика подлинным, еврейским его

именем: Йося. А няньке послышалось – Вася. Так и стала она его звать. И так – с ее легкой руки – он и для родителей, и для всех домашних стал Васей.

Ну, а что касается моего отца, то он, как прожил всю свою жизнь, так и умер Михаилом Владимировичем. И на гранитной стеле, установленной над его могилой на еврейской части Востряковского кладбища, где он похоронен, так и значится: «Сарнов Михаил Владимирович».

Так что не было у меня никаких резонов оставаться Моисеевичем. И Михайловичем я стал, выходит, совсем не потому, что хотел утаить свою причастность к еврейской нации. Тем более, что тут же – пятым пунктом – эту свою причастность не то чтобы обнаружил, но даже подчеркнул.

Так-то оно так. И все-таки этим отчеством я тоже «отъевреивался». Не отрекался от своей национальной принадлежности, но – как бы дистанцировался от нее. Давал понять, что я – не чета тем, местечковым или каким-нибудь там бердичевским Соломоновичам, Исааковичам и Абрамовичам...

Про Евгения Долматовского ходил слух (не знаю, правда ли это), что он – один из двух-трех смельчаков – отказался подписать затевавшееся «Правдой» письмо знаменитых евреев, которое по замыслу затевавших эту акцию партийных функционеров, должно было как бы санкционировать высылку еврейского народа, оказавшегося в плену сионистской заразы, в места отдаленные. Свой отказ Долматовский якобы мотивировал тем, что он не еврей, никакого отношения к евреям не имеет, и поэтому в списке еврейских знаменитостей, среди всех этих Рейзенов, Гельфандов и Эренбургов ему не место. Довод поэта показался резонным, и от него отстали.

А за несколько лет до того (в 49-м) Семен Израилевич Липкин имел с Евгением Ароновичем любопытный разговор как раз на эту тему. Тот был в мраке по поводу бушевавшей антикосмополитской кампании. Он не то чтобы осуждал ее. Просто опасался, что молния ненароком может ударить и в него: ведь у него такое жуткое отчество – Аронович.

Семен Израилевич – человек лукавый, но замечательно умеющий прятать свое лукавство под личиной наивности. Он в совершенстве владеет умением самые причудливые мысли и соображения высказывать таким тоном, что даже очень проницательный собеседник не всегда может усесть, что скрывается за той или иной его репликой: простодушие или утонченная ирония?

Вот и в тот раз, в ответ на жалобы Долматовского, Семен Израилевич невозмутимо заметил, что отчество «Аронович» ровным счетом ничего не значит.

– Вот, например, Баратынского, – дал он тут же историческую справку, – звали Евгений Абрамович. А Мартынов – убийца Лермонтова – так тот и вовсе был Соломонович. Оба, заметь, отнюдь не евреи, а чистопородные русаки. И даже дворяне.

– Да? – оживился Евгений Аронович.

Это сообщение Липкина явилось для него совершеннейшей новостью: в литературном институте, где он учился, им, видимо, таких деталей не сообщали.

Как бы то ни было, после этого разговора он сильно приободрился, и не исключено, что именно информация, полученная в тот день от всезнающего Семена Израилевича, помогла ему окончательно утвердиться в мысли, что он вовсе не еврей и никакого отношения к еврейской нации не имеет.

Несколько иной разговор – в то же время и на ту же самую тему – произошел у Семена Израилевича Липкина с Борисом Леонидовичем Пастернаком.

Как и с Долматовским, он столкнулся

с ним случайно на улице и сразу заговорил о том, что камнем лежало тогда у него на душе: о разнузданной антисемитской кампании, развязанной статьей «Правды» о критиках-антипатриотах.

Евгений Аронович Долматовский

Пастернак в ответ на какую-то не слишком даже резкую реплику Липкина (что-нибудь вроде: «Ну как вам все это нравится, Борис Леонидович? Думали ли мы, что доживем до такого?») выдал самую настоящую истерику. Он чуть ли не криком кричал:

– А почему, собственно, вы меня об этом спрашиваете? Какое я имею к этому отношение?

И довольно смутно, как это было ему свойственно и в других, куда более спокойных ситуациях, но все-таки достаточно внятно выразил примерно ту же мысль, что и Долматовский. То есть – что он по внутреннему своему самоощущению вовсе не еврей, никакого отношения к еврейству не имеет и не желает, чтобы его припутывали ко всем этим превратностям сугубо еврейской судьбы.

Выслушав этот рассказ Семена Израилевича, я, по правде говоря, слегка усомнился в его достоверности. Не то чтобы я решил, что Семен Израилевич все это выдумал. Но как всякий хороший рассказчик (а рассказчик он замечательный), не

удержался, думал я, от соблазна слегка расцветить имевший место факт, придать ему чуть более яркую художественную форму.

Уж очень мелко выглядел в этой сцене Борис Леонидович. А ведь он – как к нему ни относишься, – человек во всяком случае не мелкий.

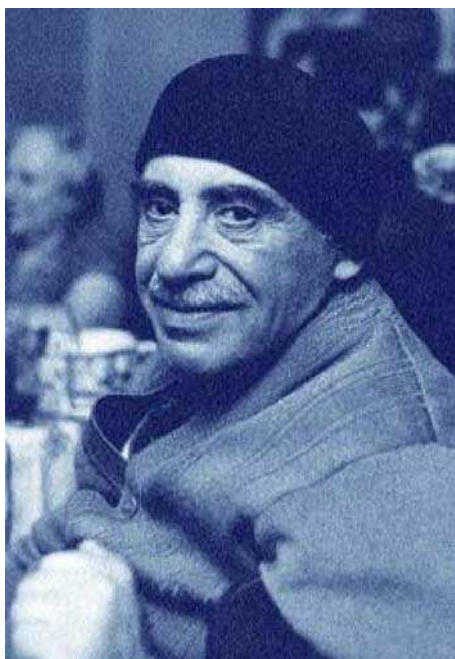
Позже, однако, я убедился, что эту свою историю Семен Израилевич не только не придумал, но, пожалуй, даже и не обогатил, а изложил имевший место факт с фотографической точностью.

Увериться в этом меня заставило письмо Бориса Леонидовича А.М. Горькому от 7 января 1928 года. (Оно напечатано в 5-м томе его собрания сочинений.)

Вот что я там прочел.

«Вы знаете моего отца, и распространяться мне не придется. Мне, с моим местом рождения, с обстановкою детства, с моей любовью, задатками и влечениями не следовало рождаться евреем. Реально от такой перемены ничего бы для меня не изменилось. От этого меня бы не прибыло, как не было бы для меня и убыли. Но тогда какую бы я дал себе волю! Ведь не только в увлекательной, срывающей с места жизни языка я сам, с роковой преднамеренностью вечно урезаю свою роль и долю. Ведь я ограничиваю себя во всем. Разве почти до неподвижности доведенная сдержанность моя среди общества, живущего в революцию, не внушена тем же фактом? Ведь писали же Вы в свое время об идиотствах, допускаясь при изъятиях церковных ценностей, и глубоко были правы. А ведь этими изъятиями кишит наша действительность на каждом шагу, и не бывает случая, когда бы моя свобода в теперешнем окружении не казалась мне (мне самому, а не “кн. Марье Алексеевне”) неудобной, потому что все пристрастия и предубеждения русского свойственны и мне. Веянья антисемитизма меня миновали, и я их никогда не знал. Я только жалуясь на вынужденные пути, которые постоянно накладываю на себя я сам, по “доброй”, но зато и проклятой же воле!»

В переводе с «пастернаковского» на язык родных осин это значит, что и в своих взаимоотношениях с родной речью, и в общественном своем поведении он постоянно вынужден оглядываться на свое еврейство, зависеть от него, считаться с ним. И это – сковывает его свободу, мешает естественности проявлений его личности. Будь он русским по рождению, он бы и жил, и действовал, и думал, и писал точно так же. Но никому, никакой княгине Марье Алексеевне тогда и в голову бы не пришло заподозрить его в том, что он, скажем, «калечит русский язык», потому что он – не настоящий русский, инородец.

Семен Израилевич Липкин

В отличие от Долматовского для Бориса Леонидовича это была не внешняя, а сугубо внутренняя проблема. Евгений Аронович всполошился, когда его сакраментальное отчество могло помешать его карьере или спровоцировать даже еще более грубое (скажем, административное) вмешательство в его жизнь. Борис Леонидович же поделился с Горьким своей драмой в 1928 году, когда никакие внешние осложнения, связанные с его еврейским происхождением, ему не грозили.

Хотя, уверяя Горького, что «векня антисемитизма его миновали», он, я думаю, был искренен не вполне.

Вступительные гимназические экзамены девятилетний Боря Пастернак держал в Одессе, где семья задержалась из-за болезни отца. Удостоверение о том, что все экзамены сын успешно выдержал, Леонид Осипович присовокупил к своему заявлению на имя директора московской 5-й гимназии, в котором просил зачислить сына в число учеников. Были приложены и все остальные необходимые документы, включая свидетельство о привитии оспы.

Предвидя возможные затруднения, отец будущего поэта обратился к помощи тогдашнего директора училища, в котором преподавал, князя Львова. А тот попросил содействия московского городского головы князя Голицына. Но даже вмешательство (в высшей степени доброжелательное) обоих этих влиятельных особ не помогло. Вот начало письма, которое московский городской голова князь Голицын получил от директора гимназии в ответ на свою просьбу.

«Ваше Сиятельство, Милостивый Государь Владимир Михайлович.

К сожалению ни я, ни педагогический совет не может ничего сделать для г Пастернака: на 345 учеников у нас уже есть 10 евреев, что составляет 3 %, сверх которых мы не можем принять ни одного еврея, согласно Министерскому распоряжению. Я посоветовал бы г-ну Пастернаку подождать еще год и в мае месяце представить к нам своего сына на экзамен во 2-й класс. К будущему августу у нас освободится одна вакансия

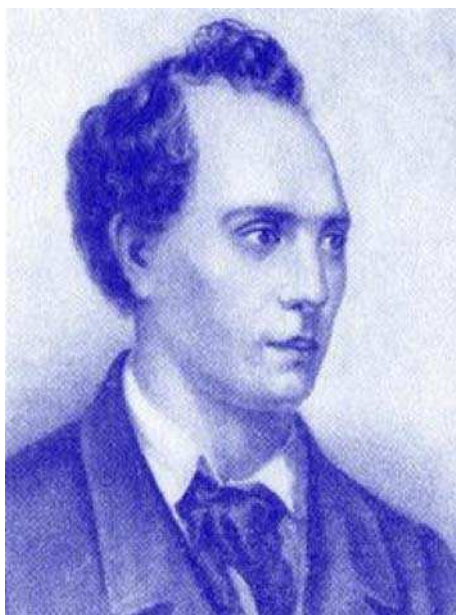
для евреев, и я от имени педагогического совета могу обещать представить ее г-ну Пастернаку».

Пришлось проглотить эту пилюлю. Был нанят домашний учитель, с которым Боря в течение года проходил все предметы первого класса. Причем, весьма досконально, с расчетом на повышенные требования.

Трудно представить себе, чтобы эта история не оставила чувствительного шрама в душе впечатлительного мальчика. Тому, впрочем, есть и прямые доказательства.

Размышляя (в «Докторе Живаго») о людях – всех людях вокруг, – которые были «безотчетно пьяны общим потоком жизни», Пастернак анализирует душевное состояние одиннадцатилетнего гимназиста Миши Гордона, наблюдающего из окна поезда эту «всеобщую беззаботность»:

«Из этого правила мальчик был горьким и тяжелым исключением. Его конечною пружиной оставалось чувство озабоченности, и чувство беспечности не облегчало его. Он знал за собой эту унаследованную черту и с мнительной настороженностью ловил в себе ее признаки. Она огорчала его. Ее присутствие его унижало.

Евгений Абрамович Баратынский.

С тех пор как он себя помнил, он не переставал удивляться, как это при одинаковости рук и ног и общности языка и привычек можно быть не тем, что все, и притом чем-то таким, что нравится немногим и чего не любят? Он не мог понять положения, при котором, если ты хуже других, ты не можешь приложить усилий, чтобы исправиться и стать лучше. Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя?»

Образ Миши Гордона вряд ли можно считать автобиографическим. Но вот это душевное состояние мальчика, испытываемое им «с тех пор как он себя помнил», наверняка было хорошо знакомо и самому автору романа.

Отсюда и то чувство скованности, несвободы, зависимости от своего еврейского происхождения, о котором уже взрослый Борис Леонидович писал в своем письме Горькому.

Я говорю об этом так уверенно, потому что однажды с этим еврейским «комплексом неполноценности» столкнулся вплотную – на этот раз не в литературе, а в жизни. И столкновение это, надо сказать, поразило меня даже больше, чем описанный выше «случай Пастернака».

Один близкий мой друг, талантливый поэт, показал мне несколько исправлений, сделанных им в недавно написанном – и очень понравившемся мне – стихотворении. По поводу одного из них я сказал:

– А вот это – зря. Раньше было лучше.

– Да, я знаю, – сказал он. – Стало хуже. Но так грамотнее.

– Что за чепуха! – удивил

ся я. – При чем тут грамотность? В стихах мы ценим поэтическую силу и выразительность. А грамматической правильностью иногда можно и пренебречь.

Доказывая эту азбучную истину, я вспомнил Лермонтова – его гениальную строку: «Из пламя и света рожденное слово». «Из пламя» – это ведь тоже неграмотно. Но насколько хуже стало бы, если бы Лермонтов исправил эту свою неграмотность на гладенькое – «из пламени».

Во время этого моего темпераментного монолога друг мой сардонически улыбался и грустно кивал головой. А когда я кончил, сказал, что да, все это так, он и сам знает, что ухудшил свое стихотворение, все, все, что я говорил, – это, в сущности, азбучные истины.

– Но есть тут одна тонкость, – сказал он. – Понимаешь, если бы я был на все сто процентов русский, я бы, конечно, оставил, как было. Но поскольку во мне есть еврейская кровь, я должен быть в этих делах особенно щепетилен...

Я не хочу называть имя этого моего друга. Скажу только, что и имя, и отчество, и фамилия у него были стопроцентно русские, поскольку папа его был коренной русак. А вот мама, – которую он, кстати сказать, не знал, она умерла, когда он был еще младенцем, – мама – да, действительно. Она имела неосторожность родиться еврейской. И с этим уже решительно ничего нельзя было поделать.

Излагая мне все это, мой друг был уверен, что я его пойму. Во всяком случае, он не сомневался, что такое объяснение не совсем обычного его поступка меня не удивит. Но оно меня не просто удивило: я был ошеломлен. У меня не было и тени сомнения, что тут – явное отклонение от нормальной человеческой психики, какой-то болезненный выверт, комплекс. Я даже определил его как «комплекс полукровки». Потому что, будучи евреем, так сказать, с обеих сторон – и по папе, и по маме, – сам я никаких таких комплексов никогда не испытывал.

Мои взаимоотношения с русским языком, с родной русской речью всегда были простыми и ясными. Я бы даже сказал, примитивными. Я никогда не задумывался, как

говоря и как пишу. Говорил как придется. Как – само собой – выговаривалось. А позже, когда задумался (сравнивая свою речь с речью других моих друзей и знакомых), поймал себя на том что даже зная, как лучше, как правильнее, не могу заставить себя выговорить какое-нибудь слово иначе, чем по-своему: так, как привык его выговаривать.

Речь моя, естественно, была не простонародная, а – книжная. Поэтому окончания прилагательных я произносил по-книжному: «русский», «московский», «убогий», а не – «русской», «московской». И только пушкинская рифма в «Евгении Онегине» подсказала мне, что надо бы – «убогай», а не «убогий», потому что с «убогим» французом *monsieur l'Abbe* у Пушкина рифмуется: «Не докучал моралью строгой».

Но даже узнав, как надо, – выговорить «убогай» я все равно не мог: язык не поворачивался.

Родившись в Москве и выросши в московском дворе, я с детства привык говорить «молошная», «булошная», «конешно». Мне даже было в диковинку, что серовский мой дружок Глеб Селянин произносил по-книжному, как написано: «булочная», «молочная», «конечно». (Он был ленинградец, а у них, в Питере, говорили именно так.) Но никогда, ни при какой погоде я не мог бы выговорить: «коришневый» вместо «коричневый» или назвать свою любимую кашу «грешневой», а не «гречневой». Или произнести, как легко и естественно делал это мой друг Боря Заходер, – «дефьки», «лафьки», «зерькало», «стерьва». Тоже ведь, вроде, по-московски. Но в мое время, в моей Москве так уже никто не говорил. (Разве только наша соседка тетя Варя, которая мою маму называла «Филипьевна».)

Сказать «грешневая» вместо естественного для меня «гречневая» или «дефьки» вместо «девки» я не мог по той простой причине, что это был бы выпендрез, искусственное, нарочитое выламывание.

Однажды, рассказывая в какой-то компании о том, как Саша Межиров вынудил меня играть с ним в пирамиду на деньги, я сказал: «в бильярд». Присутствовавшая при этом знакомая переводчица строго меня поправила:

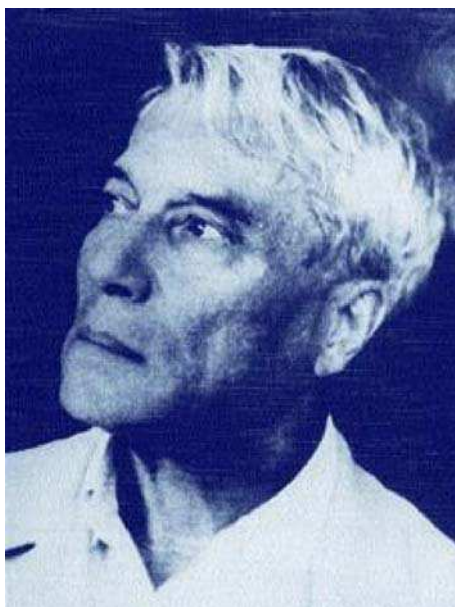
– Надо говорить не «в бильярд», а – «на бильярде».

Да, я знал – конечно, знал, – что надо говорить «партия в бильярд», но – «играть на бильярде». Но выговорить эти слова – хоть убей! – не мог. Чувствовал, что в моих устах это прозвучало бы неестественно. Почему? Устарело это выражение, что ли? Не знаю. Знаю только, что, сказав: «мы играли на бильярде», я был бы – не я. Это было бы с моей стороны чистойшей воды притворство.

Сейчас, задним числом вспоминая и анализируя те – давние – мои ощущения, я думаю, что это во мне говорил здоровый инстинкт носителя языка. Язык ведь меняется, и то, что вчера было неправильностью (скажем, слово «обязательно» в значении «непрерывно» или «пара минут», или даже «довлеет над»), сегодня уже входит во все словари, включая академический, как новая языковая норма.

Носителем языка я себя, конечно, не осознавал. Но в своих взаимоотношениях с русским языком никогда не ощущал себя менее русским, чем, скажем, своих литинститутских однокашников – Володю Солоухина и Володю Тендрякова. И разница между нами – в этом! – была только та, что они «окали» (по-вологодски), а я – «акал» (по-московски).

Еврейский комплекс неполноценности, нежданно-негаданно проявившийся у моего друга-поэта, я назвал «комплексом полукровки». Вероятно потому, что наблюдал нечто похожее у других своих знакомых «двойного происхождения»: замечал, что они были «зациклены» на национальных проблемах не в пример больше, чем я. Но на самом деле, быть может, природа этого комплекса моего друга была другая. Он родился и вырос в Днепропетровске, на Украине, и чистая московская речь для него изначально была чем-то таким, чем ему надо было овладевать: он не ощущал ее в полной мере своей. Я же был начисто лишен этих комплексов не только потому, что был коренным москвичом, но еще и потому, что детство мое прошло в «Стране Гайдара». Мироощущение жителя этой мифической страны напрочь избавило меня от всяких национальных комплексов. В отличие от моего друга-поэта, детство которого протекало совсем в другой среде, и даже в отличие от Б.Л. Пастернака, с антисемитизмом я впервые столкнулся гораздо позже, уже почти взрослым (об этом речь впереди). А все болезненные комплексы такого рода зарождаются, как видно, именно в детстве. Мое же детство, как я об этом уже писал, было искусственно, так сказать, дистиллированно советским. И это, как ни странно, и защитило, спасло меня от всяких болезненных комплексов. Кстати, не только национальных: долго еще я жил с этим «советским» ощущением хозяина жизни, хотя подлинными хозяевами давным-давно уже были люди совсем другого разбора.

Борис Леонидович Пастернак.

Вероятно, это же самое мироощущение гражданина «Страны Гайдара» с детства приучило меня не стесняться своего еврейства: «Ну подумаешь, ну еврей, ну – и что такого!» В «Стране Гайдара» это воспринималось легко, даже нарочито облегченно. И я, читая это, весело смеялся. И никакой фальши я не ощущал – да ее, наверно, и не было! – как в реплике одного из персонажей «Золотого теленка»: «Да, вот так: евреи есть, а вопроса еврейского нету!».

Эта с детства привитая мне гайдаровская привычка не стесняться своего еврейства, тоже – как это выяснилось впоследствии, – сослужила мне хорошую службу.

Мой друг Шурик Воронель недавно прислал мне из Израиля свою новую книгу – сборник статей на разные, но, как правило, связанные с еврейскими проблемами темы. (Шурик у нас теперь – еврейский националист.)

Почти все его рассуждения этого рода довольно-таки далеки от меня. Но одно его соображение (точнее – наблюдение) показалось мне на редкость метким:

«Когда ты чувствуешь себя евреем и окружающие именно так тебя и видят, в душе не возникает повода для разлада. Но, если вообразить о себе невесть что (например, со щегольским оттенком: я – гражданин мира, я – русский интеллигент, я – европеец и живу вне наций), а окружающие не смогут при этом избавиться от впечатления от моей экзотической внешности или чрезмерной еврейской живости – конфликт неминуем».

В справедливости этого замечания я однажды убедился на собственном опыте. Но совсем не потому, что мне самому пришлось пережить такой конфликт. Как раз наоборот.

Дело было так.

В самый пик перестройки мне случилось несколько раз выступить перед довольно многочисленной аудиторией. Как правило – не одному, а в компании с друзьями – коллегами, единомышленниками.

Но однажды вышло так, что я на протяжении нескольких часов – один! – удерживал внимание огромного зала. Рассчитан он был, как мне сказали, на тысячу двести человек. Но было там (а может, мне это показалось со страху) раза в полтора больше. Сидели тесно, иногда по двое на одном месте. Стояли в проходах.

Я что-то такое там говорил, рассказывал, читал. Отвечал на записки, на устные вопросы с мест.

Настроение в зале было не всегда доброжелательное. Иные мои реплики вызывали гул недовольства. В общем, обстановка была скорее напряженная.

И вот, в один прекрасный момент, приходит ко мне из зала записка: «Скажите, почему вы так похожи на Киссинджера?»

Я прочел эту записку сразу вслух. (Нет, чтобы сперва пробежать ее глазами, так сказать, про себя и решить, стоит ли вообще отвечать на такую глупость. Или хотя бы подумать, как ответить получше, поостроумнее.) И поскольку времени на размышление уже не было, сходу сказал первое, что пришло в голову:

– Думаю, что на Киссинджера я похож не больше, чем один еврей в очках – на другого еврея в очках.

Реакция зала была неожиданной.

Нехитрый этот ответ вызвал взрыв аплодисментов, бурностью и продолжительностью несравнимый с откликами на все другие, как мне казалось, куда более умные и остроумные мои реплики.

Общий настрой этих аплодисментов – в сочетании с выражением лиц аплодирующих – я бы охарактеризовал как крайнюю степень доброжелательности.

Я не знаю, был ли в том обращенном ко мне вопросе хоть слабый привкус антисемитизма. Может, и нет. Хотя какая-то толика ехидства наверняка была. Но отвечая,

я эту сторону дела проигнорировал. Не сознательно, а просто потому, что в тот момент об этом не думал. Хотел сказать только одно: что никакого индивидуального сходства с Киссинджером у меня нет, что мифическое сходство это – если уж оно вам померещилось, – чисто типологическое, относящееся не ко мне лично, а к некоему общему типу, который может быть охарактеризован вот этой расхожей формулой: «Еврей в очках».

Но зал воспринял мою реплику иначе. В ней услышали естественную, не заготовленную, произвольно вырвавшуюся констатацию: «Да, в самом деле, Киссинджер еврей, и я тоже. Но помимо этого, не такого уж существенного обстоятельства, нет между нами решительно ничего общего. (Не считая, конечно, очков.)».

Больше всего людям, сидящим в зале, понравилось в моем ответе, конечно, то, что я не стал «отевреиваться», не возмутился, не стал спорить («При чем тут Киссинджер? Что у меня может с ним быть общего!»), а легко и просто признал, что общее есть. В то же время от этого – объединяющего меня с Киссинджером – обстоятельства я отмахнулся небрежно, как от чего-то не слишком существенного. И это тоже понравилось, поскольку сделал я это непреднамеренно, а, так сказать, произвольно. Все вдруг увидели, что теме этой, для многих (как евреев, так и антисемитов) весьма болезненной, можно и не придавать особого значения, что она, в сущности, того не стоит. И радостно приняли такой взгляд на этот щекотливый предмет, как самый естественный. Единственно нормальный.

В связи с этой историей – вернее, по ассоциации с ней – не могу не вспомнить другую, одним из главных «фигурантов» которой был тот же Киссинджер.

В Еврейском центре (есть теперь такой в Москве) шла презентация альманаха «Цовет» (по-русски «Перекресток»). В альманахе этом были собраны сочинения писателей, живших в России и уехавших (давно или совсем недавно) в Израиль.

Произведения российских литераторов занимали первую половину альманаха, израильских – вторую. И эту вторую надо было читать наоборот, с конца альманаха – к началу.

В связи с этим кто-то из организаторов мероприятия и рассказал припомнившуюся мне сейчас историю.

В один из самых критических моментов существования государства Израиль (кажется, это было во время войны Судного Дня) в Иерусалим приехал Генри Киссинджер, тогдашний государственный секретарь США. Израильцы, естественно, возлагали на него большие надежды – не только как на государственного секретаря, но и как на еврея: будучи их соплеменником, он должен был, по их мнению, прилагать особые старания, чтобы Соединенные Штаты оказывали Израилю в этом конфликте режим наибольшего благоприятствования. Киссинджер этим давлением, само собой, был недоволен. И выступая в кнессете (израильском парламенте), весьма недвусмысленно это недовольство выразил.

Фотография, которую мои друзья Воронели прислали из Израиля.

– Во-первых, – сказал он, – я американец. Во-вторых – государственный секретарь Соединенных Штатов Америки. И только в последнюю, третью очередь я – еврей.

– Это верно, – откликнулась Голда Меир. – Но ты забыл, что мы читаем справа налево.

В каждой шутке, как говорится, – доля правды. А в этой была еще немалая толика философии.

Что бы ты там ни говорил, как бы ни вертелся, кем бы себя ни ощущал, – прямо дала она понять государственному секретарю Соединенных Штатов, – на самом деле прежде всего ты еврей. И сколько бы ни старался, никуда ты, мой милый, от этого не денешься.

В сущности, эту же точку зрения высказал и мой друг Шурик Воронель – в том самом, процитированном мною его замечании.

Ты, – говорит он, обращаясь в отличие от Голды Меир не к Киссинджеру, а прямо и непосредственно ко мне, – можешь считать себя гражданином мира или русским интеллигентом, но что бы ты ни говорил, кем бы себя не воображал, прежде всего ты – еврей.

Может, оно и так (с этой темой я еще не развязался и к обсуждению ее еще вернусь), но я от такого самочувствия (самосознания, самоощущения) по-прежнему далек.

Гражданином мира я себя, правда, не ощущаю, а русским интеллигентом... Ну да... Если я вообще интеллигент, то, конечно, русский. А какой же еще?

Примерно в то же время, когда я удостоился аплодисментов за то, что не отрекся от своего сходства с Генри Киссинджером, случилось мне выступать перед – тоже довольно многочисленной – аудиторией московских студентов. И зашла речь о впервые ставшем тогда постоянно мелькать определении «русскоязычный». Так наши русские

националисты стали именовать всех пишущих (и писавших) на русском языке «инородцев»: Бабея, Василия Гроссмана, Фазиля Искандера...

Глумясь над этим прозрачным эвфемизмом, я говорил, что, став на такую позицию, «русскоязычными» (а не русскими) писателями придется объявить не только Гоголя, но и Пушкина, и Лермонтова, и Аксакова, и Чаадаева, и Вяземского, и – мало ли кого еще! И в заключение сказал, что если меня попытаются отлучить от русского языка и русской культуры, я буду сопротивляться всеми доступными мне средствами – драться, кусаться, царапаться...

– И дело тут даже не в том, – объяснил я, – что русская культура представляется мне «наикрашей», а русский язык – самым совершенным из всех других языков и наречий. («Великий, могучий, правдивый и свободный».) Просто случилось так, что никакого другого языка, кроме русского, я не знаю. (Это, конечно, меня не украшает, но тут уж ничего не поделаешь.) И все достижения мировой культуры (во всяком случае – литературы), к каким мне удалось прикоснуться, знакомы мне только в их русском варианте. Выходит, что, отпав от русской культуры и русского языка, я даже и гражданином мира не смогу себя числить. Вот почему мне не остается ничего иного, как считать себя русским интеллигентом. У меня просто нет другого выхода.

При таком самоощущении (самосознании), казалось бы, естественно было мне в 49-м, когда началась газетная травля «безродных космополитов», прореагировать на эту – первую в моей жизни – широкую волну государственного антисемитизма так, как отреагировал на нее Б.Л. Пастернак: «А при чем тут я? Какое все это ко мне-то имеет отношение?»

Но для того чтобы в такой момент отстраниться, дистанцироваться от тех, кого лупят, нужна была незаурядная смелость, которой я не обладал. Не говоря уже о том, что, будь я даже не евреем, а стопроцентным русским (так во всяком случае мне тогда казалось), я тоже не мог бы сказать, что «все это» меня не касается. Это было бы просто неприлично.

Но сейчас я говорю о другом. А если – совсем честно? Наедине с собой? Если скажу (не публично, даже не вслух, а – только себе), что никакой я, в сущности, не еврей и ничего меня с «ними» (кроме, разумеется, той крови, которая течет не «в жилах», а «из жил») не связывает? Правда это будет – или ложь?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо очень глубоко заглянуть в себя. Не знаю, удастся ли.

Но – попробую.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2001 ТИШРЕЙ 5762 – 10 (114)

ИСТОРИЯ С ПОСЛЕСЛОВИЕМ

К 80-летию Станислава Лема, которого нет в Еврейской энциклопедии

עֲדָאֵעִי לְאֹדָא

I

Мой дедушка Фриденберг до самой смерти изъяснялся с акцентом. Родом «западник», из Западной Украины. Семья нищая, многодетная. Потомков разметало по белу свету – через всю азбуку – Австралия, Бразилия, Верхняя Вольта... Эквадор, Югославия, Япония...

А сызмала подались во Львов. Дедушка был «мальчиком» в парикмахерской у Старого рынка – подмастерьем дядюшки Фриденберга. А овладеть мастерством не успел: война помешала – первая мировая. Ну и забрали в армию.

Да не в царскую, как я по невежеству думал, а в К und К (Kaiserlich und Koeniglich), в императорско-королевскую, австро-венгерскую, от которой, если что и осталось, то бравый солдат Швейк.

И Прага, и Львов – аккурат в Австро-Венгрии, где главный язык – немецкий, почти что родной для дедушки: десятая часть командирского корпуса – иудеи. А еврей, положим, в Российской империи мог дослужиться до офицерского чина исключительно как военный музыкант либо военный медик. В Пруссии формально – никаких запретов, но офицеров-евреев – тоже никаких, раз-два и обчелся.

Когда оба Иозефа – Швейк и дедушка – угодили в плен, пражский Ося, натурально, попал в славянский лагерь, а львовский, естественно, в австрийский. Тут-то и началось, пошло-поехало: вся, значит, беда через вас, что жида верховодят!..

Спустя приблизительно четверть века вдруг обнаружилось: эсэсовцы в KZ (концлагере) – чуть ли не сплошь австрийцы. А на Московском фестивале (1957) моя русская мама повстречала венского комсомольца Курта, что разглагольствовал посреди 1-й Мещанской: жида-кровопийца нажились на войне и требуют назад аризированное имущество!

Словом, дедушка Фриденберг примкнул к большевикам, и родной немецкий язык вывел его в шпионы. Не столько даже язык, как дружок П – старший товарищ, наставник.

А почему П? Да потому! Тоже львовский Парикмахер. Но мастер, высокий класс. Служил в оперетте, мечтая о театральных подмостках. А его, как Гитлера к живописи, и близко не подпускают. Вот и кинулся, подобно фюреру, добровольцем на фронт!

Комический персонаж с павианьей повадкой, пузатый, плешивый, плоскостопный, П развлекал народ в окопах и в плену. А грянул 1918 год – записался в ЧК: шутить, наверное, надоело... Вместе с дедушкой – на гражданской войне, в заградительном отряде. Ликвидировывали белых офицеров в Крыму, охраняли одного вождя и расстреливали другого.

Тот загодя рухнул на пол. Еще в коридоре прильнул к сапогам и, задравши кудлатую голову, тянул зауспокойный псалом.

– Schrecklich! – вспоминал дедушка. – Ужасно!

Но неумный П, подстрекаемый опереточным даром, разыграл предсмертную сцену на потеху охраняемого вождя, – приплясывал, скулил и гундосил, путая кадиш с чардашем:

Ī ēð ääðæ è ò ñŷ äĭ ò äŷ ĭ ĭð,

ĭ ĭ ê ä ĭ ä ç ä ĭ è ä ĭ ĭ ä ò ĭ ðŷ ð ò:

«Ä ä ä ŷ ä ä ò ä è ä ä ĩ ĩ ä ä ĭ ĭ ĭ

ä ĩ è è ĭ ä è ĭ ŷ Ä ä

ä ĩ ä ä è ä ĭ ä ä è ä ä è ĭ ä!»

– Но это же «Отче наш», – сказал охраняемый вождь. – Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да придет царствие Твое...

– Да, – кивнул П, – только более древнее. И поется по-арамейски, чтобы ангелы не разобрали ни слова и не позавидовали народу, что вознес

Г-споду такую величественную хвалу.

– Сегодня – хвала, завтра – хула. – И охраняемый вождь отпустил охранника. – Ступай!

Рано поутру П растолкал дедушку и зашипел на ухо по-немецки:

– Я погиб... Он боится нашего еврейского Б-га. А со своим в надежде поладить. – И пристроил дружка-львовянина в могучую параллельную организацию. – So etwas lebt, und Schiller musste sterben! Такой осел, как ты, будет жить, а Шиллер умирает!

Дедушку Фриденберга быстро спровадили за рубеж на подпольную, конспиративную службу. Сперва – Китай, затем – Испания. Во время и после Большой войны – Америка...

– Он что, сохранил тебя как свидетеля? – спросил я. – Чтобы замолвил словечко на том свете?.. А ты сам, дед, лично ты кого-нибудь спас?

– Ich werde denken. – Дедушка засмеялся. – Буду подумать.

И рассказал историю, которую услышал я впоследствии от совсем другого лица.

II

По приглашению местных коллег пожаловал в нашу страну писатель-фантаст L.

Мировая величина. Обитает попеременно то в Польше, то в Германии – ну и творит соответственно на двух языках. В Польше, обратите внимание, по-немецки, а в Германии, обратно, на польском. Литература – область воображения, и лучшие стихи о зиме рождаются летом.

Европейскую знаменитость принимали торжественно, в Дубовом зале Центрального дома литераторов. И налетели насчет еврейства. Я участвовал как переводчик и передам творческую дискуссию близко к тексту, по направленной стенограмме и портативному диктофону. Не дословно, конечно, и без претензии на художество. С рачительством, однако, за смысл.

– Да, – сказал L, – по нацистским Нюрнбергским законам я, действительно, еврей. Но подобно великому Пастернаку, ни единою строчкой не отозвался на так называемый Холокост – уничтожение моих соплеменников. Хотя не в пример вашему поэту жил в непосредственной близости, в страхе и ожидании. Еврейству ничем не обязан.

– Нет, обязаны! – возразил оппонент – бородатый, косматый, в очках... этакий, что ли, тощий Карл Маркс. – Только не еврейству как таковому, а своему происхождению. Позвольте приведу для ясности ряд примеров.

1. Всеволод Эмильевич Мейерхольд, немецкий еврей по отцу и прибалтийский немец по матушке, не мог воспринять полной мерой ни немецкой, ни русской культуры, почему и выдумал условный театр.

2. Евгений Львович Шварц, еврей по отцу и кубанский казак по матушке, искал и нашел собственную страну – сказочную страну Андерсена, где и происходит действие его пьес.

3. Русскоязычный поляк Александр Степанович Гриневский появился на свет в Вятке и преобразил окружающую реальность в неведомую землю Александра Грина – Гринландию – с Зурбаганом и алыми парусами.

4. Полукровка Владимир Семенович Высоцкий – актер и поэт – воспевал войну как родину, прославляя боевого еврея-папу, перевоплощаясь в него...

Теперь относительно вас, господин L. Вы только что сообщили, что жили в непосредственной близости, в страхе и ожидании, – иными словами, в эпицентре Катастрофы. Буря бушевала окрест, и поди угадай, не поразит ли молния вашу семью. А люди кругом влюблялись, женились, разводились, рождались и умирали, как говорит поэт, «при нотариусе и враче»... Из этого ненормального, но вполне обыденного соседства и произроста ваша фантастическая проза.

– Возможно, – отвечал L. – Мои родители, правда, крещеные, а семья отца возведена во дворянство с присвоением баронского титула. Но по Нюрнбергским законам мы, повторяю, евреи, и если бы кто-то донес... А таких – пруд пруди. Назывались шмальцареки – от немецкого Schmalz и польского smalec – топленое сало, смалец. Про невинное удовольствие соорудить еврею свиное рыло или показать свиное ухо – об этом читайте у Гоголя. А шмальцарек просто вас шантажировал, требуя откупную мзду... И все же моя фантастика – не отсюда. Она от детства. Из одного семейного предания, когда мой отец совершенно случайно избежал гибели.

И я услышал сызнова дедушкину историю, только рассказанную другим человеком.

III

Отец писателя L – австрийский барон и весьма популярный во Львове врач-окулист. Мобилизован как военный медик с началом первой мировой войны.

Попал в русский плен. После нашей революции, спасаясь от местных междоусобиц, пробираясь во Львов (тогда еще Лемберг) – на малую родину. Большая (Австро-Венгрия) уже кончилась, а независимая «панская» Польша едва-едва началась.

Где-то на Украине поймали его красные. По отрепьям австро-венгерского мундира определили, что офицер. И повели убивать. Как немца, как еврея, как барона, как интеллигента...

Вдруг навстречу – какой-то парень. Интересуется по-немецки:

– Вы, извините, не брились ли в парикмахерской у Старого рынка?

– И брился, и стригся... А вам откуда известно?

– Да уж известно! – хохочет. – Вы дядюшке Фриденбергу такие очки подобрали, что велел обслуживать вас бесплатно. Так что спасибо за щедрые чаевые!

Парень в ремнях да в кожанке – адъютант страшилы-чекиста, командира заградительного отряда, и увел, стало быть, доктора L из-под расстрела.

– Кланяйтесь, – говорит, – Старому рынку! Привет дядюшке Фриденбергу!

Доктор проник во Львов, который осаждала 1-я Конная. Цирюльни у Старого рынка давно уже не было. Мастер Фриденберг умер. Семейство бежало в Вену.

– Но с детства, – закончил писатель L, – молюсь я во здравие неизвестного парикмахера.

Послесловие Станислава Лема

1. Мои предки были евреи. Я ничего не знал об иудейской религии. Ни об еврейской культуре. Собственно, лишь нацистское законодательство просветило меня. Нам удалось избежать переселения в гетто. С фальшивыми документами мы пережили эти годы. Немцы убили всех моих близких кроме отца с матерью.

2. Мой жизненный опыт таков, что я легко представляю себе (вместо предустановленной гармонии) в аккурат обратное – предуготовленную дисгармонию, за которой следуют хаос и безумие.

3. Практика показала, что жизнь и смерть зависят от мельчайших, пустячных обстоятельств: по этой или той улице ты пошел, явился ли к своему знакомому на час или на 20 минут позже, закрыто или открыто парадное во время облавы.

4. В эпоху массового человекоуничтожения общественные системы – весьма хрупкая штука, а люди непредсказуемы в экстремальных условиях – их решения невозможно предвидеть.

5. Я не верю в лучший мир. Однако же не отчаялся. И не оцениваю человечество как совершенно безнадежный, неизлечимый случай. Мы с отцом, оба медики, никогда б не поставили такой диагноз.

Примечание.

Станислав Лем родился во Львове

12 сентября 1921 года.

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

יְהוּדֵי הָאָרֶץ

יְהוּדֵי אֶרֶץ 103-113

IX

В течение недели, последовавшей за свадьбой, лучшие люди города приходили поздравить меня и пожелать счастья. Я страшно жалела, что не знаю французского языка, чтобы должным образом им ответить. Но за меня говорил мой муж.

Долгое время все шло как нельзя лучше. Я ни в чем не нуждалась, муж давал мне столько денег, сколько требовалось для ведения хозяйства. Однако я обнаружила, что главным лицом в доме была экономка – все проходило через ее руки: продукты, пироги, другие запасы. Она ни разу не спросила у меня, что приготовить на обед, что сделать по дому.

Это было мне не по нраву, потому что в Гамбурге я не позволяла слугам играть роль хозяев и решать вопросы, которые должны решать хозяин или хозяйка. Не раз я заводила речь об этом со своими падчерицами и с женой моего брата Фрейдхен. Но все говорили, что моя предшественница, покойная Блюмхен, всегда предоставляла экономке решать все вопросы, связанные с хозяйством, все передала в ее руки, ни на минуту не сомневаясь в ее преданности и честности.

Когда я вошла в эту семью, в доме было двое слуг и две горничные, не считая множества лакеев. Мне это не нравилось, но все убеждали меня, чтобы я оставила все как есть, ибо при первой жене прислуги было еще больше.

По правде говоря, мои падчерицы, которые уже имели собственные семьи, часто вздыхали по прежним временам и давали мне понять, что их добрая мать по любому случаю осыпала их щедрыми подарками. Я такого делать не могла и только посылала им всякое вкусное, если на кухне готовилось что-то особенное. Однако, когда в пятницу я покупала для них «субботние фрукты» стоимостью в четверть талера или один ливр, люди смеялись надо мной и говорили, что нужно покупать на целый талер, если не больше, и посылать каждому ребенку в семье полную корзину.

Некоторое время я терпела это и благодарила Б-га, полагая, что пришел конец моему вдовству, полному забот и тревог, даже если радость моя была «смешана с дрожью».

Надо сказать, муж мой был хорошим и действительно богатым человеком. В его доме я видела золота и серебра больше, чем мог похвастать самый большой богач в Германии.

Он вел большие коммерческие дела и вел их корректно, так что ни одному человеку не приходилось дважды приходить к нему за причитающимися деньгами – всем он платил пунктуально, что следовало. Он авансировал кредиты и евреям, и неевреям в самых разных странах. Кроме того, он считался таким порядочным человеком и талантливым бизнесменом, что все, кто хотел поместить деньги в надежные руки, приходили к нему.

Поэтому и мой зять, уезжая в Париж за неделю до моего приезда, собрал все свои капиталы и на время своего отсутствия отдал их на хранение моему мужу. Он предпочел оставить их у мужа, а не у своего отца, ибо муж мой считался не только богатым, но и надежным человеком, поэтому я не сомневалась, что удачно вышла замуж.

Сказать правду, муж часто стонал во сне. Я много раз спрашивала его, что его беспокоит, но он всегда отвечал: «ничего!», дескать, это у него такая привычка – стонать во сне. С аналогичным вопросом я обращалась и его детям, и к моей невестке Фрейдхен. Вначале я полагала, что если со своей первой женой он жил так счастливо, как это утверждали, значит, он не в состоянии ее забыть. Но все заверяли меня, что нет, просто это у него такая привычка и при первой жене он тоже стонал по ночам. И я перестала тревожиться по этому поводу и не подозревала, что беспокоит его и заставляет мучиться по ночам.

Он плохо спал и плохо ел.

Титул сидура. Германия, 1713 год.

Х

Примерно через восемь недель моей жизни в Меце дочь Эстер родила сына Элиаса, и я была очень счастлива, потому что до этого она потеряла несколько прелестных детей. Все мы радовались этому чудному ребенку – храни его Б-г. Муж и я были его восприемниками. Муж подарил малышу кубок, покрытый изнутри и снаружи толстым слоем золота – не менее трех унций. Когда дочь оправилась от родов, он послал ей в подарок испанский дублон. К обрезанию сына она уже была здорова, и сама всем распоряжалась. На третий день после того как сын ее стал евреем, она сама приготовила обед в его честь, и все только ахали и удивлялись!

Ее свекровь, богатая фрау Яхет, часто говорила мне: «Должна признаться, готовит она лучше, чем я сама». Всякий раз, когда фрау Яхет требовалось подать на стол что-то особенно изысканное, она звала мою Эстер – никто не мог угодить ей, кроме нее!

Как среди высокопоставленных людей, так и среди скромных бедняков моя дочь славилась своим благочестием, воспитанностью и добродетелями. Как ни горевала она из-за смерти своих детей, однако редко показывала это людям. Она была бережлива, дальновидна и требовательна во всем, что касалось хозяйства, и ее дом делал ей честь. Каждый день за ее столом обедали домашний раввин и студент ешивы, изучавший Талмуд; ко всем – и к богатым, и к бедным – она относилась одинаково, всем оказывала почет и уважение, так что я не могла нарадоваться на нее.

Обряд обрезания. Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век. Четыре гравюры, изображающие этапы рождения ребенка. Германия, XVIII век.

Но тут Г-сподь послал мне первое горе в Меце.

В день Искупления заболел мой внук Элиас, и восемь дней его мучили припадки. Ребенок страдал так сильно, что я молила Б-га сократить его агонию. Никто не верил, что он выздоровеет. Но Отец наш Милосердный сжалился над ним и послал исцеление.

Вот вам пример того, как Б-г может помочь человеку, когда врачи и знахари бессильны, ибо сказано: «Я Г-сподь, который исцеляет тебя». Благодарю Его и восхваляю ежедневно, да позволит великий Б-же, чтобы родители Элиаса привели его к Торе, под свадебный балдахин и наставили на путь добра. Нетрудно представить себе радость моей дочери: благодарная Г-споду за новую жизнь, дарованную ее ребенку, она щедро жертвовала на благотворительность, по большей части негласно. Ибо ее муж, подобно многим другим, не помышлял ни о чем, кроме денег.

Четыре гравюры, изображающие этапы рождения ребенка. Германия, XVIII век.

Вот что рассказывают об Александре Македонском: как всем известно, он покорил чуть ли не весь мир. После чего возгордился и подумал: «Могущество мое так велико, я объехал столько земель и так далеко забрался, что должно быть, нахожусь уже близко от Райского Сада – Ган Эдена». Ведь в этот момент он стоял на берегу реки Гихон, одной из четырех рек, берущих начало в Эдене.

Александр велел построить несколько крепких кораблей для себя и своего войска и поплыл к тому месту, где река Гихон разделяется на несколько рукавов и где начинается Райский сад. Когда он приблизился к Раю, появился огонь, истребивший все суда и всех солдат, не коснувшийся только того корабля, на котором плыл сам Александр. Тогда он, пеший, направился к воротам Рая и просил впустить его, ибо он хочет посмотреть

на все чудеса света. В ответ прозвучал голос, велевший ему уйти прочь, ибо «через эти врата войти могут только праведники».

Долго и тщетно умолял Александр впустить его и наконец попросил, чтобы ему перебросили что-нибудь через стену сада, чтобы он мог продемонстрировать это в доказательство, что он побывал у врат Эдена.

И к ногам его упал глаз. Он подобрал его, толком не разумея, что с ним делать. Тот же голос велел ему собрать все имевшееся у него золото и серебро и все другие земные ценности и положить их на одну чашу весов, а глаз – на другую чашу, и тогда он увидит, что глаз перевесит все остальное.

Откуп перворожденного ребенка. Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

Царь Александр был, как известно, большим философом и мудрым человеком – ведь его учителем был Аристотель. Ему никак не верилось, что столь малый предмет, как глаз, сможет перевесить тяжелое золото и серебро и все другие мирские ценности, и он решил проверить это на деле.

Он велел принести громадные весы, положить на одну огромную чашу глаз, а на другую насыпать сотни и сотни золотых и серебряных монет. Но чем больше наваливали на нее, тем выше она поднималась и тем ниже опускалась чаша, на которой лежал глаз. В недоумении Александр Македонский спросил, почему так происходит.

Тогда голос велел ему бросить в глаз горсточку земли. Он выполнил это – и сразу же чаша весов с глазом взлетела вверх, как будто на ней лежало перышко, а чаша с золотом и серебром с грохотом упала до земли.

Будучи в еще большем недоумении, Александр пожелал знать, как это произошло, и тогда глас небесный ему ответил:

«Слушай же, Александр! Пока человек жив, глаз его никогда не насыщается. Чем больше имеет человек, тем больше хочет. Потому глаз и перевесил все твое серебро и

злато. Но стоит человеку умереть, стоит праху земному коснуться его глаз, как они насыщаются.

То же самое ты, Александр, можешь наблюдать и в собственной жизни. Не довольствуясь своим царством, ты захотел покорить весь мир. Ты стремился вперед и вперед, пока не достиг места, где находятся Б-жьи слуги и дети.

Пока ты жив, ты никогда не удовлетворишься и всегда будешь желать еще и еще, будешь захватывать все новые и новые земли, пока не умрешь на чужбине, причем случится это в самом недалеком будущем.

Но как только тело твое опустят в землю, тебе, которому был мал весь мир, достанет и трех аршинов земли. Уходи же отсюда и не задавай больше вопросов, ответа не будет!»

После этого Александр отплыл в страну Году (Индию), где его и настигла ужасная смерть. Ибо, как рассказывает в своей Истории его учитель Аристотель, умер он от отравления в страшных мучениях.

Трудно расставаться с копейкой, заработанной честным трудом. Но человек должен научиться обуздывать свою жадность. Существует поговорка: «Скупость никогда никого не обогатила, а разумная щедрость никого не разорила». Всеу свое время: время зарабатывать деньги и время подавать милостыню. Как говорят голландцы, «Gelt autzugeben in siner tid, dat maekt profit». Многие нееврейские мудрецы высказывались очень правильно и мудро на эту тему.

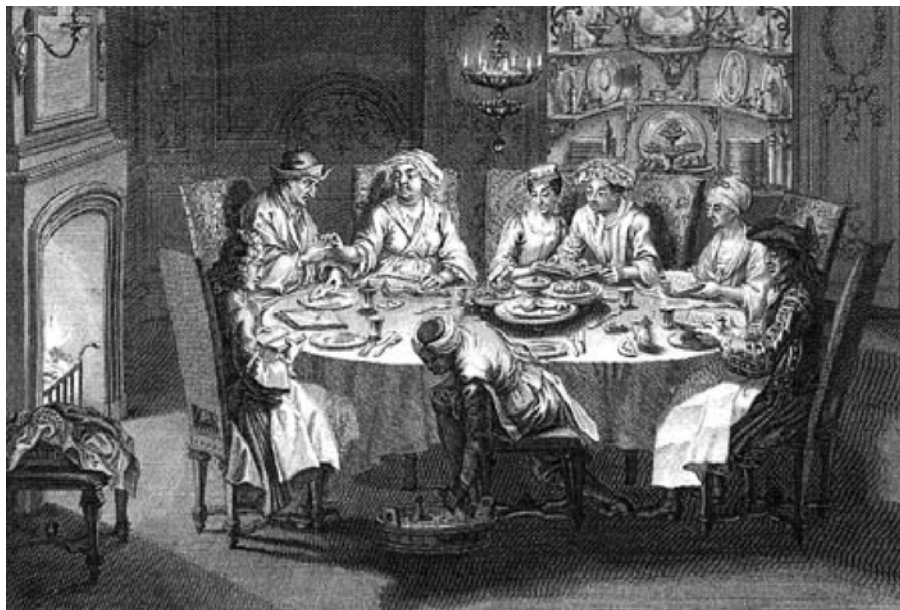

Подготовка к Песаху. Поиск хомеца. Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

XI

Болезнь моего внука была первым, но увы, не последним горем, обрушившимся на меня в Меце.

Со мной произошло то же, что с человеком, который убегал от Ангела Смерти и решил укрыться в Лусе, городе, где никто не умирает. (История этого города рассказана в Талмуде, Сота 46б. – Прим. ред.) Когда он подошел к воротам этого города, Ангел Смерти сказал ему: «Хорошо, что ты сам пришел к этим вратам, ибо мне не дано было власти над тобой нигде, кроме этого места».

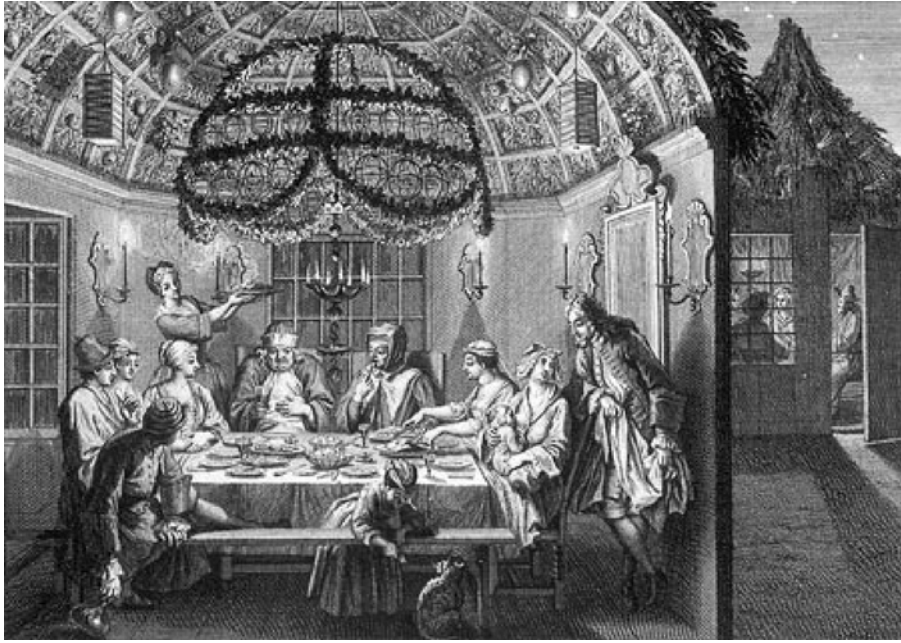
Пасхальная трапеза. Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

Так и я бежала из Гамбурга, бросив дом, детей, своих друзей, думая: «Уеду от них так далеко, что не увижу зла, которое может выпасть на их или на мою долю». Но Ты, праведный Б-же, показал и продолжаешь показывать мне, что я не могу никуда укрыться от Твоего гнева! «Куда пойду от Духа Твоего и от лица Твоего куда убегу?»

Вот я приехала туда, где у меня есть друзья, но нет покоя в моем сердце, я вижу печали и горести, обрушивающиеся на моих любимых детей и на меня самое. При всем том я признаю, что Б-г – справедливый Судья, ибо Он дал мне терпение, чтобы понять: мои несчастья – обычное дело для всего рода человеческого, и кара моя, как сказал врач в моей первой книжке, могла быть и более суровой.

Вскоре я получила печальное известие, что умер сын мой Лоеб – умер, не достигнув и 28 лет!

Сколько бы огорчений и горя ни доставил он мне, смерть его была тяжелым ударом, как для любого родителя смерть сына. В Танахе написано, что доброму царю Давиду много горя доставлял его сын Авешалом, но когда он пошел войной на Авешалома, то приказал своим людям пощадить его; когда же узнал о его смерти, он горько заплакал, семь раз восклицая: «О сын мой, Авешалом, сын мой!» А потом он освободил его из семи кругов Ада и привел в Райский Сад.

Праздничная трапеза в сукке. Гравюра Бернарда Пикара, XVIII век.

И я от всего сердца прошу моему сыну все, что он сделал в дни своей молодости. Увы, он допустил, чтобы его сбили с истинного пути, а до того он был лучшим человеком на свете, прекрасно учился, у него было настоящее еврейское сердце, жалостливое ко всем бедным и нуждающимся, так что слава о его добрых делах распространялась широко и далеко. К несчастью, он был беспечен в коммерческих делах, чем и воспользовались злые люди, лишившие его всего имущества. Но пусть почитет он в мире, и я молю Г-спода, чтобы он разделил награду, доставшуюся тем, кто ушел ранее его. Что должна и что могу я сделать? «Я пойду к нему, но он никогда не вернется ко мне».

Неудобно было Всемогущему Б-гу взять меня к себе прежде моего доброго и благочестивого мужа Хаима Гамельна, который мог бы жить да жить! Но праведников забирают, спасая от грядущего зла. Он умер в богатстве и от своих детей не видел ничего, кроме хорошего. Что мне еще добавить, я достаточно уже об этом говорила!

Поэтому я завершаю свою шестую книжку. «Да пощадит нас Г-сподь Всемогущий, нас и весь Израиль, и спасет от худшего зла, и простит нам, грешным, по Своему великому милосердию и благодати долги наши и приведет назад в Святую Землю, чтобы глаза наши видели восстановление Твоего святого дома и бывшей нашей славы! Прости нам грехи наши, как написано: “И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших”».

Êíáä ì íáé ááñðíé éíèæéè

ПО-ПРЕЖНЕМУ

Ніє Ааеіо

Весь этот день доктор Браун предавался размышлениям. Зима. Суббота. Самый конец декабря. Один в квартире, он проснулся поздно, до полудня лежал в постели, рассматривал и так и сяк мысль – чувство: вот оно тут, вот его нет. Вот – нет ничего важнее его, вот на его месте – пустота. Вот ты что-то собой представляешь, ты – сила, твоя жизнь нужна; вдруг ты – ничто. Рамка без картины, оправа без зеркала. Ну а если чувство, что твоя жизнь нужна, проистекает из напористой, бессознательной витальности, в равной мере присущей собаке или обезьяне? Разница лишь в том, что ум или дух властен объявить: Аз есмь. Из чего неизбежно следует: Меня нет. Доктора Брауна факт бытия радовал ничуть не больше, чем обратный факт. Для него, похоже, наступала пора равновесия. Мило, нечего сказать! Во всяком случае, он не лелеял план навести разумный порядок в мире и, хотя на то не было особых причин, встал. Помыл морщинистое, однако не старое лицо студеной водой из-под крана, – белая по ночам, поутру она приобретала более приятный оттенок. Чистил зубы. Распрямился, надраивал зубы так, будто на идола лоск наводил. Затем налил поместительную – теперь таких больше не делают – ванну, обтирался губкой, подставляясь под густую струю воды из античной формы крана, намыливал низ живота тем же куском мыла, которым позже будет мыть бороду. Из-под всхолмления живота где-то между пятками выглядывал конец, самая его верхушка. Пятки надо бы отскрести. Он вытерся вчерашней рубашкой – все экономия. Так и так ее отправлять в прачечную. При том на лице его изображалась горделивость – наследие предков, для которых омовение было обрядом. Делом нешуточным.

Нынче каждая цивилизованная особь культивировала нездоровую способность отчуждаться от себя. Обучалась у искусства искусству забавляться, наблюдая за собой со стороны. А раз наблюдать надо за чем-то забавным, значит, надо превращать умение вести себя в искусство. Вряд ли стоит жить ради таких ухищрений. Человечество

проходило беспокойную, тягостную, неприятную стадию эволюции сознания. Доктору Брауну (Самюэлю) она была не по душе. От того, на что употребляют мысль, искусство, веру в великие традиции, его охватывала тоска. Величие? Красота? Разодраны на клочья, на ленты для девчачьих нарядов или затрепаны, точно хвост воздушного змея на хэппенингах. Платона и Будду растащили мародеры. В гробницы фараонов вторгнулся из пустыни всякий сброд. И так далее, и тому подобное, думал доктор Браун, направляясь в свою опрятную кухню. Сине-белые голландские блюда, чашки – каждая на своем крючке, блюда – каждое в своем гнезде – радовали глаз.

Он откупорил непочатую банку кофе и, проткнув станиоль, сполна наслаждался ароматом. Миг – и аромат улетучился, но пропустить этот миг нельзя. Затем нарезал хлеб для тостов, достал масло, сжевал апельсин; залюбовался длинными сосульками, свисавшими с огромной красной круглой цистерны на крыше прачечной через улицу напротив, ясным небом, и тут обнаружил приближение некоего чувства. О докторе Брауне, случалось, говорили, что он никого не любит. Но это не так. Он никого не любил постоянно. А вот непостоянно, так он полагал, любил – не больше и не меньше других.

И любовь эту, пока пил кофе, он испытывал к двум родственникам, двоюродным брату и сестре, жившим на севере штата Нью-Йорк, в долине Мохок. Они оба уже умерли. Айзек Браун и его сестра Тина. Первой ушла Тина. Айзек умер спустя два года. Сейчас Брауну открылось, что они с Айзеком любили друг друга. Какой бы прок или смысл ни таил в себе этот факт в мудреной системе, слагающейся из освещения, перемещения, отношений и исчезновений. Чувства доктора Брауна к Тине были более смутными. В свое время более пылкими, но сейчас более отчужденными.

Жена Айзека уже после его смерти сказала Брауну:

– Он тобой гордился. Говорил: «О работах Сэмми писали в “Таймс”, во всех газетах. И хоть бы он когда сказал о том, как его уважают в научных кругах!»

– Да, да. Вообще-то, на самом деле, всю работу выполняют компьютеры.

– Но ты же должен знать, какие задания им давать.

Так или примерно так дело и обстояло. Но Браун разговора не поддержал. Первый он там или не первый в своей области, его не слишком интересовало. В Америке люди любят похвастаться. Мэтью Арнольд^[1] – сам не без греха – верно подметил это свойство американцев. Доктор Браун думал, что природная американская хвастливость усугубила слабость, и без того свойственную еврейским иммигрантам. Но и ответную склонность к самоумалению тоже не назовешь похвальной. Доктор Браун никак не хотел углубляться в этот вопрос. И все же мнение его двоюродного брата Айзека было ему важно.

В Скенектади имелись и еще двое Браунов, члены той же семьи, они были живы. И что же, испытывал ли доктор Браун, пока пил сегодня кофе, любовь и к ним? Они не вызывали у него подобных чувств. Выходит, он любил Айзека больше лишь потому, что тот умер? В этом что-то есть.

Впрочем, в детстве Айзек был к нему очень добр. Другие – те не слишком.

Браун извлекал из памяти соответствующие картины. Платан у реки Мохок. Тогда река еще не могла быть так загажена. Во всяком случае, она текла зеленая, мощная

и темная: неспешная, сдержанная сила, волнистая, зеленая с черным отливом, глянцеви́тая. Исполинский платан, точно запутанная история: на столько частей расщеплен его ствол, столько он выпустил толстых меловых развилин. Коричнево-белый, он раскинулся чуть ли не на целый акр. А на мертвой ветке, как можно дальше от листвы, расположилась серо-голубая скопа. Айзек и его младший братишка Браун проезжали мимо в фургоне, старая кляча с зачуханным хвостом, морда в шорах, плелась, упорно продвигаясь вперед. Браун, ему шел восьмой год, в серой рубашке с крупными костяными пуговицами, волосы обкорнаны по-летнему. Айзек – в рабочей одежде: в ту пору Брауны торговали подержанной утварью – мебелью, коврами, плитами, кроватями. Айзек пятнадцатью годами старше Брауна, лицо у него взрослое, деловитое. Он был рожден, чтобы стать мужем, в прямом ветхозаветном смысле слова, как скопа на платане рождена, чтобы ловить рыбу в воде. Айзек приехал в Америку еще ребенком. И тем не менее в нем жила еврейская гордость, неколебимая, мощная, принесенная с той, прежней родины. И на Новый Свет он смотрел глазами поколений давно прошедших времен. Шатры и стада, и жены, и слуги, и служанки. Айзек, по мнению Брауна, был хорош собой: смуглое лицо, черные глаза, копна волос, шрам, разрезавший щеку. Вследствие того, так рассказал он своему ученому брату, что на прежней родине мать поила его молоком от туберкулезной коровы. Пока его отец был на русско-японской войне. Далеко-далеко. Употребляя образное идишское выражение, на крышке ада. Можно подумать, ад – что-то вроде котла или кастрюли. До чего же эти евреи прежних времен презирали гойские войны, их тшету и упрямую Dummheit^[2]. Призывы, смотры, муштру, стрельбы, валяющиеся повсюду трупы. Захороненные, незахороненные. Войско на войско. Гог и Магог. Царь, этот слабохарактерный бородач, сума переметная и подкаблучник, постановил, чтобы дядю Брауна увезли аж на Сахалин. И так по непостижимому разумом повелению, точь-в-точь как в «Тысяче и одной ночи», дядя Браун – шинель, унизительно короткие ноги, бороденка, большущие глаза, – оставил жену и детей, чтобы кормиться червивой свининой. А когда войну проиграли, дядя Браун бежал через Маньчжурию. Приплыл в Ванкувер на шведском пароходе. Вкальывал на железной дороге. Он был не такой крепкий, каким запомнился Брауну в Скенектади. Грудь колесом. Руки длинные, но ватные ноги то и дело подкашивались, словно все его силы отнял побег с Сахалина и переход через Маньчжурию. И тем не менее, в долине Мохок он царил среди подержанных плит и вываренных матрасов – милый дядя Браун! Он носил бородку клинышком, как Георг V, как российский Николай. Как Ленин, если уж на то пошло. Глаза его, огромные, терпеливые едва умещались на исчахшем лице.

Перед мысленным взором Брауна, пока он в субботу днем пил кофе, проходило человечество. Начиная с тех евреев 1920-х годов.

Брауна в детстве защищала приязнь двоюродного брата Айзека – он особо его отличал: гладил по голове, возил с собой в фургоне, позже на грузовике за город. Когда матери Брауна пришло время рожать, тетя Роза послала за врачом конечно же Айзека. Он отыскал врача в салуне. Ненадежного пьянчугу Джонса, который лечил еврейских иммигрантов, пока еврейские иммигранты не вырастили собственных врачей. Джонс велел Айзеку завести «форд Т»^[3]. И они отправились в путь. Приехав, Джонс привязал руки мамы Браун к спинке кровати – такая тогда была метода.

Доктору Брауну в качестве студента-естественника довелось поработать в лабораториях и на псарнях, там он не раз принимал роды у кошек и собак. Человек – он это знал – приходит в мир, как и другие твари, в прозрачной оболочке или пузыре. Покоясь в оболочке с прозрачной жидкостью, лиловатой водичкой. Цвет этот мог озадачить любого философа. Что за тварь борется за право родиться в оболочке из чистой жидкости? Да любой щенок, покоящийся в мешке, в слепом ужасе перед выходом на свет,

любая мышь, рвущаяся из блестящей, с виду безвредной подсиненной прозрачности во внешний мир!

Доктор Браун появился на свет в деревянном домишке. Его обмыли, прикрыли антикомариной сеткой. Положили в изножье материнской кровати. Суровый Айзек нежно любил мать Брауна. Очень ее жалел. В перерывах, выпадавших в жизни еврейского гешефтмахера между сделками, он умиленно думал о тех, кто ему дорог.

Тетя Роза была восприимчивой доктору Брауну, держала его на руках при обрезании. Бородатый, подслеповатый старик Кригер, не отмыв руки от куриной крови, обрезал ему крайнюю плоть.

Тетя Роза представлялась Брауну старопрежней *dura mater* – суровой матерью. Крупной женщиной ее никак нельзя было назвать. У нее были большие груди, широкие бедра, уродливые – некогда такая форма очень ценилась, теперь таких и не увидишь – ляжки. Мешавшие ей ходить. Плюс к тому ноги, изуродованные из-за избыточного веса, – легко ли носить такую бабищу. В стоптанных башмаках чуть не до колен. Лицо багровое, волосы тяжелые, черные. Нос прямой, острый как нож. Чтобы отсекать милосердие точно нитку. По огоньку в ее глазах Браун догадывался, что она упивается своей суровостью. Суровостью расчетов, подходов, сделок, слов. Она строила свое царство на трудах дяди Брауна и упорстве покорных ей сыновей. У них имелась лавка, имелась и недвижимость. Имелась и уродливая красно-кирпичная синагога – похоже, такие вырастали на севере штата Нью-Йорк по воле злого духа, которого всеамериканское безобразие той поры уполномочило преисполнить душу человеческую безобразием именно такого смехотворного свойства. В Скенектади, в Тройе, Гловерсвилле, в Меканиксвилле и далее на запад – вплоть до Буффало. В синагоге стоял затхлый запашок бумаг. Дядя Браун был человек не только при деньгах, но и не без учености, и его уважали. Община однако отличалась склочностью. По каждому вопросу разгорались споры. Имело место соперничество, имели место скандалы; имело место и рукоприкладство, семьи прерывали отношения. Изгой, думал Браун, а вот поди ж ты – среди своих гордые, что твои князья.

Ничего не говоря, ничего не говорящими глазами обшаривая вдоль и поперек красную цистерну, обвитую перепутанными проводами в фестолах льда, от которых шел

белый пар, доктор Браун извлек из памяти сорокалетней давности воспоминание: Айзек тогда сказал, и вид у него при этом – с ним такое случилось – стал старозаветный, что Брауны – из колена Нафтали.

– Откуда мы это знаем?

– Люди... семьи... они знают.

Браун – даже в десять лет – не был склонен верить таким утверждениям. Но Айзек, подавляя его авторитетом старшего брата, без малого дяди, сказал:

– Смотри, запомни это хорошенько.

Вообще-то обычно он с Брауном дурачился. Смеялся несмотря на шрам, оттягивавший рот на сторону. Его черные, бархатистые глаза сверкали. От дыхания шел горьковатый аромат. Браун истолковывал это как свидетельство мужской горячности и горечи. В семье все сыновья смеялись похоже. По воскресеньям они располагались на открытой веранде, и дядя Браун читал вслух брачные объявления на идише: «Привлекательная вдова, 31, брюнетистая, имеет свою бакалею в Хадсоне, отлично готовит, ортодоксальная, культурная. Играет на пианино. Двое умненьких послушных деток, восьми и шести лет».

В их воскресных пересмешках принимали участие все, кроме Тины, толстухи-сестры. Она торчала в кухне, за сетчатой дверью. Внизу, во дворе, росли неприхотливые цветы – циннии, хоста, курятник завивали граммофончики.

А теперь Брауну представился загородный домик в Адирондакских горах. Ручей. До чего ж он был красивый! Мощные деревья. Полным-полно земляники, но надо было следить, чтобы не напороться на ядовитый сумах. В отводных каналах водились головастики. Браун спал на чердаке, там же спал и Мэтт, его двоюродный брат. Мэтт поутру выплясывал в куцей ночной рубашонке и пел непристойную песенку:

Нос козе засунул в ж...

И как запердит коза,

У меня от этой вони

Повылазили глаза.

Он скакал босой, конец болтался между ляжками. Мэтт ходил в салуны – подбирать пустые бутылки, вот откуда он ее принес. Частушка прямо из кочегарки. Родилась в Ливерпуле или на берегах Тайна. Искусство рабочего класса в век машин.

Старая мельница, пастбище все в кашке. Браун, ему семь лет, пытается сплести венок из клевера, делает дырочку в одном стебле, протыкает в нее другой. Венок предназначается толстухе Тине. Браун предполагает увенчать им разжиревшее, но не лишнее привлекательности лицо Тины, ее дымчато-черные жесткие космы. Потом на пастбище малыш Браун пнет гнилой пень, и тот перевернется. Осы погонятся за ним, искусают. Он кричит, надрывается. Все тело в красных шишках, они болят. Тетя Роза уложит его в постель, и громадина Тина поднимется на чердак – утешать его. Недовольное мясистое лицо, черные глаза, дышит на него, раздувая ноздри. Малыша

Брауна жгут укусы. Тина задирает платье, задирает нижнюю юбку, чтобы охладить его жар своим телом. Живот, ляжки – гора-горой – надвигаются на него. Какое упоение – Браун чувствует себя перед ней крохотным и хлипким. У его постели стоит стул, она садится на него. Под дощатой крышей одуряющая жара, она кладет на него ноги, расставляя их все шире и шире. Он видит черные как смоль волосы. Видит красную щель между ними. Она раздвигает складки пальцами. Раздвигая, она раздувает ноздри, глаза ее кажутся белыми. Знаком она показывает ему, чтобы он приложил свой детский орган к ее налитым жиром ляжкам. И он так и делает, изнывая от неуклюжести и наслаждения. Повсюду царит тишина. Тишина, какая бывает только летом. Запах ее женского естества. Мух и оводов взбудораживает то ли сладостная жара, то ли ароматы. Он слышит, как туча мух срывается с оконного стекла. С таким звуком отлепляется пластырь. Тина не целует, не обнимает его. Выражение лица у нее грозное. В нем читается вызов. Она увлекает – уносит за собой неведомо куда. И при всем том не сулит ничего.

Когда Браун оправился от укусов и снова стал играть во дворе, он однажды увидел, как Айзек идет по саду, нежно обнимаясь со своей невестой Кларой Стернберг. Браун увязался за ними, но Айзек отослал его. Когда же он не послушался, Айзек грубо развернул его к дому. Тогда Браун решил убить брата. Страстно хотел укокошить Айзека дубиной. Его и сейчас потрясало несравнимое упоение, бешенство ничем не замутненной кровожадности. Он бросился на Айзека, тот схватил его за загривок, пригнул голову, сунул под кран колонки. Затем постановил отправить малыша Брауна домой, в Олбани. Уж слишком он необузданный. Его надо проучить. Тина сказала ему с глазу на глаз: «Сэм, ты молодец. Я его тоже терпеть не могу». Взяла руку Брауна в свою пухлую, неловкую руку и пошла вместе с ним по пыльной адирондакской дороге. Ее обтянутый клетчатый ситцем стан. Плечи ее круглились, вздымались – точь-в-точь как земля вдоль проложенной в горах дороги. Ступни выворачивались наружу – из-за ужасающего веса и изуродованных ног.

Позже она села на диету. На какое-то время сбавила вес, приобрела более цивилизованный вид. Да и все цивилизовались. Малыш Браун превратился в примерного, пожирающего книги мальчугана. Прекрасно успевал в школе.

Все понятно? Вполне понятно взрослому Брауну, вот только своя судьба была ему не более понятна, чем чужие. Перед его бесстрастным взглядом выстраивались факты – возникали, перестраивались по-новому. На какое-то время оставались на месте, затем снова перемещались. Глядишь, к чему-то и придем.

Дядя Браун умер в раздоре с тетей Розой. Перед тем как испустить последний вздох, отвернулся лицом к стене – укором ее жестокосердию. Мужчины, его сыновья, все как один разрыдались. Женщины плакали иначе. Да и позже их чувства приняли другие формы. Они стали тягаться о наследстве – каждая хотела получить побольше. Тетя Роза презрела завещание дяди Брауна. Она собирала ренту в трущобах Олбани и Скенектади за недвижимость, оставленную сыновьям. Одевалась так, как нынче никто не одевался, навевалась к жильцам – неграм или еврейской шушере: портным, сапожникам. Для нее старые еврейские обозначения этих ремесел – шнайдер, шустер имели уничижительный оттенок. Ренту, принадлежавшую, в основном, Айзеку, она клала в банк на свое имя. Ездил на допотопных трамваях по фабричным трущобам. На траур ей тратиться не пришлось. Она и так всегда носила костюмы, всегда черные. И треугольную, как у городского глашатая, шляпу. Ходила с неприбранной черной косой, как у себя на кухне. У нее было неладно с мочевым пузырем, с венами, но она не сидела дома из-за недомоганий, ни докторов, ни лекарств не признавала. Причиной смерти дяди Брауна считала бромозельтцер, от которого, как она утверждала, у него расширилось сердце.

Айзек не женился на Кларе Стернберг. Хотя ее отец и был фабрикант, когда навели справки, оказалось, что начинал он закройщиком и мало того, так еще и женился на горничной. Таких родственников тетя Роза иметь не желала. Куда она только ни ездила, чтобы провести генеалогические изыскания. Она отвергала всех девушек – снисхождение ей было неведомо. «Лживая сука». «Ядовитая конфетка». «Дырка общего использования. Подзаборница. Шлюха, она и есть шлюха».

В конце концов, Айзек женился на покладистой, кроткой, кругленькой, примерной дочери еврея-фермера.

Тетя Роза сказала про него:

– Невежа. Из простых.

– Он честный человек, возделывает землю в поте лица, – сказал Айзек. – Читает псалмы даже за рулем. Держит их в фургоне под сиденьем.

– Не верю. Хамово отродье, вот он кто. Скототорговец. От него разит навозом.

А невесте сказала на идише:

– Будь добра, отмой хорошенько твоего отца перед синагогой. Возьми ведро воды погорячее, борное мыло, нашатырный спирт и скребницу. Грязь будет не так-то просто оттереть. И не забудь отскрести ему руки.

Закоснелое безумие ортодоксов. Их высокомерный, кружащий головы, сумасшедший дух.

Тина не представила своего молодого человека из Нью-Йорка на обозрение тети Розы. Впрочем, он не был ни молод, ни хорош собой, ни богат. Тетя Роза сказала, что он шестерка при бандитах, алкаш. Она поехала на Кони-Айленд, сделала смотр его семье: отцу – он торговал печеньем и каштанами с лотка, матери – она стряпала на банкетах. И самому жениху – уж до того толст, лыс, хмур, руки заскорузлые, говорила она, спина и грудь в шерсти – ну шкура и шкура. Скотина-скотиной, рассказывала она юному Сэмми Брауну. Браун тогда учился в Ренселерском политехническом^[4] и, наведав тетку, застал ее на кухне, где все – и большая черно-хромовая плита, и круглый стол на дубовой ножке, и клеенка в сине-белую клетку, и натюрморт, персики с вишнями, откопанный в лавке старьевщика – осталось по-старому. И тетя Роза без корсета, в пестром халате поверх плотных викторианских сорочек, лифов, панталон, выглядела куда более женственно. Шелковые чулки прихвачены под коленками, их верх, рассчитанный по ширине на ляжки, ниспадал, просвечивая, чуть не до шлепанцев.

Тина в ту пору была, если не хорошенькой, то привлекательной. В последних классах она похудела на сорок килограммов. А потом, не получив аттестат, уехала в Нью-Йорк. Ей ли думать о таких пустяках! – сказала Роза. А как, интересно, она без посторонней помощи попала на Кони-Айленд? Ненормальная потому что, вот как. Ее тянуло к чудякам. И там-то она и познакомилась с этой скотиной. Этим наемным убийцей, вторым Лепке из компании «Убийство по заказу северного Нью-Йорка»: старуха читала леденящие кровь статейки в газетенках на идише, ну и разукрашивала их собственными представлениями о злодействе.

Но, когда Тина привезла мужа в Скенектади и поставила его в отцовскую лавку торговать старьем, оказалось, что этот облом на удивление простодушен. Если ему когда-либо и было свойственно вероломство, он потерял его вместе с волосами. Безволосость его была тотальной, как чистка партийных рядов. Чувствительный, беспомощный – это сразу видно. Тина была ему защитой. Тут доктора Брауна потянуло на сексуальные мысли – о себе, о Тинином инфантильном женихе. И о хмурой, затаенно-страстной Тине, ее свирепых ласках в Адирондакских горах, какой она была внизу, как тяжело дышала на чердаке, как буйно и упрямо курчавились ее могучие аспидно-черные волосы.

Никому не было дано заставить Тину переменить свое мнение. И в этом, думал Браун, вся штука. Она поступала, как ей заблагорассудится, и так давно ни с кем ничем не делилась, что не потерпела бы, чтобы ею кто-то верховодил. Всякого, кто прислушивался к чужим мнениям, она считала слабаком. Когда тетя Роза умерла, Тина стащила с пальца покойной кольцо, которое Айзек подарил ей много лет назад. Историю кольца в подробностях Браун не помнил, помнил только, что Айзек ссудил деньги какому-то иммигранту, тот исчез, оставив кольцо; считалось, что оно грошовое, а оно оказалось очень ценным. Браун не помнил, рубиновым оно было или изумрудным и как оправлено. Но кроме него тетя Роза никаких украшений не носила. Предполагалось, что оно перейдет к жене Айзека, Сильвии, – той очень хотелось его иметь. Тина сняла его с покойницы и надела на палец.

– Тина, отдай кольцо. Отдай сюда, – сказал Айзек.

– Нет. Оно было ее. А теперь мое.

– Кольцо было не мамино. И ты это знаешь. Отдай его назад.

Над телом тети Розы Тина одолела его. Знала, что он не станет скандалить у смертного одра. Сильвия была вне себя. Попыталась было воспротивиться. То есть прошипела: «Что же ты?». Но куда там. Айзек знал, что кольца не вернуть. Помимо того, осталось еще много спорного имущества. Его рента на тетирозиных банковских счетах.

Миллионером из них из всех стал один Айзек. Другие попросту копили деньги на манер иммигрантов прежних времен. Айзек же не сидел и не ждал наследства. К тому времени, когда умерла тетя Роза, у Айзека уже имелось немалое состояние. Он построил безобразный многоквартирный дом в Олбани. Для него – большое достижение. Вставал он на заре, как и его рабочие. Громко молился, пока его жена в папильотках, хорошенькая, но припухшая со сна, сонная, но покорная готовила ему на кухне завтрак. Чем больше Айзек богател, тем сильнее укреплялся он в своей правоверности. И вскоре стал еврейским *pater familias*^[5] на прежний лад. С домашними он говорил на идише, пересыпанным сверх обычного старославянскими и ивритскими речениями. Говорил не «значительные лица, влиятельные граждане», а «Аншей а-ир», люди города. И он тоже всегда держал при себе псалмы. Один экземпляр хранил в бардачке своего «кадиллака». О чем его угрюмая сестра – с тех адирондакских пор она набрала приличный вес, раздалась вширь, ввысь – высказывалась кривясь. Говорила так: «Он читает Теилим вслух в своем кондиционированном “кадиллаке”, когда пережидает на переезде, пока пройдет грузовой состав. Вот жулик! Да он Г-споду Б-гу залезет в карман».

Все как один Брауны говорили на редкость образно – и это поневоле заставляло задуматься. И сам доктор Браун не был исключением. А чем это объясняется, Браун, хоть и специализировался уже четверть века на химических процессах наследственности, не знал. Как молекула белка может заключать в себе предрасположение к ловкачеству,

незаурядному коварству, разрушительной силе. Начало всему положил невидимый фермент. Способный запечатлеть талант или порок в миллиардах сердец. Чего ж тогда удивляться, что Айзек взывал к Г-споду, сидя в герметически закупоренном огромном черном автомобиле, пока грузовые составы с грохотом катились в неверном свете по этой некогда прекрасной, а ныне загаженной долине.

«Услышь меня, Б-же праведный!»

– Ну и как по-твоему? – сказала Тина. – Помнит он о братьях, когда наклеивается сделка? Принимает он единственную сестру в долю?

Впрочем, особой нужды в том не было. Двоюродный брат Мэтт, залечив полученную в битве при Иводзиме^[6] рану, снова принялся торговать электроприборами. Двоюродный брат Аарон стал дипломированным бухгалтером. Тинин муж, лысый Фенстер, специализировался на продаже подержанных хозяйственных товаров. Идею эту ему, разумеется, подала Тина. Никто не бедствовал. Но Тина рвала и метала с досады: Айзек не привлекал родственников к сделкам с недвижимостью, а они давали наибольшие налоговые скидки. Существенные отчисления на амортизацию, что она воспринимала как узаконено противозаконные барыши. Она держала деньги в банке и получала мизерные два с половиной процента, да еще с них брали налоги по полной мере. В биржу она не верила.

На самом деле Айзек пытался привлечь Браунов, когда строил торговый центр в Робстауне. В рискованный момент они от него отступились. В отчаянный момент, когда надо было нарушить закон. На семейной сходке все без исключения Брауны дали согласие внести по двадцать пять тысяч долларов – такую сумму надо было тайно передать Илкингтону. Старик Илкингтон возглавлял совет директоров Робстаунского загородного клуба. Клуб – его со всех сторон обступили заводы – решил перебраться подальше от города. Айзек узнал про это от старого служителя гольф-клуба – подвез того как-то утром, когда пал туман. Мэтт Браун в начале двадцатых подрабатывал в Робстаунском клубе – носил клюшки за Илкингтоном. Айзек тоже был знаком с Илкингтоном и поговорил с ним с глазу на глаз. Старый гой, ему перевалило за семьдесят, удаляясь на покой в Британскую Вест-Индию, сказал Айзеку: «Строго между нами. Сто тысяч долларов. И никаких хлопот с налоговым управлением». Он был долговязый, сухопарый, с крапчатой кожей. Окончил Корнельский университет в 1910-м или около того. Холодный, но прямодушный. И, по мнению Айзека, порядочный. Если построить на месте Робстаунской площадки для

гольфа торговый центр да еще хорошо спланировать его, каждый из Браунов мог бы огрести по полмиллиона. Город в период послевоенного бума стремительно разрастался. У Айзека в совете по зонированию имелся приятель – за пять штук он провел бы это дело так, что комар носа не подточит. Что же до подрядных работ, Айзек сказал, что берет их на себя. Тина поставила условием, чтобы у Браунов была отдельная корпорация: так прибыли от строительства уж точно будут распределяться поровну. Айзек на это пошел. Как глава семьи он взвалил это бремя на себя. Все организационные хлопоты легли бы на него одного. Только Аарон – дипломированный бухгалтер все же – мог бы помочь ему вести учет. Сходка в конторе Аарона длилась с полудня до трех. Все трудности были рассмотрены. Ни дать, ни взять четыре исполнителя – кому-кому, а им жестокая музыка денег была хорошо знакома, – изучают партитуру. В конце концов, они пришли к соглашению: играть они будут.

Однако когда час – 10 утра в пятницу – настал, Аарон пошел на попятный. Он на такое не согласен. Тина и Мэтт – те тоже отреклись от своих слов. Эту историю доктору Брауну рассказал Айзек. Как и было договорено, он пришел к Аарону в контору, в старом портфеле у него лежали 25 тысяч долларов. Аарон – ему уже стукнуло сорок – лохотный, ушлый, скрытный, имел привычку выводить в еженедельнике аккуратные ряды цифирек. Смуглые пальцы шустро переворачивали страницы последних налоговых бюллетеней. Разговаривая с секретаршей по внутреннему телефону, он понижал голос до шепота. Носил белые рельефной ткани рубашки, подписные галстуки шелковой парчи от «Графини Мары». Из всех из них Аарон больше всего походил на дядю Брауна. За вычетом бороды, котелка царственного изгиба, золотой искорки в карем глазу. Многие черты внешнего облика Аарона и дяди Брауна, думал доктор Браун с его научным складом ума, берут начало из одного генетического пула. С точки зрения химии, Аарон был младшим братом своего отца. Различия между ними, скорее всего, объяснялись наследственностью. А то и воздействием деловой Америки.

– Ну? – сказал Айзек. Он стоял в устланной коврами конторе. Величавый стол был безукоризненно чист.

– Почему ты знаешь, что Илкингтону можно доверять?

– Я думаю, можно.

– Ты думаешь. А что если он возьмет деньги и скажет, что в глаза тебя не видал?

– Не исключено. Но мы же это обсудили. Приходится идти на риск.

Тут Аарону – вполне вероятно по его указанию, – позвонила секретарша. Он пригнулся к трубке и поговорил осторожно и тихо, едва открывая рот.

– Так как, Аарон, – сказал Айзек, – ты хочешь, чтобы я гарантировал твои инвестиции? Так как? Ну же, говори.

Аарон уже давно смягчил свой пискливый голос и говорил грубовато на манер человека, неизменно уверенного в себе. Однако визгливые ноты, от которых он постарался избавиться четверть века назад, временами прорывались. Он стоял, оперев оба кулака на стекло стола, старался овладеть голосом.

Процедил сквозь зубы:

– Я не мог заснуть.

– Где деньги?

– Таких денег у меня нет.

– Нет?

– Ты же знаешь. У меня лицензия. Я дипломированный бухгалтер. И в моем положении...

– А Тина, Мэтт, они что?

– О них мне ничего не известно.

– Ты уговорил их отступить, так? Я встречаюсь с Илкингтоном в двенадцать. Минута в минуту. Почему ты не сказал мне заранее?

Аарон промолчал.

Айзек набрал Тинин номер, подождал. Она, конечно же, была дома, слушала – туша-тушей – стеклянно-холодные гудки телефона. Он минут пять не вешал трубку, сказал Айзек, ждал. Тратить время на звонок Мэтту он не стал. Мэтт поступит так, как велит Тина.

– У меня всего час на то, чтобы собрать деньги.

– При моей профессии, – сказал Аарон, – эти двадцать пять встанут мне в пятьдесят с гаком.

– Что бы тебе не сказать мне вчера. Знаешь же, что это для меня значит.

– И ты отдашь сто тысяч человеку, которого не знаешь? Без расписки? Вслепую? Не делай этого.

Но Айзек не отступился от своего решения. В нашем поколении, размышлял доктор Браун, выработался тип капиталиста-плейбоя. Он с легким сердцем делает сомнительные ставки: покупает сборную офисную технику для Бразилии, мотели в Восточной Африке, запасные части для стереосистем в Таиланде. Выложить сто тысяч для него – раз плюнуть. Он летит с красоткой на реактивном самолете посмотреть на месте, как там и что. Губернатор провинции сидит в «Тандерберде», ждет, чтобы умчать гостей по автомагистралям, прорытым посреди джунглей пеонами, на уикэнд, с серфингом и шампанским, где предприниматель, все еще моложавый в свои пятьдесят, заключает сделку. Айзек же, его двоюродный брат, ставил на карту деньги, скопленные грош за грошем, на старопрежний лад: продавал мальчишкой тряпки и бутылки; затем – добро, уцелевшее при пожаре, затем – старые машины; затем освоил строительное дело. Как рыть котлованы, класть фундаменты, мешать бетон, прокладывать канализационные трубы, отопление, электропровода, крыть крыши. Деньги доставались ему тяжело. А теперь он пошел в банк и взял в долг семьдесят пять тысяч под самый высокий процент. И без каких-либо гарантий отдал их Илкингтону в его же гостиной. Меблированной в старогойском вкусе и источавшей старогойский запах скучной, дурацкой, респектабельной обстановки. Которой Илкингтон явно гордился. Яблоневое, вишневое

дерево, консоли и горки, обивка, припахивающая засохшим клейстером, – отличительные знаки благородного сословия, не нюхавшего черты оседлости. Илкингтон не дотронулся до портфеля Айзека. Он, судя по всему, не имел намерения ни пересчитать деньги, ни даже посмотреть на них. Он предложил Айзеку мартини. Айзек, отнюдь не любитель выпить, пил неразбавленный джин. Посреди дня. Похоже, джин перегнали где-то в космосе. Он не имел цвета. Айзек прочно расположился на стуле, но чувствовал, что он потерял – потерял для своего народа, своей семьи, Б-га, потерял в пустыне Америки. Илкингтон осушил целый шейкер коктейля, по-джентльменски, с каменным лицом – длинная орясина, принадлежащая каким-то боком к роду человеческому, но знакомых Айзеку человеческих черт в нем было мало. На пороге он не сказал, что сдержит слово. Просто пожал Айзеку руку и проводил до машины. Айзек поехал домой, сидел у себя в бунгало. Два дня кряду. После чего в понедельник Илкингтон позвонил и сказал, что робстаунские директора согласились на его условия. Пауза. После чего Илкингтон добавил, что для джентльменов доверие и порядочность выше любых письменных обязательств.

Айзек вступил во владение загородным клубом и возвел на его месте торговый центр. Все заведения такого рода отличаются безобразием. Доктор Браун не смог бы объяснить, почему безобразие именно этого торгового центра казалось ему просто-таки убийственным. Вероятно потому, что перед его глазами стоял Робстаунский клуб. Допуск в клуб, разумеется, был строго ограничен. Евреи могли любоваться им с дороги. И вязы там росли редкой красоты – вековые, если не старше. Свет рассеянный. И туда сворачивали «кадиллаки» эпохи Кулиджа^[7] с задернутым занавесочками задним окном, букетиками искусственных цветов в вазочках. «Гудзоны», «оберны», «биэркэты». Всего-навсего машины. Ну по чему, спрашивается, тут тосковать?

И тем не менее Брауна ошеломило то, что сотворил здесь Айзек. Возможно, неосознанно утверждая свое торжество, упиваясь своей победой. Зеленая лужайка, предназначенная – что правда, то правда – для не слишком обременительных упражнений, для ударов клюшкой по мячу, закованная в асфальт, превратилась в автостоянку – на ней умещалось до пятисот машин. Супермаркет, пиццерия, китайская кухмистерская, прачечная самообслуживания, магазин готовой одежды фирмы «Роберт Холл», дешевых цен.

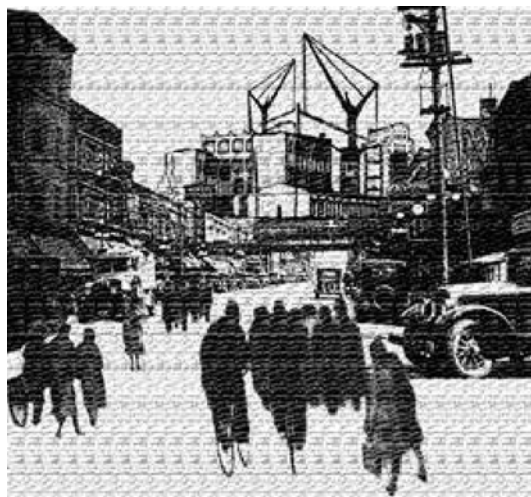
И пошло, и поехало. Айзек стал миллионером. Застроил долину Мохок кварталами однотипных домов. Тех, кто живет в построенных им домах, стал называть «мой люди». Землю использовал всю, дома строил чуть ли не впритык друг к другу, что правда, то правда, но строил с размахом. В шесть утра, как и его рабочие, был уже на ногах. Жизнь вел самую что ни на есть неприхотливую. «Смиренномудрено ходил пред Б-гом твоим», как повелел раввин. К этому времени раввин аж с Мэдисон-авеню. Убогая синагога была снесена с лица земли. Ушла в прошлое, как те голландские художники, которым пришлось бы по вкусу и ее сумрак, и косматые старики-разносчики. Нынче ее заменил храм, смахивавший на павильон всемирной выставки. Айзек стал президентом общины, обойдя отца знаменитого гангстера, который когда-то убирал людей по приказу банды, орудовавшей на северо-востоке штата. Светский раввин с хорошо модулированным голосом в модных костюмах – от христианского священника его отличали разве что хитрые еврейские ужимки, дающие понять старозаветной части общины, что для молодежи приходится ломать комедию. Америка. Поразительное время. Если ты хотел, чтобы субботние свечи зажигали с молитвой молодые женщины, раввину приходилось положить не меньше, а то и больше двадцати тысяч долларов, не считая дома и «ягуара».

Брат Айзек тем временем все больше укреплялся в своей приверженности к прежним обычаям. Ездил в машине десятилетней давности. Но слабаком не был. Уверенный в себе, с темными почти не поредевшими волосами. Тамошние женщины говорили, что он излучает положительную мужскую энергию, которой стало недоставать мужчинам. Айзек не был ею обделен. Она сквозила в том, как он брал вилку за столом, как наливал воду из бутылки. Оно и понятно, он получил от мира то, что просил. А значит, он просил то, что нужно, и там, где нужно. А значит, что в метафизическом смысле он понимал жизнь верно. Или что перед Писанием, Талмудом и ортодоксальностью польских ашкеназим ничто не устоит.

Но только этим всего не объяснишь, думал доктор Браун. Набожность набожностью, но в Айзеке было и еще кое-что. Доктор Браун вспомнил, как, отпуская шутку, брат скалил белые зубы в сползавшей – из-за шрама – набок улыбке.

– Мне случалось брать верх не на одном передке, – говорил Айзек, подразумевая постельные победы. По большей части он излагал события без экивоков, на американский манер. В Скенектади ему был известен чуть не каждый черный ход – ходы эти вели к постелям, к хватким объятьям, к раздвинутым ляжкам работниц. Свой «форд Т» он оставлял внизу. А до него лошадь – он ее не распрягал. Айзек получал удовольствие, рассказывая о своих мужских подвигах. Вспоминая Двойру, совсем еще соплюшку, – стоит на коленях, голову в подушки уткнула, задницу задрала – из белой расщелины торчат курчавые волосы, пищит: «Нейн»^[81]. Но на самом деле, это она так, для порядку.

Мэтт, тот таких баек не рассказывал. Раненный в голову при Иводзиме, он, отлежав в госпитале, вернулся к торговле радио- и телевизионной аппаратурой, а также электромеханическим оборудованием фирм «Зенит», «Моторола» и «Вестингауз». Женился на приличной девушке и жил тихо-мирно, а его родной город тем временем рос и преображался с ошеломляющей быстротой. На месте парка, где тренировалась низшая лига^[9] и где до войны в Мэтте угадал потенциального игрока высшей лиги охотник за талантами, высился компьютерный центр. В особо важных делах Мэтт обращался за советами к Тине. Она говорила ему, что делать. Да и Айзек не оставлял его своими заботами: возводя новые кварталы, при малейшей возможности покупал приборы у Мэтта. Однако Мэтт в затруднительных случаях шел за советом к Тине. К примеру, его жена и свояченица играли на бегах. При первой же возможности укатывали в Сараготу, на рысистые испытания. Вроде бы ничего особо плохого тут нет. Две сестрички – яркая помада, прелестные платья. Беспреданно смеются, скаля красивые крупные зубы. Опускают верх машины.

Тина относилась к их эскападам снисходительно. Почему бы им не ездить на скачки? Ее злоба была направлена целиком и полностью на Айзека, этого миллионщика.

– Ну он и распутник! – говорила она.

– Да нет, уже давным-давно нет, – говорил Мэтт.

– Мэтт, ты это брось. Я знаю, кого он дерет. Послеживаю за ортодоксами. Да, да. А теперь губернатор еще сделал его членом комиссии. Что это за комиссия?

– По загрязнению.

– По загрязнению воды, вот чего. Он ведь дружок Рокфеллера^[10].

– Зачем ты так, Тина? Он же наш брат.

– Тебе-то он сочувствует.

– Это точно.

– Он миллионы лопатой загребает, ты надрываешься в жалкой лавчонке, а ему хоть бы хны? У него камень вместо сердца.

– Это не так.

– Что? Да он, если и пустит слезу, так разве что от ветра, – говорила Тина.

Она питала особую слабость к гиперболам. И не только она. Это им от матери передалось.

В остальном Тина являла собой вполне заурядную, угрюмую, тучную тетку со строгой стрижкой, гладко зализанной – результат нещадной борьбы – назад. Она была воплощением деспотизма. Деспотизм ее распространялся не только на других, но и на себя. Она управляла своей огромной особой на манер диктатора. В белом платье, с кольцом, сташенным с покойницы-матери. Произведя переворот в спальне.

В своем поколении, доктор Браун потратил этот день на теплые воспоминания – безысходная улада – о покойных родственниках, в своем поколении Тина тоже казалась старомодной, хоть и вворачивала то и дело новомодные словечки. Люди вроде нее, и отнюдь не только женщины, всячески старались расположить к себе. Тина же неуклонно употребляла усилия к тому, чтобы никому не понравиться, никого к себе не расположить. Ни в коей мере. Никогда не старалась быть приятной. Целью ее, судя по всему, было величие. На чем основанное? Никак не на величии ума. Не на чем ином, как на собственной натуре. На простейшем замысле, разросшемся до невероятных размеров. Примерно так же, как разрослись тела Тины к тому времени, когда Браун увидел ее в платье белого шелка несколько лет назад. Какой-то подподотдел в Тинином мозгу за дверцей которого вечно строил козни ее мятежный дух, повелел этой необъятной туше женского рода, чтобы она явила себя миру вся как есть: с поросшими темным волосом руками, с большими дырами ноздрей на белом лице, с выпученными черными глазами. Во взгляде ее читалась обида; порой он бывал ядовитым, порой умным – Тинины глаза могли выразить много чего: даже доброту, унаследованную от дяди Брауна. Благодушие старика.

Те, кто пытается понять род человеческий, читая в глазах, увидят много диковинного – озадачивающего.

Ссора между Тиной и Айзеком растянулась на долгие годы. Она обвинила его, что он отделался от семьи, когда представился такой случай, какой бывает раз в жизни. Он отказался взять их в долю. Айзек говорил, что они бросили его одного в решающую минуту. Братья, в конце концов, помирились. Тина, та нет. Она не желала иметь ничего общего с Айзеком. В первую пору вражды она прилагала усилия, чтобы до его сведения досконально доводили, что она о нем думает. Братья, тетки, старые друзья переносили все, что она о нем говорит. Пройдоха. Мама давала ему деньги взаймы; он никогда их не возвращал; вот почему она собирает квартплату. Мало того, Айзек – партнер, пусть он прямо в его делах и не участвует, Зайкаса, грека, рэкетира из Тройи. Тина говорила, что Зайкас прикрыл Айзека: тот был замешан в скандале, связанном со строительством больницы штата. Зайкас принял удар на себя, но Айзеку пришлось положить пятьдесят тысяч долларов в сейф Зайкаса в банке. Стайвесант-банке. Айзек на эти наветы не отвечал, и постепенно они прекратились.

Но когда они прекратились, тут-то Айзек и прочувствовал, как злится на него сестра. Прочувствовал как глава семьи, как старший из оставшихся в живых Браунов. Через два-три года после разрыва с сестрой Айзек стал напоминать себе, что дядя Браун очень любил Тину. Единственную дочь. Младшенькую. Нашу малышку-сестру. Мысли о прошлом трогали его за душу. Заполучив, что хотел, сказала Тина Мэтту, Айзек теперь может себе позволить переиначивать прошлое на сентиментальный лад. Айзек часто вспоминал, как в 1920-м – тете Розе тогда приспичило пить парное молоко – Брауны завели корову, корова паслась у реки. Красота там была неопишная. И до чего ж приятно было заводить «форд Т» и ехать по зорьке доить корову у зеленой глади реки. По дороге они распевали во все горло. Тине тогда миновал десятый год, весила она килограммов сто, не меньше, но рот у нее был красивого очерка, совсем женского, – возможно, бремя жира ускорило созревание. Почему-то в детстве она казалась более женственной, чем позже. При том, что лет в девять-десять она, садясь в качалку, придавила, сама того не заметив, котенка, и он задохся. Тетя Роза обнаружила его трупик, когда дочь встала.

– Колода ты этакая, – сказала она дочери. – Скотина.

Но даже и этот случай Айзек вспоминал с умиленной грустью. И поскольку Айзек не состоял ни в каких обществах, никогда не играл в карты, не любил вечерних

попоек, не ездил ни в Европу, ни в Израиль, времени для размышлений у него было вдоволь. Почтенные вязы, росшие вокруг его дома, печалились о прошлом заодно с ним. Белки, и те вели себя, как подобает ортодоксам. Копали и копили. Миссис Браун не пользовалась косметикой. Разве что выходя на люди подкрашивала губы. Никаких тебе норковых шуб. Приличная ондатра, крашенная под тюленя, это да. С большой обтянутой мехом пуговицей на животе. Чтобы жена была, как он любил, тепленькой. Светлая, без румянца кожа, кругленькая, выражение лица неизменно наивное, волосы коротко стриженные, незатейливо причесанные. Темно-русые, с золотистыми завитками. Один серый глаз, сдается, глядит хитро или чуть ли не хитро. Должно быть, исключительно помимо ее воли. Во всяком случае, ни следа явного осуждения или непокорства не обнаруживалось. Айзек был повелитель. Ей надлежало стряпать, печь, стирать, вести дом так, чтобы соответствовать его требованиям. Если ему не нравилось, как пахнет от уборщицы, ей отказывали от места. Дом жил обильной, неприхотливой, старомодной, благопристойной жизнью на восточноевропейский лад, который Гитлер и Сталин в 1939-м уничтожили целиком и полностью. Эта парочка позаботилась об искоренении прежних уложений, порадела о том, чтобы кое-какие современные концепции вошли в жизнь общества. Вероятно, сестрица Сильвия могла бы кое-что покритиковать с исторических позиций, но она не давала себе воли, и двусмысленное выражение, еле заметное в одном ее глазу, свидетельствовало об этом. Женщина как-никак, она имела отнюдь не смутное представление о современных преобразованиях. Ее муж был мультимиллионером. Почему бы им не жить той жизнью, которую можно купить на его миллионы? Где особняки, слуги, туалеты, машины? На ферме она управлялась с разными механизмами. Жена Айзека не смела и думать о том, чтобы сесть за руль их «кадиллака». Покладистая, милая женушка, она хлопотала на кухне, пекла бисквитное печенье и рубила печенку точь-в-точь так же, как хлопотала до нее мать Айзека. Или должна была бы хлопотать. Вот только что лицо Сильвии не полыхало, насупленные брови не сходились на переносице, нос не выражал неодобрение, и на спину не спускалась дубинка тугой косы. Вот только что она не бранилась, как тетя Роза.

11 I yòuþ Àdĩ íeüü àí ãëéñëé ííyò è èdèòèé.

12 Áëõí ïñòü (í àí .)

13 Í áðáíé á ì èdà ááõ ááíé ì áññ áíé áàò ïí íáëüü Ðàçðááí ò áí á 1908-1910 áá

14 Èí òèòòò á òðéá ïñ íááí á 1824 ááá

15 Í òòí ïñ áéñòáá (èàò.).

16 Èdõí íáý ïí áðáòéý áí òðáéáí í ùò ñéé ÑÇÁ ì òðòéá Òíííéé (òááðáëü-ì ádò 1945 á). Í íáéáí áí éáá 5 ò ùñý ÷ ãéíáé.

17 Òí áñòü áðáí áí è ì òðéááí òñò áá Èáëüáéí á Èòééáçéá - 1923-1929 áá

18 Çááññé Í á íááí (éáèø).

19 Èéáá áòí òñò áí áí í ùò ááéñáí éüü ùò èéóáí á

110 Áæíí Áýáéñíí Ðíéòáééáð (1839-1937) - í áòòýí íé ì áá àò, ïñ íáááòéé, ì ïí èí ì ì òí-áá, òí í á Ðíéòáééáð, òéí áí ñéððóçéé òýá èññéááí ááòáéüñéé ì òí áðáí í, á òí ï ÷ èñéá è á íáéáñòè ýéíéíáé.

ИТА

Béïá Óáïòáð

ДРУГАЯ ПРОЗА

В ночь на Швуэс, когда религиозные евреи спят не в своих постелях, а над святыми книгами, в дальнем углу хабадской синагоги Бней-Брака сидели двое. За окном стояла глухая середина ночи, часы на стене показывали половину третьего. Холодный свет неоновых ламп подчеркивал морщины, утяжелял мешки под глазами. Даже теплое дерево тяжелых скамеек казалось мертвым, напоминая кожу утонувшего гиппопотама.

Большой зал был наполнен гулом голосов, многие, чтоб не уснуть, произносили нараспев изучаемый текст, другие просто беседовали, отгоняя сон хрусткими ломтиками печенья. Двое в углу – худой сутулый старик в наглухо застегнутом кафтане и мужчина лет сорока с явно проступающим сквозь пиджак животом молчали, покачиваясь в такт чтению.

– Реб Буним, – внезапно сказал толстяк, решительным жестом отодвигая книгу.
– Не знаю почему, но сегодня так муторно, так беспокойно на душе. И праздник вроде, и дети здоровы, и дела, слава Б-гу, идут, чтоб не хуже, а не по себе, не по сердцу.

– Бывает, бывает, – отозвался его визави, поглаживая длинную, чистого серебра бороду. – Иногда приходит злое начало, испытывает, тербит человека. А ты не поддавайся. Оно свое, а ты свое. Давай лучше кофе выпьем.

Толстяк согласно кивнул и, с трудом разгибая заснувшее от долгого сидения тело, поднялся со скамейки. Через несколько минут на столе дымились две кружки крепчайшего кофе, их разделяла тарелочка белого пластика, доверху засыпанная коричневыми «тейгелак» вперемежку с темно-розовыми косточками миндаля. Реб Буним осторожно разломил пополам сахарное тело печенья и принялся за кофе. Он пил короткими медленными глотками, в промежутках поклевывая печенье. Толстяк прикончил свою порцию в три глотка и, словно выполняя повинность, озабоченно захрустел миндалем. Несмотря на мощный кондиционер по его лицу катились капельки пота. Покончив с миндалем, он потряс бородой, отряхивая крошки, тяжело откинулся на спинку скамьи и принялся говорить.

– Оглядитесь, любезный мой реб Буним, осмотрите столы, чем по-вашему заняты хасиды? Вы скажете – учатся, а я скажу, как бы не так. Разговоры они разговаривают, кто о политике, кто о семье. Хотя, и в этом я почти уверен, большинство рассказывает о чудесах Ребе.

– Почему бы и нет, – отозвался реб Буним. – Большой человек был, многим людям помог, есть о чем говорить.

– Есть, есть, – сдержанно улыбаясь, подтвердил толстяк. – Вот и у меня была в жизни совершенно удивительная история. Я ее еще никому не рассказывал, если хотите, можете стать первым.

– Конечно, хочу, – немедленно подтвердил реб Буним, отодвигая Талмуд.

– Никогда я не был так счастлив, как в первый год после армии. Закончив ешиву, я сразу призвался, даже не пытаюсь, подобно многим из моих однокашников, искать отсрочку или освобождение, под всякого рода благовидными предложениями. Служба оказалась легкой, меня определили в военный раввинат и посадили писать мезузы. Обучаться профессии писца я начал еще в ешиве, собственно, поэтому меня и взяли в раввинат. А уж там успехов я достиг, прямо скажем, необыкновенных. Рука у меня не скользила, а летала по пергаменту, причем, заметьте, без единой ошибки. Норму, определенную обыкновенному писцу на неделю, я с легкостью выполнял за два дня, а оставшееся время проводил над книгами. Читал я запоем и все подряд. При раввинате была весьма приличная библиотека, и я просиживал в ней целыми днями. Ах, скажу я вам, реб Буним, что за сладкие минуты пережил я в израильской армии! К примеру, хочется почитать Талмуд, открываешь наугад любой том и с середины листа – вопрос, возражение, комментарий...

Он выпрямился и неожиданно высоким голосом запел, раскачиваясь, как на молитве:

– Яма-мама-мама-мама-ма – сказал рабби Акива, сказал рабби Элизер: путь праведников – вначале страдание, затем покой, – оё-ёё-ёё-ёё-ёй – путь грешников – вначале покой, затем страдание.

Словно пытаясь вырваться на свободу, голос ударился об оконное стекло, отлетел к колонне, обвился вокруг нее и, незамеченный, растворился в общем шуме.

– А то Мишну раскроешь, – продолжил толстяк уже нормальным голосом, с размаху валясь на спинку скамьи, – или «Зогар» листанешь, короче говоря, пир горой. Иногда, впрочем, случались помехи, то на стрельбище тащили, стрелять из автомата, то базу какую-нибудь охранять. Хотя стрелять я любил и оказался в этом деле довольно удачлив, особенно из М-16. Так что ценили меня, уважали и даже предложили остаться на сверхсрочную. Я бы и подписал, но родители отговорили: хорошую девочку из приличной семьи не отдадут за человека в форме.

Что я тогда понимал? Как сказали, так и сделал. Вернулся из армии и занялся, чему научили, – стал писцом. Скорость, набранная за годы в раввинате, очень пригодилась. Работал я вполсилы, но и это приносило вполне приличный доход. Время потекло спокойно и счастливо, почти как в армии. Разница состояла лишь в том, что теперь я прочно стоял на ногах, почерк у меня был красивый, и от покупателей не было отбою. Но я не жадничал, работал только до обеда, а потом отправлялся в ешиву и сидел в ней до конца третьей смены, власть листая любимые книги. Домой возвращался за полночь и валялся в постель, едва успевая снять одежду. Ах, как я тогда спал, храп стоял от Бней-Брака до Иерусалима!

Через полгода счастливая жизнь кончилась, родители принялись меня женить. Девушки одна лучше другой, из хороших хасидских семей, красавицы, умницы. Любая из них могла составить счастье куда более привередливому человеку. Я ведь был женихом первого разряда, мне и предлагали самое лучшее.

Но не пошло у меня с красавицами-умницами, просто до обидного не пошло. Словно какой прибор в груди скрывался, стоило только посмотреть на девушку, как сразу понимал – не то. Чего именно мне хотелось, вряд ли бы смог объяснить. Знал только, это – не то.

Так просто от девушек из хороших семей отделяться не полагалось. Полагалось встретиться минимум три раза и не сразу, а с перерывом, поболтать о пустяках, погоде, вкусах и планах и только потом, спустя несколько дней якобы раздумий, передать – не подходит. Мне хватало тридцати секунд, чтобы разобраться, но эту резину приходилось тянуть по нескольку недель. Через шесть или семь неудачных знакомств я стал просить фотографию, чтобы сэкономить для девушек напрасные надежды и бесцельное прихорашивание. Но про фотографию шадхоним* и слушать не хотели. Со своей стороны они, наверное, были правы. Но и я, со своей, стоял на своем.

Через полгода родители опустили руки.

– Не пришло, видать, его время, – решил отец. – Пусть еще поучится, пока ветер из головы выдует.

Толстяк закинул голову и запел, слегка раскачиваясь:

– Ая-я-я-я-ай – путь грешнико-о-ов!

– Все это время к нам в дом ходила подруга моей младшей сестры Ита, милое пятнадцатилетнее создание с двумя длинными косами, которые сегодня увидишь только у девушек из очень ортодоксальных семей. Высокая, но не чересчур, румянец во всю щеку, глаза, даже не знаю, какого цвета, голову она всегда чуть наклоняла, из скромности. Ходила легко, словно летала, и говорила чуть слышно, так, что приходилось переспрашивать. А, впрочем, и разговоров особых мы не вели. «Саралэ дома?» – «Дома» –

«Спасибо. Можно пройти?» – «Пожалуйста» – И все в таком духе. Признаюсь, после ее прихода я ощущал смутное волнение, беспокойство какое-то, но значения тому не придавал. Так вот бывает, ходит человек вокруг своего счастья, почти носом тычется, а не видит, не понимает, как...

Он запнулся, подыскивая нужный образ.

– Как Агарь вокруг колодца, – подсказал реб Буним.

– Да, да, именно так. Ходит неприкаянный, пока не откроет ему глаза Всевышний. Если откроет...

Итак, родители оставили меня в покое, я мог наслаждаться учебой и свободой. Увы, положение, в котором я оказался, начало тяготить меня самого. Почти все мои сверстники к этому времени были женаты, а многие успели обзавестись двумя, а то и тремя детьми. Моя холостая жизнь вызвала недоумение, смешанное с беспокойством. Каждый считал своим долгом предложить мне собственную сестру или, на худой конец, сестру жены. Выдержать такой напор – совсем непростое дело, даже при наличии объективных причин. У меня же, кроме смутного образа, ничего не было, и поэтому, когда шадхан предложил очередной вариант, я согласился, почти не раздумывая.

Честно говоря, отказаться от такой девушки мог только сумасшедший. Как потом выяснилось, моя мама несколько месяцев подбиралась к ее родителям, осторожно, через друзей и родственников подготавливая почву для знакомства. Семья, в которую мне предстояло войти, считалась в нашей среде одной из наиболее уважаемых. Отец девушки учился в хедере вместе с предыдущим Ребе, дядя был секретарем нынешнего. Да и сама невеста, помимо родovitости и связей, слыла настоящей красавицей. Посмотрел я на нее, поговорил пятнадцать минут и решился.

«Что еще нужно для счастья, – повторял я себе, возвращаясь с помолвки. – Все при ней – ум, красота, скромность, знатное происхождение и прекрасное приданое – квартира в Бней-Браке».

И все-таки какое-то сомнение тлело в глубине души. Я послал телеграмму Ребе в Нью-Йорк. Через день пришло благословение. Ровно через три месяца мы стояли под хупой.

Зажили мы, что называется, душа в душу. Тихо, спокойно, без лишних слов и скандалов. И только спустя полгода я вдруг сообразил, что именно этих-то лишних слов мне и не хватает. Жена моя почти все время молчала, мои попытки разговорить ее заканчивались доброй улыбкой и одобрительным покачиванием головы. Другой на моем месте был бы счастлив, другой – но не я!

«Пусть бы ругалась, пилила, требовала чего-нибудь, – повторял я после очередного вечера, наполненного звуками только моего голоса. – Я сойду с ума от ее доброй улыбки и всепонимающих глаз»!

Увы, увы... Вскоре я понял, что общего языка с женой отыскать не удастся. Положение могли спасти только дети, но они, как назло, не спешили появляться. Через год после свадьбы мама начала беспокоиться по-настоящему. Через два мы начали посещать врачей.

Наш случай оказался одним из наиболее сложных – анализы у жены и у меня были в полном порядке. Даже профессор Мацлиах, всеизраильское светило и главный специалист, сокрушенно развел руками.

– С медицинской точки зрения у вас все замечательно. Просите Б-га – вот единственное, что я могу посоветовать.

Следующие полгода мы катались по святым местам и могилам праведников. Нет кладбища в Израиле, которого мы бы не посетили. Надо сказать, что праведников хоронили в невозможно красивых местах, поэтому поездки, помимо прямой цели, приносили нам большое удовольствие.

Но и они не помогли. Тогда я купил билет и полетел к Ребе.

– А почему не сразу? – воскликнул реб Буним. – Сразу надо было лететь, через год после свадьбы.

Толстяк покосился на него.

– Через год, говорите. Я бы полетел, да жена не хотела. – «Незачем тревожить Ребе, – отвечала она на мои предложения. – Самим нужно молиться. У Ребе и без нас хватает забот».

Честно говоря, мне такая позиция казалась странной. Для чего существует Ребе, как не для такого рода проблем? Но поскольку дело касалось не только меня одного, то вы понимаете...

Полетел я на «Эр-Франс» с пересадкой в Париже. Между рейсами надо было провести в аэропорту около пяти часов, и я уже заранее сокрушался, не зная куда себя деть. Но аэропорт оказался огромным, пестрым скопищем всякого народа, вкусно пахнул кофе из буфета, кондиционированный воздух приятно охлаждал лицо. В ожидании пересадки пассажиры слонялись по залу, рассматривали витрины киосков, покупали ненужную дребедень, глазели друг на друга. Поддавшись общей атмосфере, я побродил

полчаса, рассматривая окружающих. Зрелище, надо сказать, не из самых аппетитных... Женщины были одеты, а если точнее, раздеты под стать погоде, выставляя напоказ рыхлые, веснушчатые, подгорелые на солнце телеса. Реальные, живые женщины сильно отличаются от фотомоделей, и для большинства гораздо выгоднее скрывать, а не предьявлять недостатки фигуры и кожи. Но, видимо, мир считает по-другому, поэтому толстушки щеголяли в узких, глубоко врезавшихся в тело шортах, а те, кто постройнее, выпячивали лошадиные ключицы. Ноги покрывала сеточка фиолетово-багровых прожилок, набухшие вены рук взывали о сострадании.

«Мир сошел с ума, – думал я, прогуливаясь по залу. – Мир сошел с ума».

– Не мир, а ты, – неодобрительно покачал головой реб Буним. – На пути к Ребе рассматривать полуголых шикс. Хорош хасид, нечего сказать!

– Ая-яя-яяай, путь грешникоов, – отозвался толстяк. – Судите меня, уважаемый, порицайте, стыдите, любое из ваших действий окажется верным. Да что ж делать, так оно было, и коль скоро взялись вы слушать эту историю, слушайте до конца. А обвинения, поверьте, я их себе давно предьявил, по списку, от алеф до тов.

Ну, так вот, бродил я, бродил и вдруг... и вдруг посреди этого безобразия мой взгляд наткнулся на нормальную женскую спину. Лица, как вы понимаете, я не видел, незнакомка неспешно прогуливалась, нет, плыла, парила в десяти шагах передо мной. На фоне выпавших бретелек, изрядно поношенных маек, обнажавших плохо отмытые пупки, джинсов, протертых в самых неприличных местах, одета она была в нечто невообразимо прекрасное. Юбка изумрудного цвета одновременно и подчеркивала стройность стана и скрывала его очертания, салатная блузка с широкими рукавами свободно струилась по нежнейшей талии. Густые, с матовым отливом волосы были коротко подстрижены, обнажая перламутровую шейку. Ах, что я говорю!

Толстяк сорвал очки и, обхватив ладонями лоб, потер его с такой силой, словно хотел извлечь огонь. Закрыв лицо руками, он принялся раскачиваться, бормоча то ли слова молитвы, то ли просто всхлипывая. Через минуту он решительным жестом водрузил очки на место, посмотрел на реб Бунима сузившимися глазами и продолжил.

– Как видно, было в моем взгляде нечто магнетическое, незнакомка вдруг резко повернулась и взглянула прямо на меня. От изумления я остолбенел. Это была она. Тот образ, который я так безуспешно искал, предстал передо мною во плоти, живой и еще более прекрасный, чем в моих мечтах. Но еще более удивительным, невозможным и обидным до потери чувств оказалось то, что мы давно знакомы. Да, да, да – это была Ита.

А дальше, дальше я повел себя как последний дурак. Поначалу мямлил какие-то глупости про сестру, погоду, здоровье, потом мы долго бродили по залу, не в силах произнести ни одного слова. Наконец я пригласил ее в кафе. Мы выбрали дальний столик и заказали минеральную воду.

– Воду, – реб Буним презрительно фыркнул. – Какая уже разница! Женатый мужчина, с посторонней женщиной в кафе! Мир сошел с ума!

– Мы выпили воду, – продолжал толстяк, пропустив мимо ушей восклицание реб Бунима, – я спросил, куда и зачем она летит, оказалось, в Австралию, к тетушке, на встречу с целым списком женихов. И вот в этот самый момент я вдруг понял, что люблю

Иту, люблю давно и навсегда, и что в жизни моей уже не будет ничего похожего и ничего лучшего, чем эта любовь.

Реб Буним крикнул и замотал головой, словно отмахиваясь от надоедливой мухи.

– Прошло еще несколько вопросов, ненужных и пустых, как и весь разговор, затеянный от невозможности сказать главное. Внезапно где-то высоко над нашими головами громовой голос объявил посадку на австралийский рейс. Ита заторопилась, привстала и вдруг снова присела за стол.

– А знаете ли вы, – сказала она, глядя мне прямо в глаза, – что я люблю вас уже пять лет и, наверное, буду любить вечно. Только ни слова, – она легко поднялась и неуловимым движением выскользнула из-за столика, – мы никогда больше не встретимся, очень скоро я выйду замуж и похороню это глубоко-глубоко, вот здесь.

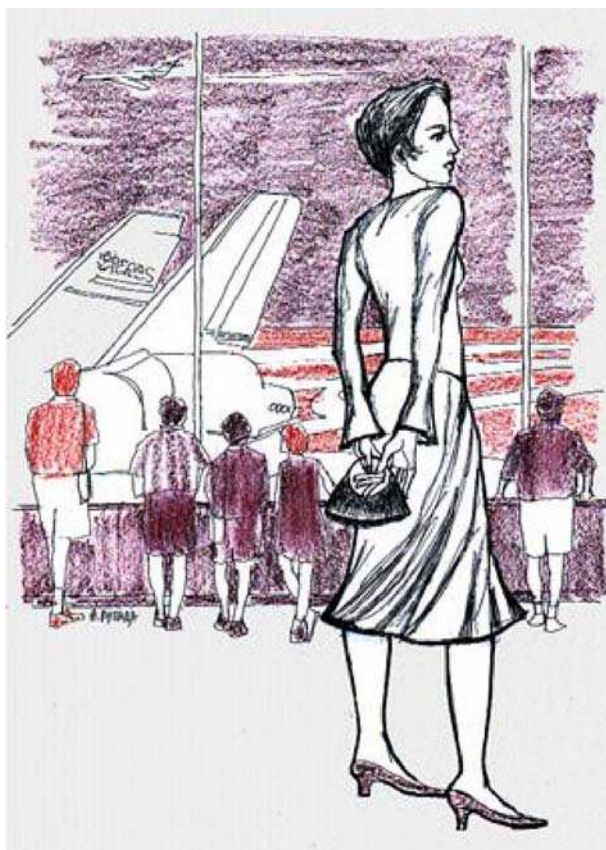
Она положила руку на грудь и вдавила, словно хотела прямо у меня на глазах спрятать боль и отчаяние в глубине своего сердца.

– Не думай обо мне и никогда не вспоминай, а я, я буду молиться о твоём счастье.

Несколько минут я просидел не в силах сдвинуться с места, а когда ноги вновь согласились повиноваться, Ита исчезла. Я обежал терминалы, где шла регистрация на австралийский рейс, но тщетно. Тут объявили Нью-Йорк, и я, вместо того чтобы перевернуть вверх дном этот проклятый аэропорт, побрел на посадку.

Весь десятичасовой перелет я просидел у окна, разглядывая облака. Их очертания вовсе не напоминали спящих гигантов или волшебные замки, но это был единственный способ не видеть, не слышать и не вступать в разговоры. Сцена за столиком крутилась у меня перед глазами, как пуримская трещотка. Честно признаюсь, решение так и не пришло мне в голову.

Попасть на личную аудиенцию к Ребе я не смог, да, честно говоря, и не пытался. Стоять перед ним, смотреть в глаза и рассказывать такое... Нет, невозможно, невысказано! Я передал ему два письма, первое о жене, второе об Ите. На следующий день секретарь вручил мне два конверта, каждый из которых содержал листочек тонюсенькой, почти папиросной бумаги. Я проносил их в кармане сюртука до глубокой ночи, не решаясь раскрыть, и только после вечерней молитвы, оставшись один в громадном зале синагоги, собрался с духом.

На одном листике стремительным почерком Ребе было написано: «Оставь и забудь», второй содержал благословение на счастливую семейную жизнь.

Решать, как видите, было нечего. Я собрался и через двадцать часов показывал жене письмо Ребе. О втором конверте, как вы понимаете, разговор не шел.

Так все и сбылось. У меня шестеро детей, хорошая работа, счастливая жена. Дети растут, слава Б-гу, уже есть с кем перекинуться словом... Иногда, раз в несколько лет, я как бы случайно спрашиваю сестру об Ите. Она, действительно, тем же летом вышла замуж, живет в Мельбурне, детей, правда, нет. И все вроде хорошо и спокойно, и уютно, но иногда мне кажется, что я перепутал.

– Что перепутал? – переспросил реб Буним.

– Перепутал, кого Ребе имел в виду. Это я решил сам.

Толстяк сгорбился, лицо пошло красными пятнами, лоснившийся нос заблестел еще больше. Вдруг загрохотали разом отодвигаемые скамейки, ночь подходила к концу и хасиды заторопились в микву.

– Так в чем же чудо, – пытаясь перекрыть шум, высоким голосом прокричал реб Буним, – где чудо Ребе?

– Чудо, – толстяк вдруг сменил тон и заговорил с какой-то ухарской веселостью. – Чудо состоит в том, что я остался его хасидом.

Резко поднявшись, он с легкостью, необычной для такого грузного тела, выскользнул из-за стола и, взбежав по ступенькам, прильнул к занавеске, скрывающей

шкаф со свитками Торы. Реб Буним тоже поднялся, тяжело ступая, подошел к окну и широко распахнул обе створки.

– Яма-ямама-я-я-а, – запел толстяк, – Г-сподь Милосердный простит зло и не погубит, как не раз отвращал гнев Свой...

Он раскачивался, окруженный желтым электрическим сиянием. Его дыхание, рассекаемое на доли словами молитвы, исчезало в тяжелых складках вишневого бархата. За окнами холодно и голо начинался новый день. Рассвет подступил к синагоге, опустившись внезапно, как удар. Голос, произносящий молитву, выливался из ее освещенных окон и, поднимаясь вверх, таял в глубине розовеющего неба.

ИЗ НАШЕЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

В город, где я проживаю, журнал «Лехаим» не поступает, не очень регулярно пересылают мне его мои родственники с Урала, но когда получаю, читаю, что называется, от корочки до корочки. Все мне в нем нравится, но мало материала о жизни еврейских общин. Может быть, мое письмо окажется ложкой дегтя в бочке меда, но я пишу его не потому, что хочу что-то хулить, а потому, что пережила разочарование.

У нас есть еврейская община – ЕНКА (еврейская национально-культурная автономия). Проводится большая и интересная работа: читаются лекции, проводятся беседы по еврейской истории, культуре, традициях. В организацию входят в основном еврейская интеллигенция и молодежь, но на большие праздники, такие как Пейсах, Пурим, Ханука, Рош а-Шона, приглашаются все желающие, и проходят они по всем правилам. Но такое бывает несколько раз в году. А настоящей общинной еврейской жизни у нас нет. Нет синагоги, нет общинного центра, куда можно зайти пообщаться, решить какой-то вопрос.

Я в душе завидовала уральцам, у которых, судя по письмам моих родственников, все это есть. И вот под опекой внучки я поехала на Урал. Одна сестра живет в Свердловске, брат и золовка – в небольших городах области (умышленно не называю этих городов). В обоих городах я побывала на Субботах.

Я доживаю восьмой десяток и помню, чем была Суббота для нас в годы моего детства. Мы жили на Украине. Пожилые люди, возможно, помнят, что в 20 – 30-х годах на Украине был голод. Мы жили не просто бедно, а голодно. Но Суббота у нас была праздником. Всю неделю, если доставали что-нибудь получше, откладывали на этот день. Конечно, и в этот день мы тоже не наедались досыта, и на столе почти всегда было то же, что в будни, но стол был накрыт белой накрахмаленной скатертью, ставили самую красивую посуду. Если не удавалось достать свечи, ставили на перевернутый стакан плошечку с чем-то горючим и фитильком. И был праздник – Суббота! А сейчас... В казенной конторе сдвинули столы, в одном месте ничем их не накрыли, в другом – накрыли обоями, одноразовая посуда, из которой есть неприятно, трапеза для нынешних времен скудная (заказали пирог в столовой), правда, произнесли благословение на хлеб и вино.

Суббота – уютный домашний праздник, а то, что я увидела, скорее походило на скромный благотворительный обед. Считается, что Суббота сохраняла евреев. Но надолго ли удержит их такая Суббота?

Ń óáàæáí èáí ,

Áíðà (Ááíéðà) Áóóì áí

Уважаемая редакция!

Я ваш постоянный читатель. Многие статьи в «Лехаиме» меня интересуют, поскольку расширяют представления о еврействе. Хотя как человек светский не могу согласиться с пропагандой религии. Сейчас хочу поделиться впечатлениями от статьи А. Синельникова «Какова доля правды в сказке о еврейской солидарности» (№ 112).

Тема эта очень актуальна, она затрагивает обывательский миф о единстве евреев. Автор, безусловно, прав в своем анализе нашей истории. Он сообщает факты о разобщенности евреев в средние века, их вражде и соперничестве. Это честная и смелая публикация. Долгое время никто из пишущих на темы иудаики не решался так открыто признать, что в нашем народе существует взаимная неприязнь в большей степени, чем солидарность и поддержка нуждающихся. Это до сих пор ощущается, к сожалению. Одна из причин Катастрофы состоит в том, что евреи очень мало помогали друг другу. Когда нацисты захватывали одну страну за другой и все больше евреев попадало в концлагеря, Америка и Англия закрыли въезд для беженцев-евреев и таким образом содействовали геноциду. В этих странах действовали еврейские организации, но они почти не помогали спасать своих собратьев из Европы, не требовали, чтобы власти принимали их. И во время военных операций не предпринимались попытки спасти узников гетто. Если в редких случаях их освобождали союзные войска, то случайно, поскольку лагеря оказывались в зоне их действий.

То же и в Советском Союзе. Евреи, бывшие в руководстве армии и государства, ничего не делали, чтобы спасти мучеников на оккупированной территории. Они смирились с антисемитизмом Сталина и не требовали от него проведения специальных операций по спасению евреев, попавших в руки нацистов. В 1941 году эвакуировали заводы с техникой из западных районов в глубь страны, но для вывоза евреев транспорт не подавали, хотя им грозила смертельная опасность. Бежали кто как мог в одиночку, а очень многие не смогли выбраться из ада. Где были в это страшное время влиятельные евреи типа Кагановича и Мехлиса, Михоэлса и Маркиша? Конечно, выполняли задания партийного руководства, а спасать своих же родных, угодивших в гетто, не собирались.

И до войны, в годы разгула репрессий НКВД арестованные евреи не чувствовали никакой помощи тех, кто избежал расправы, кроме самых близких родных. Разве Михоэлс, Зускин, Бергельсон, Лозовский, Ярославский и другие известные евреи боролись за освобождение репрессированных? Нет и еще раз нет. Затем некоторые из них сами попали под удар сталинской машины террора и тоже остались без помощи евреев. Когда в 1946 году в СССР стали закрывать еврейские библиотеки и газеты, а потом театры, так называемая еврейская общественность молчала, не было открытого протеста. Все это является продолжением той же политики запрета поселений, о которой так интересно рассказал А. Синельников в своей статье. Евреи во все века поступали по принципу «своя рубашка ближе к телу». И никакая религия этому не препятствовала. Сколько ни говорили раввины о едином еврейском народе с его взаимной ответственностью перед Б-гом, это не давало положительного результата. Сами же раввины выступали против хасидского движения, видя в нем опасную конкуренцию в XVIII – XIX веках. Между раввинами и хасидскими цадиками существовала неприязнь. И сейчас есть раскол между разными течениями в иудаизме. Ортодоксы и караимы, хабадники и реформаторы не признают друг друга евреями, обвиняют в нарушениях заповедей, стремятся отвлечь евреев от синагог-конкурентов. В общем, в еврейской среде постоянно происходят конфликты и существует напряженность (и в России, и за рубежом). Впрочем, это относится не к одним евреям.

Но вот что особенно интересно. А. Синельников написал свою статью, чтобы убедить евреев следовать заповедям Торы. Он пишет: «Само существование евреев как

стороне будничные заботы, чтобы сосредоточиться на возвышенном, и, между прочим, приглашают к праздничному столу бедных. Иудаизм не порождает антисемитизм. Антисемиты не делают различия между верующими и неверующими, для них даже выкресты остаются евреями. Надеюсь, что, прочитав еще одну часть книги, которая приводится ниже, г-н Цоглин и близкие к нему по взглядам люди лучше поймут и принципы иудаизма, и причины, по которым они, к сожалению, не всегда соблюдаются в жизни, и то, что это положение не безвыходно.

Àëàèñàí àð Ñèí àëíü èèíá

КАК РАЗРЕШИТЬ ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ПРИНЦИПАМИ ВЕРЫ И ПОВЕДЕНИЕМ ВЕРУЮЩИХ?

Í àëíü ñàèòüí ñòè ààüí

Èèòüíí íñòóí'èàí

èèöàí àñá

Эгоистические мотивы, которыми руководствовались еврейские общины, вводя у себя запрет на прием «чужих» евреев, шли вразрез с известным изречением из второй книги Торы Шмойс (в христианской Библии – Исход): «И пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо пришельцами вы были в стране египетской» (Шмойс 22:20), и с учением мудрого Гилеля, который говорил: «Люби ближнего как самого себя», «Не делай своему ближнему того, что ненавистно тебе самому», «Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только за себя, то зачем [нужен] я?» Этот запрет несовместим и с принципом «Кол Исроэл аревим зэ ла-зэ» (все евреи ответственны друг за друга). Данная фраза знакома и светским евреям, потому что написана на коробках с продуктовыми наборами – гуманитарной помощью от «Джойнта» – нынешним проявлением солидарности со стороны религиозных евреев.

В эпоху, когда действовал этот закон, евреи, как правило, не принимали христианство, хотя это избавляло от высоких налогов, которые платили только евреи, позволяло заниматься выгодными профессиями, запретными для евреев, спасало от изгнания и связанного с ним разорения. В большинстве случаев средневековые евреи не крестились даже под страхом смерти. Но религиозные мотивы превалировали над бытовыми лишь тогда, когда речь шла об отношениях евреев с окружающим населением. Внутри же самого еврейского общества материальные соображения, как это видно из истории закона о запрете поселения, нередко оказывались важнее религиозных. Чем же объясняется этот парадокс?

Чтобы ответить на данный вопрос, надо обозначить проблему шире. Почему вообще среди верующих любой конфессии так много людей, которые постятся, молятся, аккуратно посещают церковь, синагогу или мечеть, соблюдают обряды и правила, регулирующие отношения между Всевышним и человеком, но при этом крайне аморально поступают по отношению к другим людям? Ведь и в христианстве, и в иудаизме, и в исламе есть законы об отношениях не только между Б-гом и людьми, но и между человеком и человеком. Так, из Десяти Заповедей только первые четыре относятся к связи: «человек – Всевышний». Остальные шесть заповедей – о почитании родителей, запрете убийства, воровства, прелюбодеяния, лжесвидетельства и зависти к чужому богатству – относятся к связи «человек-человек».

На основе этих принципов разработаны нормы отношений между людьми. Их нарушение во всех мировых религиях считается столь же тяжким грехом, как и несоблюдение обязательств перед

Б-гом. Почему же многие верующие боятся разгневать Б-га невыполнением тех или иных обрядов, но не боятся обидеть людей, не понимают, что это тоже вызовет гнев Б-жий? Грех против людей – это и грех против Б-га, потому что ханжество тех, кто постится и молится, а ближних обижает, отвращает многих от веры в Б-га вообще.

Вероятно, эти ханжи думают, что если человек был сотворен по образу и подобию Всевышнего, то между логикой поведения Б-га и людей нет принципиального различия. В комментарии великого раввина Раши (1040 – 1105) к тексту Торы о сотворении первого человека, разъясняется, что выражение «кидмусейну» (буквально «как подобие Наше») следует понимать как относительное подобие. Иначе, если бы человек был точным подобием Всевышнего, в Торе было бы написано «бидмусейну» (то есть «в Нашем подобии»). Это значит, что сходство между Б-гом и человеком нельзя преувеличивать.

Не только иудаизм, но также и ислам, и даже многие христианские протестантские церкви запрещают изображать Всевышнего. Этот запрет направлен против буквального понимания сходства между

Б-гом и человеком. Великий средневековый еврейский мыслитель Рамбам (1135 – 1204), которого христиане называли Маймонидом, сформулировал 13 основных принципов иудейского вероучения под общим названием «Ани маамин» («Я верую»). Согласно одному из этих принципов Творец бестелесен, и Его не определяют свойства телесные, и Ему вообще нет никакого подобия.

Но если запретить изображать Б-га в виде человека, то люди все равно будут мысленно представлять себе Его по своему образу и подобию. Нельзя ставить знак равенства между идолопоклонством и иконопочитанием. Последнее основано на желании увидеть того Б-га, о котором думают верующие. Не все люди могут поверить в то, что нельзя увидеть своими глазами. Традиция иконописи возникла у греков и римлян, принявших христианство, именно потому, что у этих народов еще в дохристианскую эпоху было очень развито реалистическое изобразительное искусство. У евреев оно не было в таком почете, зато наш народ колоссальное значение придавал и придает музыке – а этот вид искусства обращен к людям с преобладанием абстрактного мышления. Евреи никогда не стремились обратить весь мир в свою веру и всегда признавали, что каждый народ может идти к единому для всех Б-гу тем путем, который соответствует его национальному менталитету.

Большинство еврейских религиозных авторитетов рассматривает мусульман и христиан, в том числе католиков, православных и представителей прочих конфессий, признающих иконы, как «сынов Ноя», то есть как нееврейских монотеистов, которые вместо 613 заповедей, обязательных для евреев, должны соблюдать лишь семь заповедей, чтобы быть угодными Б-гу. Между тем, что Всевышний сотворил человека по своему образу и подобию, как об этом сказано в Торе, и тем, что очень многие люди представляют себе Его по образу и подобию человеческому, нельзя поставить знак равенства. Те, кто уподобляют Б-га человеку, подсознательно приписывают Ему людские слабости, поскольку нет людей без греха.

Конечно, это заблуждение, но для большинства людей оно неизбежно. Люди не понимают другой логики поведения, кроме человеческой. Проблема состоит не столько в том, что люди уподобляют Б-га человеку вообще, сколько в том, каких людей они считают наиболее близким подобием Всевышнего. Во многих священных книгах иудаизма и христианства, в текстах псалмов, в молитвах, которые каждый верующий читает изо дня в день, Всевышнего называют Царем небесным, Царем Вселенной (на иврите «мелех а-олам»), Властелином мира («адон-олам»). Обращения к Нему в молитвах «Г-сподь» или «Г-споди» ассоциируются с понятиями власти и господства. Тем самым верующие мысленно, хотя и не всегда осознанно, уподобляют Царя небесного земным царям, королям, императорам и другим коронованным особам. Но государи – это, как правило, далеко не самые праведные из людей.

Человек, конечно, понимает разницу между Всевышним, который вечно правит всем миром, и земными владыками, которые смертны и владеют только отдельными странами. Но он уподобляет земных царей Царю Вселенной не по степени могущества, а по логике поведения в отношении подданных. А эта логика одна и та же как у могущественных государей, правивших огромными империями, так и у монархов самых крошечных государств.

Логика же эту он представляет себе так: «Я – раб Б-жий, я же и раб царя. Если я посмею оскорбить государя, он сотрет меня в порошок. Но если я нанесу оскорбление другому рабу, то царь, скорее всего, вообще посмотрит на это дело сквозь пальцы, поскольку я всегда служу ему, государю, верой и правдой». Подобные рассуждения основаны на том, что не только в средневековых абсолютных монархиях, но даже и в современных демократических странах преступления против главы государства и чиновников, с помощью которых этот глава осуществляет свою власть (например, полицейских), всегда расследовались несравненно тщательнее и наказывались намного строже, чем такие же преступления против частных лиц. В советское время даже мелкие хищения государственных средств влекли за собой суровые кары, а за хищения в особо крупных размерах полагалась высшая мера. В то же время даже за убийство простого человека (если это не милиционер или другой представитель власти) обычно давали не больше 10 лет. За кражу целых состояний у частных лиц давали меньшие сроки, чем за мелкие кражи у государства. Отчасти это сохранилось до сих пор.

Многие правители разных стран в любые времена прощали (и сейчас прощают) своим приближенным их «мелкие» прегрешения по отношению к нижестоящим, полагая, что эти провинности перевешиваются личной преданностью и лестью по отношению к особе правителя. К сожалению, миллионы людей уподобляют Б-га таким правителям и полагают, что Его можно задобрить обрядами, молитвами, пожертвованиями на культовые нужды и что в благодарность за все это Он простит их неблагоприятные поступки по отношению к людям.

Такое лицемерие сурово осуждалось Пророками, однако оно не изжито и в наше время. Вряд ли это свойственно большинству верующих. Но данное поведение бросается в глаза, ибо оно присуще многим из людей, занимающих высокое положение. Они сделали карьеру именно потому, что льстили и пресмыкались перед вышестоящими и топтали ногами нижестоящих. Те люди, которые боятся прогневить Б-га и не боятся обидеть других людей, как правило, бесцеремонно обращаются только с теми, кто находится ниже их по социальному статусу и заискивают перед теми, кто стоит выше. А «чужие» евреи, просившие принять их в общину, выступали по отношению к местным как нижестоящие.

В большинстве молитв и благословений Всевышнего называют Царем – «Мелех». Однако употребляется и более возвышенный эпитет. В добавление к ежедневной утренней «Амида» евреи читают «Ани маамин», то есть провозглашают символ веры иудаизма. В этом тексте Всевышний называется «борэ» – Творец, или Создатель. У христиан это понятие может ассоциироваться с художником или скульптором, но даже и они вряд ли могут представлять себе Б-га по образу и подобию живописца или ваятеля, хотя бы и самого гениального. Иудаизм же запрещает изображать людей и животных. Кроме того, изобразительное искусство никогда не было у верующих евреев в таком почете, как у христиан, и слово «борэ» не вызывает в иудейской среде ассоциаций не только с художниками, но и вообще с человеком. Творец – это нечто большее, чем царь. Он создал всех царей, как и весь мир вообще. Мир – это не только совокупность одушевленных и неодушевленных предметов, это и законы, также данные Творцом и управляющие природой и обществом.

Законы, написанные людьми, меняются со временем и могут лишь более или менее соответствовать вечным Б-жественным законам. Законы же, исходящие от Творца, это не только Десять заповедей, перечисленных в письменной Торе, 613 заповедей для иудеев и семь заповедей для праведных неевреев, но и некоторые иные положения, содержащиеся в священных книгах иудаизма. По форме изложения они не всегда имеют правовой характер, но, по сути, это законы самой жизни и не только человеческой.

Когда Ноах (Ной), повинувшись воле Творца, берет на свой ковчег представителей всех видов животных, чтобы они вновь населили землю после потопа, в этом ясно виден закон, предписывающий людям заботиться о сохранении всех живых существ. Люди часто нарушали этот закон. Но в итоге всегда выяснялось, что даже если эти звери или птицы казались людям вредными или бесполезными, они были неотъемлемыми элементами Б-жественного мироздания, и их уничтожение нарушало природное равновесие и причиняло немалый ущерб самому человечеству.

Это касается отношений человека с природой. Казалось бы, когда речь идет о правилах отношений между людьми, люди вправе менять эти правила. Но на самом деле наиболее важные из них также установлены Б-гом и записаны в Торе и других священных книгах. Люди не могут отменить эти законы, даже если считают их несправедливыми. В пятой книге Торы, которая у евреев называется «Дворим», а у христиан «Второзаконие» говорится: «Ибо не переведутся нищие на земле; поэтому Я заповедаю тебе, говоря: раскрывай руку свою брату твоему, беднякам твоим и нищим твоим в стране твоей» (Дворим, 15:11). С одной стороны, тут речь идет о законодательной норме, обязывающей более обеспеченных людей материально помогать менее обеспеченным, с другой стороны, констатируется факт, что даже при соблюдении этого закона о помощи бедным, о котором речь идет и выше (Дворим, 15:7-10), всегда кто-то будет нищим. Таков закон жизни и быть иначе не может.

Богатство, бедность и нищета – понятия относительные. В любом обществе есть люди более обеспеченные и менее обеспеченные, а самые необеспеченные считаются нищими. Так, в богатых западных странах бедняками, имеющими право на помощь общества, считают безработных, имеющих квартиры и машины, потому что их жилье неблагоустроено, а автомобили – старых марок, и они не могут покупать товары, доступные всем прочим. В современной России такие «нищие» были бы состоятельными людьми. Но им от этого не легче – ведь они живут в обществе, которое, исходя из своих стандартов, считает их нищими.

Многим людям расслоение общества на бедных и богатых всегда казалось и сейчас кажется несправедливым. Однако борьба за социальную справедливость и всеобщее равенство ведет лишь к тому, что различие между толпой и теми, кто на голову выше ее (причем не только по достатку), устраняется с помощью гильотины или ГУЛАГа. Но даже и такой ценой не удается осуществить утопию. Всегда появляется новый господствующий класс: капиталисты – вместо дворян, партноменклатура – вместо капиталистов, «новые русские» – вместо старой партноменклатуры. В итоге, после всех кровопусканий, общество вновь делится на богачей и бедняков. Тем самым подтверждается, что люди не в состоянии отменить закон Торы, согласно которому нищие всегда были, есть и будут. По мнению автора известной теории перенаселения, протестантского богослова Мальтуса (1766 – 1834), который хорошо знал Тору, высшие классы должны существовать для того, чтобы низшие надеялись на повышение, а низшие – для того, чтобы высшие боялись понижения. В обществе, где все равны, никто не будет прилагать усилий, чтобы повыситься или хотя бы сохранить свой социальный статус. Такое общество неизбежно загнивает, а это противоречит Б-жественному предназначению человечества. В революциях участвуют атеисты, не признающие законов Б-га. И Б-г наказывает их руками им же подобных. После 17 года всегда приходит 37-й, и революция пожирает своих детей.

Когда люди нарушают законы, установленные Творцом, они сами себе причиняют зло. Было бы примитивным считать, что Б-г карает нарушителей лишь громом и молнией. Законы, идущие от Творца, – это механизмы, регулирующие процессы, которые происходят в природе и обществе. Если кто-то пытается вставить палки в колеса этих механизмов, они переломают ему не только эти палки, но и руки. К сожалению, при этом может пострадать и тот, кто непосредственно нарушений не совершает, а просто находится поблизости.

Закон о запрете поселения был введен людьми. Он не упоминается ни в письменной Торе, ни в Талмуде, ни в Алохе. Он противоречил и принципу взаимной ответственности, и многим другим еврейским законам, установленным Б-гом. Приняв этот закон, евреи получили сиюминутные выгоды, но по большому счету себе же создали огромные проблемы. Никто из евреев не был застрахован от того, что ему придется покинуть родные места и искать пристанища на чужбине. Те же люди, которые на основании закона о запрете поселения причиняли зло своим менее удачливым единоверцам, впоследствии сами так же страдали от этого закона. И не Б-г карал их небесными карами, а они наказывали себя своими же руками.

Если еврейский закон обязывает всех евреев проявлять взаимную ответственность, это значит, что к нашему народу Всевышний предъявляет более высокие требования, чем к другим. История закона о запрете поселения показывает, что поведение евреев не всегда соответствовало этим требованиям, что во многих случаях они поступали друг с другом как члены христианского цеха, изгонявшие из города своих конкурентов, то есть как далеко не лучшие люди среди самих христиан. Еврейские общины ввели запрет поселения по примеру цеховых уставов и порядков, царивших в тех христианских магистратах, где власть принадлежала представителям цехов, которые запирали ворота своих городов не только перед евреями, но и перед «чужими» христианами, опасаясь конкуренции с их стороны.

Разумеется, в эпоху запрета поселения многие евреи, вынужденные покинуть свои города и местечки, громко возмущались тем, что общины, в которые они пытались вступить, отказали им в приеме или согласились принять лишь временно на тяжелых и унижительных условиях. Но когда эти люди возвращались в свои родные общины или

находили какие-то другие общины, готовые их принять на более выгодных условиях, или основывали новые общины, они точно так же вели себя по отношению к любому «пришломu» еврею, как те, которые в свое время указали им на дверь. Здесь действовал принцип «дедовщины» – мы в свое время пострадали, а теперь пришла ваша очередь помучиться.

Людей же, которые выступали против этого закона по принципиальным соображениям, как в свое время это сделали великий раввин Яков Там и его ученики в XII веке, когда еврейские общины Франции запретили прием «чужих» евреев, было очень мало, и они не могли повлиять на настроение еврейского общества. Оно и сейчас в любой стране, в любом городе не очень любит пришлых евреев, в которых видит источник дополнительных неудобств.

Конечно, евреи ввели закон о запрете поселения вовсе не потому, что придерживались своей веры. Неверующие евреи поступали (и сейчас поступают) еще хуже. В эпоху закона о запрете поселения это были главным образом выкресты, о которых сами христиане знали, что эти люди меняют религию ради выгоды, а в Б-га вообще не верят. Эти отщепенцы выступали с гнусными наветами на своих соплеменников даже в XIX веке.

Ортодоксальные евреи называют себя не верующими, а соблюдающими. Еврей, нарушающий правило «все евреи ответственны друг за друга», по закону так же не является соблюдающим, как и тот, кто нарушает Субботу. Но в глазах общественного мнения он все-таки соблюдающий, поскольку многие евреи придают обрядовой стороне религии большее значение, чем правилам отношений с людьми. Дело тут не в «ограниченности» самой религии, а в избирательном подходе к ней со стороны людей, которые намеренно обращают внимание на одни законы и «забывают» о других, выполнение которых противоречит их интересам. А соблюдение обрядов и правил без понимания их смысла не всегда ведет к достижению целей, для которых они предназначены.

Еврейские, христианские и мусульманские фанатики, как правило, мало знают о своих религиях. Чаще всего им известны только отдельные положения, вырванные из общего контекста. За эти положения, а не за веру в целом, они и дерутся, нередко и в буквальном смысле. Но и более «мирные» верующие обычно идут самым простым путем, то есть соблюдают законы (причем отнюдь не все) без понимания их цели. А ведь каждый сын нашего народа должен изучать Тору, то есть не только читать священный текст, но и постигать его смысл. Разрешение противоречия между принципами веры и поведением верующих состоит не в отходе от религии, а в более глубоком ее изучении. Если же общественное мнение перестанет считать соблюдающими евреями тех, кто нарушает правила отношений между людьми, то сами эти правила будут выполняться так же, как и законы о почитании Б-га.

Мне не все нравится в нынешнем иудаизме. Но это – религия моего народа, благодаря которой он прошел через два тысячелетия жизни в диаспоре, выдержал все гонения и сумел возродить свое древнее государство. Среди сотни с лишним евреев, получивших Нобелевские премии, большинство составляли светские люди. Однако без иудаизма наш народ давным-давно растворился бы среди других наций и не дал бы миру ни Фрейда, ни Эйнштейна, ни множества других великих людей, которые немислимы без своих еврейских корней и без традиционного для нашего народа уважения к ученым. В средние века это уважение относилось к знатокам Торы, в последние два века оно распространилось и на специалистов по светским наукам. Но само отношение к учености

сохранилось даже у нерелигиозных евреев. Кем бы ни были ученые – иудеями, христианами, мусульманами или даже атеистами, – своими открытиями в области естественных и общественных законов они помогают людям, правильно использующим эти законы, жить в соответствии с Б-жественным замыслом. А роль евреев в науке очень велика.

Религиозное еврейство – это среда, из которой всегда выделялись светские евреи. Многие из них внесли огромный вклад в мировую науку и культуру. Но светские евреи растворяются в нееврейском окружении. У них нет иммунитета от ассимиляции, которым обладает (хотя и не на 100%) религиозное еврейство. Еврейская солидарность, конечно, далеко не идеальна. Но она все-таки существует. Причем у религиозных евреев в гораздо большей степени, чем у светских. Если религиозное еврейство исчезнет, то испарятся и неверующие евреи во всей диаспоре. А Израиль – это не фабрика по производству Эйнштейнов. Весь мир намного обеднеет без народа, который дал ему столько выдающихся личностей. Поэтому солидарность, защищающая наш народ от антисемитизма и ассимиляции, служит не только национальным, но и общечеловеческим интересам.

4 ОКТЯБРЯ

НАШ КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ОКТЯБРЯ

85 лет со дня рождения физика-теоретика, академика РАН, иностранного члена Лондонского Королевского общества, Национальной АН и Академии искусств и наук США, Королевской АН Дании, Индийской национальной АН, Европейской академии и др., автора трудов по теоретической физике, радиоастрономии, физике космических лучей, физике плазмы, кристаллооптике и др., а также квантовой теории эффекта Черенкова-Вавилова, предсказавшего (совм. с И.М. Франком) переходные излучения, одного из авторов полуфеноменологических теорий сверхпроводимости и сверхтекучести, главы научной школы, лауреата двух Государственных премий СССР **Виталия Лазаревича Гинзбурга** (р. 1916, Москва).

5 ОКТЯБРЯ

25 лет со дня смерти юриста, дипломата, общественного и государственного деятеля, профессора международного права в университетах Лилля и Парижа, вице-президента Государственного совета и члена конституционного совета Франции, вице-председателя комиссии прав человека при ООН, подготовившего текст Всеобщей декларации прав человека, одного из основателей ЮНЕСКО, члена Международного суда в Гааге, председателя Европейского суда по правам человека, президента Еврейского альянса во Франции, почетного председателя всемирной организации сефардских евреев, лауреата Нобелевской премии мира 1968 года, кавалера ордена Почетного легиона **Рене Самюэля Кассена** (1887, Байона, Франция – 1976, Париж, в 1987 году перезахоронен в Пантеоне).

7 ОКТЯБРЯ

90 лет со дня рождения пианиста, выступавшего с сольными концертами в «Карнеги-Холл», в Белом доме (США), **Шуры Черкасского** (1911, Одесса – 1995, Лондон).

10 ОКТЯБРЯ

25 лет со дня смерти биофизика, академика АН СССР, члена-корреспондента АМН СССР, организатора и директора Научного центра биологических исследований АН СССР (Пушино), профессора МГУ, инициатора создания Координационного центра комплексных исследований в области биофизики, автора трудов по биологическому действию УФ-излучения, биофизики нервного возбуждения, мышечного сокращения, по философским проблемам биологии, вице-президента Международной организации по изучению живой клетки при ЮНЕСКО, лауреата трех Государственных премий СССР **Глеба Михайловича Франка** (1904, Нижний Новгород – 1976, Москва).

11 ОКТЯБРЯ

120 лет со дня рождения юриста, профессора Венского, Кельнского, Женевского и Калифорнийского университетов, члена Верховного суда Австрии, одного из авторов конституции Австрии 1922 года, стоявшего у истоков нормативизма в праве, выдвинувшего идею «чистого учения о праве», **Ханца Кельзина** (1881, Прага – 1973, Беркли, США).

105 лет со дня рождения лингвиста, литературоведа, одного из основателей московского (ОПОЯЗ), пражского, нью-йоркского и др. лингвистических кружков, профессора Колумбийского, Гарвардского университетов и Массачусетского технологического института, одного из основоположников структурализма в языкознании и языковедении, автора трудов по теоретической лингвистике, современной семиотике, славянским языкам, языкам северных народов, поэтике, литературоведческих исследований раннеславянской поэзии, творчеству А.С. Пушкина, А.Н. Радищева, А.А. Блока, а также Данте, У. Шекспира, Х. Бодлера, Б. Брехта и др. **Романа Осиповича Якобсона** (1896, Москва – 1982, Массачусетс, США).

13 ОКТЯБРЯ

75 лет со дня рождения физика-теоретика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по теоретической ядерной физике, теории экстремальных состояний вещества, ядерной физике, физике элементарных частиц, астрофизике, космологии, разработавшего обобщение метода Томаса – Ферми с приложениями к теории сильно сжатого и горячего вещества, показавшего, что вещество звезд белых карликов находится в кристаллическом состоянии, а вещество пульсаров пронизано системой вихревых нитей, предложившего метод описания квантовых объектов (эволюция по константе связи) с приложениями к нелокальной теории поля и к ядерной физике низких и высоких энергий, обосновавшего возможность существования сред с отрицательной диэлектрической проницаемостью и опровергнувшего утверждение о невозможности высокотемпературной сверхпроводимости, предсказавшего фазовые переходы в единых теориях частиц и на этой основе предложившего картину фазовых переходов в космологии, приведшую к современной инфляционной теории, лауреата премии им. М.В. Ломоносова АН СССР **Давида Абрамовича Киржница** (1926 – 1998, Москва).

80 лет со дня рождения актера и шансонье, снявшегося в фильмах «Плата за страх», «Война окончена», «Дзета», «Признание», «Осадное положение», «Жить, чтобы жить», «Венсан, Франсуа, Поль и другие», «Два места на 26-е» и др, **Ива Монтана** (наст. имя и фамилия Иво Ливи; 1921, Флоренция – 1991, Сен-Ли, Франция).

15 ОКТЯБРЯ

80 лет со дня рождения спортсменки, 17-кратной чемпионки мира по настольному теннису 1950 – 1955 годов **Анжелики Розеану** (р. 1921, Бухарест).

18 ОКТЯБРЯ

90 лет со дня рождения спортсмена, чемпиона мира по боксу среди профессионалов в наилегчайшем весе 1931 – 1932 годов **Виктора Переца** (1911, Тунис – 1943, убит в Освенциме).

23 ОКТЯБРЯ

60 лет со дня гибели Героя Советского Союза, воентехника второго ранга **Соломона Ароновича Горелика** (1913, Бобруйск – 1941, с. Стрелецкое под Белгородом).

90 лет со дня рождения Героя Советского Союза, гвардии сержанта **Арона Евсеевича Шиндера** (1911, Умань – 1984, Харьков).

24 ОКТЯБРЯ

90 лет со дня рождения актера, народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, художественного руководителя Ленинградского театра миниатюр, с 1982-го – Государственного театра миниатюр в Москве, с 1987-го – театра «Сатирикон», конферансье, исполнителя фельетонов, монологов, скетчей, мастера мгновенного перевоплощения, большое внимание уделявшего интонационной и пластической разработке роли, часто использовавшего приемы эксцентрики, буффонады в спектаклях «На чашку чая», «Светофор», «Его Величество Театр» и др., создавшего галерею остросатирических, а также лирических портретов, лауреата Государственной премии СССР **Аркадия Исааковича Райкина** (1911, Рига – 1987, Москва).

25 ОКТЯБРЯ

80 лет со дня рождения биолога, академика РАН, директора Института биологии моря Дальневосточного научного центра АН СССР, автора трудов по функциональной морфологии нервно-мышечной системы, экспериментальной экологии морских животных, общей и сравнительной экологии экологической

физиологии морских беспозвоночных животных, цитоэкологии **Алексея Викторовича Жирмунского** (1921, Петроград – 2000, Владивосток).

28 ОКТЯБРЯ

60 лет со дня гибели дважды Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта авиации, начальника ВВС РККА, помощника начальника Генштаба **Якова Владимировича Смушкевича** (1902, Ракишки Новоалександровского уезда Ковенской губ. – 1941, расстрелян в Куйбышеве, в 1954 году посмертно реабилитирован).